ГАНС ЭВЕРС

ТРИЛОГИЯ О ФРЭНКЕ БРАУНЕ: УЧЕНИК ПРОРОКА. АЛЬРАУНЕ. ВАМПИР

Избранные произведения

Ганс Эверс

Трилогия о Фрэнке Брауне: Ученик пророка. Альрауне. Вампир

«Остеон-Групп»

1909, 1911, 1921

Эверс Г. Г.

Трилогия о Фрэнке Брауне: Ученик пророка. Альрауне. Вампир / Г. Г. Эверс — «Остеон-Групп» , 1909, 1911, 1921 — (Избранные произведения)

ISBN 978-5-00064-652-6

Впервые в России представлена публикация знаменитой «вампирской саги» Ганса Эверса целиком и полностью в одной электронной книге. В первом романе «Ученик пророка или Охотники за дьяволом», которая в русском переводе неправильно называется «Учеником колдуна» или даже «чародея», мы встречаемся с Фрэнком Брауном в образе циничного ницшеанца, представителя бомонда, ни в сон ни в чох, ни в какие-либо моральные принципы не верующего, поставившего своего рода морально-этический эксперимент над забитыми и фанатичными прихожанами высокогорной общины в Итальянских Альпах. В этом романе не он выступает в роли ученика, а именно новоявленный пророк-американец жадно впитывает наставления своего новоявленного гуру, который в итоге обретает свой и моральный и нравственный крах.В романе «Альрауне» Фрэнк Браун присутствует при начале эксперимента над созданием «живого существа», девушки Альрауне, выведенной искусственно. Роман «Альрауне» высоко ценил Борхес, а Интернет сегодня полон ссылок на этот роман. Дитя проститутки и казнённого преступника (это не оговорка!), Альрауне – плод научного эксперимента. «История одного живого существа» – подзаголовок романа. А главный герой, Фрэнк Браун, от имени которого ведётся повествование, – человек, который всю жизнь «шел возле жизни – мимо неё…»Третья часть трилогии о Фрэнке Брауне, во многом основанная на реальных событиях из жизни Ганса Г. Эверса, в том числе о его подпольной работе в интересах кайзеровский Германии, встрече с Панчо Вилья и многих других исторических фактах того времени. Книга повествует о его борьбе против кровопролития во времена Первой мировой войны, о Фрэнке

Брауне – немце, оставшемся на территории США, его любовнице – еврейке, и мистической роли крови в его жизни.

ISBN 978-5-00064-652-6

© Эверс Г. Г., 1909, 1911, 1921
© «Остеон-Групп» , 1909, 1911, 1921

Содержание

Ганс Гейнц Эверс – поэт, гуманист и… нацист? 7
Книга первая 11
Часть первая 11
Глава 1. Гостиница у озера 11
Глава 2. Простой смертный 14
Глава 3. Три победы 16
Глава 4. Исцеление 18
Глава 5. История Сибиллы Мадруццо 24
Глава 6. Покушение 26
Часть вторая 35
Глава 7. Вон из Валь-ди-Скодра 35
Глава 8. Побег из рая 51
Глава 9. Утро в Венеции 52
Книга вторая 56
Прелюдия 57
Глава 1. Которая рассказывает, каков был дом, в котором появилась мысль об Альрауне 58
Глава 2. Которая рассказывает, как зародилась мысль об Альрауне. 66
Глава 3. Которая повествует, как Фрэнк Браун уговорил тайного советника создать Альрауне 74
Глава 4. Которая рассказывает, как они нашли мать Альрауне 78
Глава 5. Повествующая о том, кого они выбрали отцом и как смерть была восприемницей Альрауне. 102
Конец ознакомительного фрагмента. 108

Ганс Гейнц Эверс
Трилогия о Фрэнке Брауне

Книга 1. Ученик пророка, или Охотники за дьяволом
Der Zauberlehrling oder die Teufelsjäger

Книга 2. Альрауне
Alraune

Книга 3. Вампир
Vampire

Ганс Гейнц Эверс – поэт, гуманист и… нацист?

В наше время немецкую литературу ужаса с честью представляет Ганс Гейнц Эверс, который обосновывает свои темные концепции отличным знанием психологии. Романы вроде «Ученика чародея» и «Альрауне», рассказы типа «Паука» имеют определенные достоинства, относящие их к классике жанра.
Г. Лавкрафт. «Ужас и сверхъестественное в литературе»

Ганс Гейнц Эверс (Hanns Heinz Ewers; 1871–1943) – немецкий актер, поэт, философ, автор рассказов и романов. Писал на множество тем, но сейчас известен, в основном, по своим работам на тему хоррора. Венцом этого творчества стала его трилогия о приключениях Фрэнка Брауна, герое, созданном по собственному подобию. Самая известная книга из этой серии – «Альрауне», 1911 – неоднократно экранизировалась.

Ганс Гейнц Эверс начал свой творческий путь в 17 лет с поэзии. Первое его упоминаемое стихотворение – «На смерть немецкого императора Фридриха III». В марте 1891 г. Эверс получил аттестат Тогда же он добровольцем поступил на военную службу в гренадерский полк, но через 44 дня был комиссован по причине близорукости. Литературная карьера Эверса началась со сборника сатирических стихов, озаглавленного «Книга басен», изданного в 1901 г. В тот же год он в сотрудничестве с Эрнстом фон Вольцогеном создал литературный водевильный театр. Чуть позже он создал уже свой собственный подобный театр, который гастролировал по Центральной и Восточной Европе до тех пор, пока текущие расходы и постоянное вмешательство цензоров не заставили его отказаться от предприятия. Известный путешественник, к началу Первой мировой войны Эверс был в Южной Америке, оттуда он перебрался в Нью-Йорк, где продолжил писать и публиковаться. С репутацией Эверса как успешного немецкого писателя и исполнителя, он был прирожденным оратором, выступающим в интересах Германской империи, с целью противодействия союзу Соединенных Штатов с Англией. Эверс ездил в туры по городам с крупными национальными немецкими сообществами и собирал средства для немецкого Красного Креста.

В тот же период он был вовлечен в так называемое «дело Штеглера». Американские пароходные компании, одобрявшие борьбу против Империалистической Германии, по имеющимся данным, содействовали в выявлении пассажиров немецкого происхождения, направляющихся в Германию для присоединения к армии Кайзера. Многие были арестованы и помещены в тюремные лагеря Британского военно-морского флота; со временем немецкие добровольцы часто использовали фальшивые паспорта и добирались до Европы без осложнений. Эверс был привлечен в качестве немецкого агента одним из тех этнических немцев, Ричардом Штеглером.

После того как Соединенные Штаты присоединились к войне в 1917 г, он был арестован как «активный пропагандист». Правительствами Соединенных штатов, Великобритании и Франции, он был объявлен немецким агентом. Они доказали факт его поездок в Испанию в период с 1915 по 1916 года, обе по поддельному шведскому паспорту. Позднее, согласно командировочному отчету немецкого министерства иностранных дел было обнаружено свидетельство его возможного путешествия в Мексику, вероятно, с целью подтолкнуть Панчо Вилья к сдерживанию американской армии путем нападения на Соединенные Штаты.

Эверс был связан с прогерманским агентом Джоржем Сильвестром Виреком, сыном немецкого иммигранта и прямым незаконнорожденным потомком Гогенцоллерна Луиса Сильвестра Вирека (социал-демократ, известный тем, что делил камеру с Августом Бебелем), кото-

рый был членом того же студенческого лагеря (студенческая мужская организация), что и Эверс.

Деятельность Эверса в качестве «Гражданина враждебного государства» (англ. *Enemy alien*) была задокументирована Кристофером Дж. Амбергером в Немецком историческом журнале *Einst und Jetzt* (1991). Амбергер ссылается на въездные записи, демонстрирующие, что Эверс въезжал в Соединенные Штаты в компании Греты Эверс, обозначенной женой Эверса. Согласно записям офиса «Граждан враждебного государства» вскоре состоялся развод. Личность этой так называемой не подтвержденной документами супруги никогда не устанавливалась и, факт женитьбы исчез из большинства биографий.

Как немец по национальности, он был отправлен в Форт Оглторп, шт. Джоджия (тюрьма для военных заключенных). Как немецкого агента, Эверса в Соединенных Штатах никогда не допрашивали. В 1921 году он был освобожден и возвратился в родную Германию.

Первый роман Эверса *Der Zauberlehrling* (Ученик пророка) был опубликован в 1910 году, а его английский перевод в Америке в 1927 году. Книга знакомит с героем, Фрэнком Брауном, который, как и сам Эверс, является писателем, историком, философом и кругосветным путешественником с явной Ницшеанской моралью. Сюжет строится вокруг попытки Фрэнка Брауна повлиять на небольшую общину евангелистских христиан в маленькой итальянской горной деревне для получения своей собственной финансовой выгоды с ужасными последствиями.

За этим в 1911 году последовала вторая книга «Альрауне», переработка мифа о Франкенштейне, в котором Фрэнк Браун создает женского гомункула или андроида путем оплодотворения проститутки семенем отъявленного убийцы. В результате получается молодая женщина с полным отсутствием морали, которая совершает многочисленные чудовищные поступки.

«Альрауне» была написана под влиянием идей евгеники, в особенности книги «Вырождение» Макса Нордау. Книга была хорошо принята историками жанра ужасов.

Мэри Эллен Снодграсс описывает «Альрауне», как «шедевр декаданса от Эверса». Брайн Стэблфорд утверждает, что «Альрауне» достойна быть примером в качестве самой сильной истории о «роковой женщине». Эверетт Франклин Блилер называет эпизоды из «Альрауне» о подонках из Берлина лучшими эпизодами романа.

Роман был несколько раз экранизирован. Последней экранизацией является немецкая, снятая Эрихом фон Штрогеймом в 1952 году.

Согласно записям Блилера, оба романа, «Альрауне» и «Ученик пророка», отличаются теми эмоциями, которые смог вызвать автор, и что тексты Эверса, в лучшем случае, очень успешны». Однако, Блилер, также утверждает, что впечатление от работ Эверса портиться из-за надоедливой претенциозности, грубости и очень обструкционной и неприятной личности автора.

Последняя часть трилогии, «Вампир», написанная в 1921 году, описывает собственное превращение Фрэнка Брауна в вампира, пьющего кровь его еврейской любовницы. В отличие от двух первых книг цикла, этот роман почти не известен широкому читателю.

Другой роман Эверса, «*Der Geisterseher*», («Духовидец»), завершение романа Фридриха Шиллера, было опубликовано в 1922 году. Версия Эверса была принята хуже классического оригинала.

Также Эверс написал роман «*Reiter in deutscher Nacht*» («Всадники в немецкой ночи»), опубликованный в 1932 году.

Помимо этого Эверс написал большое количество рассказов, вошедших в сборник «*Nachtmahr*» («Кошмары»), которые по большей части касаются порнографии, кровавого спорта (коррида, петушиные бои), пыток и казней. В состав рассказов, переведенных на английский, входят часто включаемые в антологию:

– «Паук», 1915, история про черную магию, основанная на рассказе «Невидимое око» Эркманна-Шатриана;

– «Кровь», о боях на ножах до смерти;

– «Казнь Дамьена», повествование о казни Робера-Франсуа Дамьена, французского преступника 18 века, которая обрела дурную славу благодаря своей жестокости.

Эверс также опубликовал несколько пьес, стихи, сказки, либретто к опере и эссе в качестве критика. Этот материал включен в сборник в «*Die Ameisen*», переведенный на английский как «Муравьиный народ», «Индия и Я» – книга с описанием его путешествия по Индии, и в 1916 году критические эссе об Эдгаре Алане По, с которым его часто сравнивали. Действительно, Эверс многими считается главным автором в развитии литературного жанра ужаса, упоминается, как оказавший влияние на творчество американских писателей в этом жанре – Лавкрафта и Ги Эндора. Изучающих оккультизм также привлекают его работы из-за его долгой дружбы и переписки с Алистером Кроули. Также Эверс переводил некоторых авторов с французского на немецкий, включая Огюста де Вилье де Лиль-Адан.

Эверс был редактором восьмитомного сборника «*Galerie der Phantasten»,* антологии ужаса и фантастики, в котором помещались работы По, Гофмана, Оскара Паницца, Оноре Бальзака, Альфреда Кубина и друга Эверса Карла Ганса Штробля, Густаво Адольфо Беккера и самого Эверса.

В течение того периода, когда он написал большую часть из своих рассказов, между 1910 и 1925 годами, Эверс также читал лекции на тему «Религии Сатаны», вдохновленный книгой 1897 г. Станислава Пшибышевского «Синагога Сатаны».

Ганс Гейнц Эверс умер 12 июня 1943 года в Берлине от туберкулеза.

Эверс был одним из первых критиков, который признал кино в качестве законного искусства, и писал сценарии для многих ранних фильмов. Наиболее известен «Пражский студент», 1913 г. Это переработка легенды о Фаусте, которая также является первым двойным изображением актера на экране.

Нацистский мученик Хорст Вессель, член того же корпуса (студенческого мужского объединения), в котором Эверс также был участником, играет в дополнительной версии фильма 1926 года, также написанной Эверсом. Позднее Адольфом Гитлером было поручено Эверсу написать биографию Весселя, которая также легла в основу фильма.

В последние годы существования Веймарской республики, Эверс был вовлечен в зарождающуюся партию нацистов, привлеченный идеями национализма, ницшеанской моральной философии, и культом Тевтонской культуры. В 1931 году он присоединился к НСДАП. Его гомосексуальные наклонности, а также, несогласие с антисемитизмом в партии, которое нашло своё выражение в романе «Вампир», где у его героя Фрэнка Брауна была любовница еврейка, Лотте Леви, которая была патриотом Германии, в итоге привели к концу карьеры в качестве партийного лидера. В 1934 году большинство его работ были запрещены в Германии, и его активы и собственность были изъяты. Альфред Розенберг был его главным противником по партийной борьбе, но после подачи множества петиций, в конечном итоге, запрет был аннулирован.

Его последняя книга «*Die schönsten Hände der Welt*» («Самые красивые руки в мире») была опубликована «*Zinnen Verlag*» (Мюнхен, Вена, Лейпциг) в 1943 году.

Несмотря на огромное влияние, которое Эверс оказал на литературу в жанрах ужасов и фантастики в XX веке, он все равно остается в немилости в буржуазных литературных кругах (особенно в англо-говорящем мире и Германии), из-за ассоциации с нацистами. Результатом этого стало то, что в послевоенном мире издания его работ очень сложно найти, а ранние издания среди коллекционеров продаются по завышенной цене.

«Ученик пророка», первый том трилогии о Фрэнке Брауне был переведен Джо Банделем и издан Bandel Books Online в сентябре 2012 г. Это был первый, без цензуры, перевод «Ученика пророка». Он включает в себя предисловие Вильфреда Кугеля; стихотворение «Прометей» Гете и «Гимн Сатаны» Кардуччи; «Сатанизм Ганса Гейнца Эверса», «Двойственность –

Мужчина», «Двойственность – Женщина», «Двойственность – Сексуальная Алхимия» Джо Банделя и полный текст «Синагоги Сатаны» Станислава Пшибышевского, также переведенного Джо Банделем.

В 2016 «Ajna Offensive» опубликовала перевод Маркуса Вольфа на английский романа Эверса 1922 года «Сердце Короля».

Книга первая
Ученик пророка, или Охотники за дьяволом

Часть первая

Глава 1. Гостиница у озера

– Итак, я буду очень рад видеть вас у себя сегодня к ужину! – сказал Фрэнк Браун старому священнику.

Дон Винченцо протянул ему руку.

– Если позволите. До вечера!

Фрэнк Браун медленно направился к гостинице, стоявшей на самом берегу озера. Там он выбрал комнату, умылся, написал несколько писем и вышел прогуляться. Когда он вернулся, колокол уж звал к столу. Но он сначала поднялся к себе, тщательно выбрился, переоделся и спустился вниз, когда уже подавали третье блюдо.

Священник уже ждал его за небольшим столом у окна.

– Простите, я заставил вас ждать – эта одна из моих скверных привычек. – Он взял карту вин и предложил гостю выбрать марку.

– Удивительно! Вы выбрали как раз моё любимое вино!

Несмотря на это, Фрэнк Браун не выпил и полустакана, а ел и того хуже; зато он всё время следил, чтоб тарелка соседа не была пустой. Когда подали десерт, Браун очистил яблоко для старика, отрезал ломтик для себя и посолил его.

Священник покачал головой:

– Вы едите яблоко с солью?

– Разумеется. Только тогда чувствуешь настоящий аромат яблока.

Священник тоже посолил свое.

– Да, вы правы. Всегда надо уметь подойти к сущности вещей.

– Конечно, дон Винченцо. Это – самое главное.

– Позвольте, почему это – самое главное?..

– Я имею в виду, что диагноз должен всегда быть на первом плане. Например, если мы хотим сделать яблоко…

– Сделать – яблоко? Но мы не желаем делать яблоки!

– Почему – мы не желаем? Напротив, мы все хотим делать! Оставим яблоки, возьмём что-нибудь другое, например, холеру. Для того, чтобы бороться с нею, необходимо изучить жизнь бацилл. Не так ли?

– Совершенно верно. Но яблоки вы ведь хотите сделать, а холеру, наоборот, хотите уничтожить. С нею нужно бороться, а не создавать её.

Фрэнк Браун улыбнулся.

– Почему – нет? Ведь каждый год изобретают все новые и новые средства, чтобы возможно скорей и наиболее верным способом истребить как можно больше людей. Почему же не пустить во вражеский лагерь, вместо лиддита и мелинита, какую-нибудь страшную чуму, которая действует вернее всех смертоносных орудий?

Священник перекрестился.

– Пречистая Дева! Помилуй нас!

– Я тоже надеюсь, что этого никогда не будет. Война – вообще глупая вещь! – заметил Фрэнк Браун.

Дон Винченцо пристально посмотрел на своего собеседника. Где он видел это продолговатое, загорелое лицо, эти глаза, то голубые, то серые, то вдруг зелёные? Ему казалось, что он уже раньше знал этот высокий, слегка выпуклый лоб с прямой прядью пепельных волос, и эти губы, слегка опущенные вниз, и полуоткрытый рот, показывающий белые зубы с кусочками золота между ними…

– Нет, нет, ваше преподобие! Вы не знали прежде меня. Сегодня утром мы впервые встретились с вами на пароходе.

– Что это значит? Вы читаете в мыслях?

– Разве это так трудно? Почти все люди похожи на открытую книгу. Особенно священники.

– К счастью, не все люди умеют читать.

– Да, дон Винченцо, есть много безграмотных. Мы вернулись опять к тому же вопросу. Самое важное – уметь читать. Эти значит, – видеть, познавать. И потом нужно уметь писать, т. е. творить…

– Доктор, вы католик?

Вопрос был поставлен неожиданно, но Фрэнк Браун не смутился.

– Пока нет, – ответил он спокойно, – но, – кто знает? – быть может, я стану таковым когда-нибудь. Надеюсь, однако, мы не будем теперь заниматься религиозным спором. Сегодня утром я просил вас указать мне тихий, укромный уголок, где я мог бы спокойно прожить пару месяцев. Вы указали мне Валь-ди-Скодра. Почему вы сами не хотите навестить эту заброшенную деревушку?

– Не хочу! Скажите лучше: не могу. Я получил сегодня письмо, в котором мне сообщают, что в Валь-ди-Скодра теперь не вполне тихо и не совсем спокойно: местные жители устраивают сектантские собрания.

– Кто же руководит ими?

– Во главе их стоит Пьетро Носклер, или мистер Питер, как он величает себя, или «Американец», как его называют крестьяне.

– Но кто такой этот мистер Питер?

– Это – бывший эмигрант. Лет тридцать тому назад, шестнадцатилетним юношей, он поехал искать счастья в Америке. Сначала он жил в Нью-Йорке, затем – в Чикаго и, наконец, попал куда-то в Пенсильванию. Всюду ему не везло, и он с трудом перебивался с женой. К счастью, детей они не имели. Здесь, в Пенсильвании, он примкнул к какой – то религиозной мистической секте из чисто материальных соображений: за ним начали ухаживать, заботы о пропитании отпали от него, и мало-помалу из ничтожного лапотника он превратился в настоящего сапожника, потом обзавёлся даже собственным магазином. В этот момент ему свалилось счастье: для сооружения нового храма община устроила лотерею, и главный выигрыш – двадцать тысяч долларов – достался ему. Это дало ему возможность осуществить свою заветную мечту – вернуться на родину. Здесь он купил дом, открыл обувную лавку, – деньги он вложил, по моему совету, в государственные бумаги – и живёт около трех лет. Однако, хозяйство отнимает у него слишком мало времени и, от нечего делать, он начал устраивать у себя религиозные собрания, на которых проповедует покаяние в грехах.

В такой заброшенной деревушке все мрут со скуки; эти собрания с пением и молитвами – единственное развлечение после работ; поэтому понятно, что количество слушателей Американца до того разрослось, что ему пришлось выстроить специальный сарай для собраний: у него дома они уже не помещались.

– Но не противоречит ли его учение вашему, дон Винченцо?

– И да, и нет. Он говорит, например: исповедь нужна; но мало поверять свои грехи с глазу на глаз священнику: нужно иметь мужество заявлять о них открыто на собраниях. Только таким путем можно изгнать злого духа, который бродит по всей земле.

– И вы спокойно смотрите, как ваша паства идёт к нему?

– Да. Это – тактика, которой вот уже двенадцать лет придерживается наш епископ. Он – очень умный человек и, поверьте, это самая удачная тактика.

– Однако, мне кажется, сидеть сложа руки, как вы, и смотреть, как движение принимает всё большие и большие размеры, – совсем не в духе церкви!

– Вы не знаете наших гор, милый доктор. Иначе вы не говорили бы так. Видите ли, там, в глубоких долинах, окружённых горами, которые уходят высоко за облака, рождаются и живут люди, как в вечной темнице. Их мир бесконечно мал. Никогда они не видят широкого горизонта, никогда их взор не выходит за пределы их глубокой и тесной дыры. Каждый из них страдает уродством: одни – духовным, другие – телесным. Как слепые, они ощупью бродят, и так забыли жить, что не могут вспомнить, даже выйдя на широкий простор.

Тридцать лет, например, прожил Пьетро Носклер в Америке, а знает о ней столько же, что вот эта бутыль! Горы словно сжали, сдавили дух своих обитателей. Они все – христиане, благочестивее которых нет во всем мире; они любят Богоматерь и Христа. Но нас, священников, ужас охватывает порой, когда мы видим, как они веруют. Наш епископ однажды сказал очень метко: «Наши горы имеют больше богов, чем Рим и Эллада и вся Азия». Почти не проходит года, чтоб в какой-нибудь деревушке не возникла новая мистическая секта. Таким образом, вы видите, то, что творится сейчас в Валь-ди-Скодра, не ново для нас; немного новы лишь американские идеи.

– И вы считаете, что своим… ничегонеделанием боретесь с этими явлениями?

– Да. Не нужно вмешиваться! Именно таким образом мы достигаем блестящих результатов. Мы оставляем их в покое – и через короткое время угар проходит, и они снова стремятся в старую церковь, как ни в чем не бывало. Никто из них не знает, что он хочет; у них нет никакой руководящей идеи; поэтому их увлечения так безопасны; это своего рода болезнь гор, – наш епископ называет её долинной лихорадкой.

– А знает епископ о происходящем в Валь-ди-Скодра?

– Разумеется. Я докладывал ему об этом, когда мне показалось, что движение принимает слишком серьезные размеры. Но он рассмеялся и сказал, что новая пенсильванская мода внесёт хоть некоторое разнообразие, и настойчиво рекомендовал мне не вмешиваться, ибо, по его мнению, всякое давление может привести лишь к сопротивлению. Я не был там уже четыре месяца. Последний раз я служил там обедню лишь для одного человека: все бегут теперь к Американцу. Они собираются у него четыре раза в неделю и поднимают невообразимый шум своим пением и оглушительной музыкой. Однако, вас они беспокоить не будут: их сарай построен как раз на противоположном конце деревни.

Фрэнк Браун улыбнулся.

– В таком случае, я отправляюсь туда завтра же утром. По-видимому, этот Американец – человек, которого можно использовать.

– Использовать?.. Как так?

– Разве я могу заранее знать? Все зависит от момента. В этих обитателях горных долин заложена таинственная, мистическая сила, и никакую силу нельзя оставлять неиспользованной.

– Эта сила – явление болезненное; и чем скорее она сгинет – тем лучше.

– Нет, вы не правы, старик, – сказал Фрэнк вполголоса. – Ничто не должно погибнуть, не вкусив вполне жизни.

– Но злое…

– Даже злое! Оно имеет право на жизнь, как и все остальное. Отвратительно лишь то, что ничтожно! Все же сильное – красиво!

– Американец мало поймет из того, что вы только что говорили.

– Ему не нужно понимать, – ответил Фрэнк Браун. – Его дело – созидать! Ах, если бы он мог сделать из этих жителей гор одну сплошную, цельную массу! Зверя, мощного зверя я буду иметь тогда, дон Винченцо, а тогда уж, – поверьте мне, – я сумею научить его кусаться!

– Вы мне разрешите, доктор, задать вам один вопрос?

– Разумеется.

– Гм… кто вы?

Доктор встал. Все лицо его светилось ясной, почти детской улыбкой.

– Кто я? Простой смертный. Зовут меня Фрэнк Браун; умею читать и писать.

Глава 2. Простой смертный

Фрэнку Брауну пришлось ждать несколько дней почты в Валь-ди-Скодра.

Всю дорогу он ехал молча, не отвечая на замечания соседей, не обращая внимания на красивый пейзаж.

В деревне его поразила царившая там тишина и безлюдье. Она словно вымерла. Только с восточной стороны до него доносился неясный шум; он различил в нем человеческие голоса, затем протяжные звуки гармоники и, наконец, отрывистый бой барабана и звон треугольника. «Американец устроил концерт, – подумал Фрэнк, – и вся деревня теперь у него».

Ему пришлось обойти все селение, прежде чем он увидал живое существо. Это был седобородый мужчина, сидевший на скамье перед домом, по-видимому, гостиницы.

– Добрый вечер! Вы – Пеппино Раймонди? Меня к вам направил дон Винченцо. У вас найдутся для меня две комнаты?

Хозяин повел его наверх, показал свободные комнаты рядом с комнатой дочери и предложить выбрать мебель по своему желанно.

Фрэнк Браун выбрал комнаты с видом на озеро, помог хозяину перетащить нужную мебель, разобрал свои вещи, умылся и спустился в ресторан. Там сидели хозяин и пограничный жандарм Дренкер.

В комнате было довольно темно. Вдруг из двери напротив вырвался сноп света, и явилась молодая девушка с двумя большими свечами.

– Это ваша дочь? – спросил Фрэнк хозяина.

– Да, это Тереза, дочка. Славная девка! Подойди сюда, Тереза.

Но девушка отвернулась и вышла так же молча, как и вошла.

– Подай ужин! – крикнул ей вслед отец. – Гости, вероятно, уж проголодались.

Через минуту она снова вошла, накрыла скатертью стол, поставила приборы и подала ужин.

Фрэнк Браун поздоровался с нею, но она едва поклонилась в ответ. Она не села с ними за стол, а устроилась на скамье у окна и достала шитье.

Фрэнк начал внимательно разглядывать её. Это была высокая, стройная девушка, лет двадцати, с черными, как у отца, волосами и с огромными синими глазами: её мать была немка.

Фрэнк попросил у девушки хлеба, она поставила его на стол, но ни слова не ответила на его вопросы, – только недоверчиво взглянула на него и снова села на прежнее место.

Продолжая пить, есть и болтать, Фрэнк не переставал наблюдать за девушкой. Он заметил, как она, время от времени, кидала на него украдкой быстрый, вопросительный взгляд, потом вынимала из кармана письмо, читала его и снова взглядывала на Фрэнка.

«Так вот что, дитя моё: ты получила сегодня письмо и, по-видимому, от дона Винченцо, твоего исповедника? Он предостерегает тебя против меня? Вот почему ты так подозрительна! –

подумал Фрэнк Браун. – Старик, старик, как ты ещё глуп! Я никогда бы не коснулся твоей духовной дочери. Но теперь… зачем ты меня раздразнил? Ты так стар уж, священник, и до сих пор не знаешь, что соблазнительно всегда лишь запретное…»

Фрэнк снова посмотрел на девушку. У неё был прямой, красивый нос и не очень высокий лоб; густые черные брови лежали дугой над темно-синими глазами, на которые падала тень от длинных ресниц; при каждом вздохе ноздри её дрожали и раздувались; рот был немного велик, а слегка сжатые губы, словно пышный гранатный цвет, выделялись на белом, как воск, лице.

Её мелкие черты выражали смирение и кротость, но за ними, чувствовалось, дремлют какие-то силы.

Быть может, из этой девушки могла бы выйти великая артистка… Быть может, крупная кокотка…

Её грудь высоко поднималась и опускалась в чересчур тесном корсете. Жадным взглядом он раздевал её, срывал с неё косынку и тяжелый серебряный кушак… Она поймала его взгляд и густо покраснела. Стыд опустил её веки, но ненависть заставила поднять их. Дрожащими руками она положила обратно в карман письмо, отвернулась и быстро, твердыми шагами, вышла из комнаты, захлопнув дверь.

Фрэнк Браун посмотрел ей вслед. Его дикий, жадный порыв постепенно проходил, складка губ стала мягче, и глаза приняли спокойное, мечтательное выражение.

– Бедное, прекрасное дитя!.. – прошептал он. Потом, проведя рукой по волосам, он резко тряхнул головой, словно желая прогнать свои мысли, и воскликнул:

– Я хочу петь! А ты, хозяин, принеси нам лучшего вина!

Он побежал к себе, снял со стены гитару и вернулся на прежнее место.

– За ваше здоровье, г. Дренкер! – Он чокнулся с жандармом, потом с хозяином. – Хотите держать пари, что я вас перепью?

– Браво! – рассмеялся жандарм. – Только лучше не спорьте. Вы не знаете, на что способен Алоис Дренкер.

– Но я всё-таки хочу держать пари! Хотите – ваша каска за мою гитару.

– Идёт!

Жандарм встал, отстегнул портупею и поставил в угол тяжелую саблю.

– Я готов.

Фрэнк настроил гитару.

– Что вам спеть?

– Мне все равно. Что знаете.

Фрэнк Браун запел.

Он пел задорные студенческие песни, и двусмысленные шансонетки, и солдатские песни, полные грубых сальностей, которым с воодушевлением подтягивал жандарм. Фрэнк был неистощим. Он пел то романсы неаполитанских уличных певцов, то андалусские мелодии, то матросские песни, то куплеты монмартрских кафе. Жандарм хохотал, хлопал по столу кулаками и пил стакан за стаканом. Фрэнк Браун не отставал от него. Он пил и пел…

Хозяин уже ушел к себе, не простившись. Слышно было, как он повалился на постель, словно подкошенный. А они ещё пили…

Наконец рука жандарма тяжело упала, ударив стаканом о край стола; его могучая голова грузно опустилась на грудь, и он захрапел.

Фрэнк рассмеялся. Встал, взял гитару и подошел к окну.

Долго сидел он здесь на скамейке. Почти бессознательно коснулся он струн и взял несколько тихих аккордов.

Полились грустные бретонские песни, рожденные одиночеством, морем и вечной тоской. И в этот миг внезапно, почти инстинктивно, постиг он, что долгие годы искал ощупью, полный

сомнений. В ярком свете увидел он заключительное звено длинной цепи размышлений, и им овладела твердая уверенность в себе.

Фрэнк Браун встал. Безумный огонь сверкал в его глазах. Он подошел в столу, налил полный стакан вина и выпил.

– Черт побери! Нет никакой возможности опьянеть от вина. – Он вынул бумажник, достал из него маленькую бумажку, бережно развернул и высыпал из неё мелкий порошок в стакан с вином. Он пил, смакуя…

Медленно, с трудом волоча ноги, он вышел на улицу. Вдруг горячая волна пробежала по телу, ударила в руки и ноги… Глубоко вздохнув, он вытянул руки, поднял голову и увидел наверху, в третьем окне, слабый свет…

* * *

Фрэнк Браун быстро взбежал по лестнице, словно гонимый самой судьбой. Он вошёл в свою комнату, быстро разделся, накинул халат и вышел…

Перед дверью Терезы Фрэнк нерешительно остановился, словно боясь чего-то. Он прислушался – ни звука. Быстро откинув защёлку, он вошёл в её комнату. Напротив висел образ Богоматери, украшенный веткой бука и тремя анемонами. Направо от него была чаша со святой водой, налево теплилась лампадка. Слабый свет падал на кровать молодой девушки.

Она ещё не спала. Широко открытыми глазами она смотрела на него, вся побледнев, с дрожащими губами. Она не сказала ни слова, – только умоляюще смотрела на образ. Она молилась.

Он схватил её; она громко вскрикнула, вскочила, ударила его кулаком по лицу и вонзилась ногтями в его тело.

Фрэнк схватил девушку за талию, прижал её к кровати, а правой рукой сдавил голову. Каким-то образом палец его попал в её крепкие зубы; он закричал от невыносимой боли, схватил её за косы, обмотал их вокруг руки, рванул её голову – и только тогда разжались её губы. Тереза не закрыла глаз и не кричала. Рядом с ним она неподвижно лежала и смотрела на него, как на чудовище, от которого некуда скрыться. Она не жаловалась и не плакала.

В этот момент его горячую грудь наполнило чистое чувство полного мира. Он заговорил и голос его звучал тихо и мягко, как звуки далёкой, сладкой музыки. Странно-чарующе отдавались в её ушах его слова. Они освежали, они окутывали её голое, измученное тело. Только теперь она разрыдалась. Он обнял её бережно, ласково, словно ребенка.

Тереза откинулась назад и взглянула на него. Ей казалось, что это – не тот, который только что… Она не узнавала его. И слегка, против собственной воли, она пожала ему руку.

А он продолжал говорить ей сладкие, любовные слова. Она уже не сопротивлялась его поцелуям и крепким объятиям. Она не стыдилась своих ласк… И ту самую руку, которую недавно так больно укусила, она покрыла теперь горячими поцелуями…

Он проснулся под утро и осторожно, чтобы не разбудить спящую, прошел в свою комнату и тотчас уснул.

Глава 3. Три победы

На следующий день Фрэнк Браун встал с радостным чувством. Он одержал три крупные победы:

– Я могу ещё пить, как когда-то, и могу получать откровения… А любить – я тоже могу, как когда-то!

Он быстро оделся и сошел вниз. Терезы там не было; ему прислуживал её отец. Оказалось, Тереза уехала к своему духовнику, но, не застав его в городе, вернулась раньше, чем предполагала.

Фрэнк Браун ел не торопясь, надеясь увидеть Терезу. Однако она не пришла.

Вечером он встретил её в саду, но она убежала, как только он приблизился к ней. И в тот, и на следующий день он хотел заговорить с нею, но она избегала его, почти скрывалась. Один раз он попытался пойти к ней ночью; но дверь оказалась запертой. Временами его почти бессознательно влекло к ней. Но скоро он перестал о ней думать.

Его мысли принадлежали работе. До глубокой ночи он просиживал над книгами, приводил в порядок таблицы и выписки и видел, как труд его растет и принимает осязательные формы.

* * *

Однажды он пошел на собрание к мистеру Питеру.

Огромная комната едва освещалась и вентилировалась одним окном, вделанным в боковую стену. Три стены её были из голого камня и только четвертая была обита досками.

Единственным украшением было большое распятие, висевшее на задней стене.

Все с жаром пели и молились. Затем Американец произнес проповедь, в которой он горячо нападал на дьявола, отца всех грехов. Он призывал к покаянию и закончил речь страстной молитвой.

Затем он спросил, не желает ли кто-нибудь «повидать свою душу».

Вперёд выступил его слуга, Скуро, здоровенный детина с огромной рыжей головой, и начал каяться:

– Я был раньше черен, как дьявол в аду, а теперь, по милости Спасителя, сделался чистым. Прежде я был полон вином, а теперь я наполнился Святым Духом…

Немного разочарованный, Фрэнк Браун ушел с собрания, когда «охотники на дьявола», как они назывались, запели в четвертый раз великопостную молитву.

* * *

Тереза стояла на коленях в исповедальне и, опустив голову на руки, закрыв крепко глаза, говорила без пауз, беззвучным голосом. Не прерывая, терпеливо слушал её старый священник, сидевший в кресле.

Тереза умолкла. Медленно подняв голову, она посмотрела на священника беспомощно и глубоко-вопросительно.

Минуты бежали, а старик ничего ещё не сказал своему духовному чаду и не знал, что он должен сказать: конечно, девушка согрешила; но так ли велик её грех?

Её губы опять зашевелились и тихо, так, что он скорее угадал, чем услышал её, она спросила его:

– Ваше преподобие, правда ли, что… его… прислал рок?

Старик молчал.

Девушка поднялась с колен и подошла к нему совсем близко.

– Что же мне делать? – спросила она.

– Я не знаю, – прошептал священник.

Тереза бросилась к его ногам, зарылась головой в его рясу и разрыдалась. Старик чувствовал, как её слезы промочили насквозь его платье; он хотел помочь её горю, но не мог и только тихонько гладил её по голове.

Вдруг девушка встала и схватила его руку. Она задыхалась.

– Ваше преподобие, скажите, это правда?.. Его послала судьба?

И в её глазах светилось горячее желание и бесконечная надежда услышать: да. Он ясно чувствовал это. Он знал, что все её существо наполнено прекрасным образом чужестранца – пылкого, мечтательного, бросающего вызов небесам.

Но, сделав над собой усилие, он ответил, не глядя:

– Не знаю.

Она разрыдалась. Бесконечное сострадание к ней заговорило в его душе; он поднял её голову и ласково спросил:

– Разве ты так сильно любишь его?

– Да, батюшка, больше жизни.

Он тихо поцеловал её в лоб.

– Тогда иди, дитя моё. Прими свой жребий. Это Божий промысел.

Она посмотрела на него с благодарностью; у неё не было сил сказать хоть слово. Потом, схватив его руки, она покрыла их слезами и поцелуями.

Глава 4. Исцеление

Фрэнк Браун поздно сошел вниз: он работал всю ночь до рассвета. Тереза молча стояла за завтраком подле него и ждала его взгляда. Но он почти не видел её. Он не заметил ни её отсутствия, ни возвращения. В следующие дни она тоже не отходила от него во время еды, но заговорить с ним не решалась; она только прислуживала ему, немая, как рабыня.

Однажды она тихо сказала ему:

– Дон Винченцо просил передать вам привет.

– Благодарю.

Он взглянул на девушку и заметил, что она была хороша.

– Ты видела священника?

– Да, четыре дня тому назад я была в городе.

– Ты исповедовалась?

Она кивнула головой.

Фрэнк Браун болтал с Терезой, но не прикасался больше к ней. Он был ласков и добр с нею, как с хорошеньким ребенком, присутствие которого терпят. Иногда, когда он брал лютню, он звал её к себе: она должна была спокойно сидеть и слушать.

Когда он отправлялся кататься по озеру, то давал ей весла, и она гребла. А он молча сидел против неё и о чем-нибудь думал или мечтал.

Он приучил её бегать рядом с ним во время прогулок, терпеливо, внимательно, как хорошо выдрессированная собака. Фрэнк высказывал ей свои мысли, спрашивал её совета и сам за неё отвечал: так ему легче было уяснять себе самому свои мысли.

Терпеливо, серьезно, целыми часами слушала его Тереза. Она мало понимала из того, что он говорил, но все ей казалось великим и прекрасным, а сознание, что её господин разговаривал с нею, делало её бесконечно счастливой.

Иногда, среди ночи, он приходил в её комнату, будил, садился на кровать и начинал рассказывать. Она, по обыкновению, тихо, серьезно слушала его. Иногда он оставался у неё, смеясь, обнимал и ласкал её, а она закрывала глаза и вся дрожала от счастья.

Однажды, уже вечером, к нему постучались.

В комнату ввалился служивший при гостинице Анджело и доложил, что Мариано Венье очень просит барина пойти навестить его жену, которая больна, при смерти.

– Но я – не врач! – заявил Фрэнк. Однако Анджело не двигался с места. Фрэнку пришлось ещё раз повторить, что он ничего не понимает в медицине; тогда слуга вышел, но тотчас вслед за ним в комнату вошли хозяин и Тереза.

– Венье стоит внизу и не хочет уходить. Пойдите же к его жене, доктор! – сказал Раймонди.

– Но я ничем не могу ей помочь. Я – не врач, – ответил Фрэнк.

Хозяин почесал затылок и плюнул.

– Вам ведь никто не поверит: все думают, что раз вы доктор, вы должны уметь лечить.

Было видно, что он и сам думает так же.

Наконец, Раймонди прибег к последнему доводу.

– Там теперь Американец; он хочет молится о её здравии; вы можете сделать для неё столько же, сколько и он.

Но у Фрэнка не было желания состязаться с Американцем.

Тут подошла к нему Тереза.

– Пойдите к бедняжке, – попросила она, – быть может, вы всё-таки ей чем-нибудь поможете.

Он рассмеялся.

– Право, дитя, я ничего не умею.

Тереза серьезно, большими глазами, посмотрела на него, взяла за руку и проговорила:

– Пожалуйста, пойди к бедняжке. Ты все можешь…

Он вздохнул, пожал плечами, достал опиум, хинин и пирамидон из дорожной аптечки и отправился к больной…

Спальня, в которой лежала Матильда Венье, была полна народу. Воздух в ней был сперт донельзя.

– Откройте окно! – приказал Фрэнк Браун. Но больная поднялась на кровати и громко закричала.

– Нет! Пусть окно будет закрыто! Пьетро Носклер приказал, чтобы его закрыли.

Фрэнк Браун обернулся. Рядом с ним стоял Американец. Он был весь в черном; в длинном сюртуке, застёгнутом до самой шеи, как у миссионеров. Безбородое лицо, маленькие, слегка косые, глубоко сидящие глазки, низкий, выдающийся вперёд череп, отсутствующий подбородок, приплюснутый нос, широко оттопыренные уши с приросшими мочками свидетельствовали о вырождении; шея была изрезана золотушными рубцами; движения торопливы, как у эпилептиков.

«Ему мне было бы легче поставить диагноз, чем больной», – подумал Фрэнк Браун.

– Дайте ваш пульс, – попросил он больную.

Но женщина спрятала руку под одеяло и взглянула на Фрэнка почти с ненавистью.

Тогда вмешался Американец.

– Дай руку, сестра! – сказал он больной, и та послушно протянула её Фрэнку.

Пульс больной свидетельствовал о сильной лихорадке. Её язык и весь рот были сильно обложены. Она хрипела и кашляла.

Не подлежало никакому сомнению, что она была серьезно больна. Но Фрэнк не знал, что нужно делать.

– Как долго она не спала? – спросил он неуверенно.

– Уже три ночи, – ответил Американец.

«Ей не может повредить ни в коем случае, если она как следует выспится, – подумал Фрэнк Браун. – Я дам ей немного опиума».

– Принесите воды! – попросил он, – я дам ей лекарства.

Но больная закричала и замахала руками.

– Он отравит меня!

Она запела священный стих, и присутствующие вторили ей.

Её муж сделал знак Фрэнку Брауну, и они вышли в соседнюю комнату. Венье подал здесь Фрэнку графин воды.

– Пришли сюда мистера Питера, – приказал он.

– Что вам угодно, доктор? – спросил, войдя в комнату, Американец.

– Вот стоит лекарство. Я уйду сейчас, и ты дашь его больной. Ты останешься всю ночь здесь?

– Да, – ответил Пьетро Носклер, – мы будем бодрствовать и молиться.

– Прекрасно, – продолжал Фрэнк Браун. – Один стакан ты дашь ей сейчас же. Она охотнее примет лекарство из твоих рук. Я надеюсь, что оно несколько успокоит её, и она скоро уснет. Если же больная снова проснется, ты дашь ей другой стакан!

Американец молчал, но по его лицу видно было, что он собирался сделать, когда уйдет доктор: взять стакан и вылить все его содержимое.

Фрэнк Браун вспыхнул. Схватив за плечи Американца, он начал его трясти изо всех сил.

– Взгляни на меня! – крикнул он повелительно. – Ты сделаешь то, что я говорю! Я этого хочу – понимаешь?

– Да, я сделаю это, – пробормотал Американец, взял стакан и вышел к больной.

* * *

На следующий день Фрэнк встретил мужа Матильды.

– Ну, как здоровье жены?

Мариан Венье посмотрел недоверчиво.

– Вы не помогли ей. Я не заплачу вам.

– Мне не нужно твоих денег. Я хочу только знать, как здоровье больной.

Венье сразу сделался любезнее:

– Ей лучше. Скоро она будет совсем здорова. Спасибо за то, что вы пришли.

Но тут же добавил:

– А спас её всё-таки Американец.

Вся деревня только и делала, что говорила о чудесном выздоровлении Матильды Венье. Говорили, что уже не было никакой надежды на её спасение, что даже искусство знаменитого немецкого врача было бессильно. И только мистер Питер своими молитвами и бдением в течение трех долгих ночей спас её тело, уже попавшее дьяволу в когти!

Тереза вошла в комнату Фрэнка.

– Ведь это вы спасли Матильду, а не Американец? Правда?

«Она сама спасла себя», – подумал Фрэнк Браун, но ответил Терезе:

– Нет, наверно, Американец: он так усердно молился!

Девушка не знала, шутит он или говорит серьезно. В эту минуту в дверь постучали.

– Войдите! – крикнул Фрэнк Браун.

Тереза открыла дверь и, увидев Американца, вскрикнула и убежала.

Фрэнк Браун поздоровался с ним и предложил ему стул. От сильного смущения мистер Питер потирал свои огромные красные ручища о брюки. Потом, заикаясь, сказал, что пришел поблагодарить доктора за спасение сестры.

Хотя все-де говорят, что он спас больную, но это лишь потому, что никто не видел, как доктор приготовлял лекарство.

– Вы сказали это кому-нибудь? – спросил Фрэнк.

– Пока – нет, но в ближайшее воскресенье я заявлю на собрании, что не я, а немецкий доктор спас нашу сестру.

Фрэнк Браун пристально посмотрел на него.

– Ты этого не сделаешь, – сказал он спокойно.

– Почему же нет? – и Пьетро стал ёрзать на стуле. – Почему не сделаю? Я должен заявить это. Ведь это – правда.

– Ты не скажешь этого. Я сам приду на собрание, и если ты скажешь это, я встану и заявлю, что ты лжёшь. Не я исцелил жену Мариано, а ты!

Пьетро схватился за голову обеими руками.

– Я?.. Но ведь вы дали ей лекарство?

– Нет. Я дал тебе чистой воды, – солгал Фрэнк Браун. – Я не врач и не умею лечить. Больную спасли твои молитвы и ты. Тебе дал Иисус Христос силу благодати своей, а не мне.

Американец встал. Его глаза сверкали.

– Доктор, верно ли это?

Фрэнк Браун взял протянутую руку и с силой потряс её:

– Да, всё это верно!

«Почему же мне не солгать, раз это так нравится тебе?» – подумал он.

Американец перестал сомневаться в себе. Но к его великой вере в себя присоединилась другая: вера в превосходство силы чужестранца. И он смиренно сказал:

– Благодарю вас, доктор.

– Не за что. Всего хорошего, Илия.

– Почему вы назвали меня… Илией? – спросил, заикаясь, Американец.

– Иди сейчас. Я объясню тебе это в другой раз.

Едва Американец ушел, как в комнату вернулась, дрожа и задыхаясь от негодования, Тереза.

– Я не хочу, чтобы он приходил сюда! Что тебе нужно от этого грязного Американца?

Фрэнк пристально посмотрел на неё. Она вздрогнула и тихо, как бы извиняясь, добавила:

– У него дурной глаз.

Фрэнк Браун привлек её к себе, усадил на колени и положил её голову к себе на плечо. Затем быстро начал гладить виски. Она не сопротивлялась, а лежала, спокойно дыша, у него на груди. Он уколол её иголкой в руку; лицо её не выразило признаков боли. Он был доволен.

Усадив её на стул, Фрэнк сел против неё на столе и задумался.

«Как это удивительно! – думал он. – На вид я кажусь колдуном. А между тем я отлично знаю, что сила – не во мне, а в тебе, дитя моё! И если я сделаю что-нибудь с тобою или с этим дураком-Американцем, которого ты терпеть не можешь, то творить будет всё-таки ваша сила, а не моя. Наука говорит, что вы – больные. Но ваша болезнь – большая сила, и я хочу использовать её, как умею».

Он проделал над девушкой несколько опытов: то давал ей приказания, то задавал вопросы, на которые она отвечала в желательном для него смысле. Наконец, ему надоело это занятие, и он разбудил загипнотизированную.

* * *

Фрэнк Браун отправился к Американцу. Его встретила в саду жена последнего – крепкая, маленькая, круглая женщина. Показав на сарай, она благоговейно проговорила:

– Мой муж там; он скоро вернётся.

Она ввела гостя в дом, усадила его и долго болтала, пересыпая каждую фразу словами: «мой муж».

Вдруг она испуганно вскочила.

– Он идёт, – прошептала она, открыла дверь, поставила на стол свечу и незаметно вышла.

Пьетро встретил Фрэнка мрачно и сдержанно. Он стоял с опущенной головой и смотрел на него со злобой и страхом.

«Погоди, мой зверь. Я ещё научу тебя плясать», – подумал Фрэнк Браун и спросил по-английски:

– Как дела?

Мистер Питер вздрогнул, съежился, словно получил удар хлыста, и с кисло-сладкой улыбкой ответил:

– Благодарю. Все в руке Бога. Я молю Его, дабы Он благословил моё начинание.

– Бог не благословит твоего дела, – ответил Фрэнк Браун. – Он требует большего, чем пение и молитвы.

– Чего же Он требует? – спросил подозрительно Пьетро Носклер.

Фрэнк Браун положил руку на плечо Американца. Его голос звучал мягко, спокойно, но чрезвычайно убедительно, когда он заговорил:

– Слушай, Пьетро Носклер! Бог ждёт от тебя чуда.

С ужасом смотрел на него мистер Питер.

– Я должен сотворить чудо? Я?… Но люди ведь не делают чудес!

– Не греши! Прочти «Жития святых», – и ты узнаешь, что люди творят чудеса Ты должен сотворить чудо и можешь это, Пьетро. Ты – пророк Илия! Разве тебе не известно, что души святых могут вселяться и в другие тела по велению Бога?! В тебе сидит душа Илии.

Фрэнк говорил медленно, уверенно, тоном, не допускающим сомнения.

– Недаром же Господь послал тебе столько милостей. Он повел тебя через огромное море, чтобы заставить тебя долгие годы в тяжком труде добывать хлеб твой насущный. Он направил там твои шаги в общину братьев, дабы осветить тебя сиянием Духа Своего. И в Своей безграничной милости дал Он тебе богатый дар и вывел тебя из чужой страны: в долине твоей родины ты должен был вещать Царствие Его и милосердие Спасителя. И здесь, пока ты спал, Он вселил в твое тело душу благочестивого служителя Своего – Илии.

Пьетро шатался, как пьяный, и крепко ухватился за край стола.

– Это верно, – прошептал он; – мне снится каждую ночь кровь агнца. А жена говорит, что я встаю и брожу во сне.

– Не ты встаёшь, а пророк, живущий в тебе, – заметил Фрэнк Браун. – Он встаёт и творит во сне хвалу Господу Богу. Пьетро Носклер, ты – Божий избранник!

Американец едва держался на ногах под пристальным взглядом Брауна. Его руки дрожали, тонкая пена покрывала полуоткрытые губы. Но взгляд его светился гордым блаженством. Он уже не слышал, что ему говорил тот, другой, они созерцали великолепие Царствия Божия. Фрэнк Браун начал его раздраженно трясти.

– Приди в себя, Пьетро, я говорю с тобой. Ты должен слушаться, понимаешь ли, Пьетро?

Да, он должен был слушаться, – он это знал. Он чувствовали что чужеземец прогнал туман, застилавший ему до сих пор глаза, и указал путь, по какому он должен идти. Но именно за это он ненавидел его. Пьетро безгранично верил каждому слову своего собеседника, и в нем все сильней и сильней росло благоговейное уважение к самому себе, и в то же время перед ним сидела эта беззаботная собака и каждым взглядом, каждыми жестом показывала ему свое безграничное неуважение.

Он заскрежетал зубами. Отчего именно Фрэнк был послан к нему?

«Пути Господа неисповедимы», – прошептал он и беззвучно спросил:

– Скажите, доктор, что же мне делать?

– Принеси сначала вина!

Американец посмотрел на него, – его словно хлестнули плетью.

– У меня нет вина. В моем доме никогда не было ни капли, – ответил он.

– Если нет, то пойди купи у Раймонди.

Пьетро тяжело поднялся и вышел, как прибитая собака.

Он вернулся с вином.

– Пей и ты тоже!

Фрэнк пил и заставлял пить Носклера.

– Теперь ты меня лучше поймешь. Итак, слушай внимательно. Что ты делал до сих пор в Валь-ди-Скодра? Ты проповедовал веру, меж тем как здесь нет ни одного неверующего. Ты говорил о покаянии, меж тем как они задолго до твоего появления раскаялись в грехах. Ты заставлял их каяться в грехах открыто, перед всей общиной, а думаешь, что этого довольно для Господа? Ты убедил их отказаться от вина – бесспорно, это благое дело. Но верь мне, Пьетро, Бог требует большего. И те, кого ты учишь, тоже отвернутся скоро от тебя, они тоже ждут от тебя большего. Ты требовал от них борьбы с дьяволом и обещал им изгнать его. Но каким орудием? Молитвой и пением? Помни, Пьетро, дьявол не боится молитв и песнопений, и если ты хочешь одолеть его, то избери более действенное оружие! Апостол Павел сказал: «Я бичую и изнуряю тело свое….» Вот – путь, который нам указали святые!

Итак, возьми бич и истязай свое тело, Пьетро Носклер, ты же пророк Илия!

Фрэнк Браун умолк.

Американец не отрывал от него глаз; он шевелил языком и губами, но не произносил ни звука, – казалось, он потерял способность речи. Наконец, с большими усилиями, запинаясь, он проговорил:

– Скажи… скажи… кто ты?

– На, выпей, глупая скотина! Кто я – не твое дело, болван! Подумай хорошенько над тем, что я тебе сказал, – для твоей башки вполне хватит.

Они встал и собрался уходить.

– Вот ещё что я хотел сказать тебе, Пьетро. Тебя учили в Пенсильвании, что алкоголь – вредный яд, и что в нем сидит дьявол, – совершенно верно! – Он наполнил стакан и отпил глоток. – А теперь, мой пророк, прими из моих рук яд сатаны! Приложи свои губы туда, где я отпил.

Американец вскочил и оттолкнул его.

– Нет, нет, не хочу! Убирайся! Оставь меня!

– Я знаю, Пьетро, что ты не хочешь. Но ты должен. Слышишь: ты должен!

Он протянул свой стакан.

Дрожащими руками поднес его Пьетро ко рту, отпил глоток и выплюнул. Губы его жёг адский огонь.

– Ты должен выпить!

И мистер Питер пил.

Его ноги подкашивались, глаза выходили из орбит. Ему казалось, будто он глотал расплавленный свинец.

– Прекрасно! – сказал Фрэнк Браун. – Спокойной ночи! И вышел.

* * *

Пьетро Носклер съежился на корточках в своем углу. Его ноги дрожали и отказывались служить. «Он отравил меня!» – стонал Пьетро. Подползши на четвереньках к столу, он поднялся с трудом, взял бутылку и ударил ею об угол стола.

Внутри у него все горело. Его тело пухло, превращалось в огромный шар, в котором, оскалив зубы, сидел сатана, громко ржал и кувыркался. Пьетро чувствовал, как дьявол стянул его внутренности, рванул вниз голову и поднял колени до самых плеч.

Он лежал здесь, как шар: в таком виде дьявол хотел докатить его к морю и затем вытолкать все глубже и глубже, в самый адский огонь. Там он лопнет, и Вельзевул выскочит из него с сатанинским хохотом, и окружит его со своими товарищами…

Собрав последние силы, Пьетро упал на колени:

– Боже, сущий в небе, помоги слуге Твоему, Илии!

В этот момент сатана подскочил, как мяч, к самому горлу Пьетро. Он давил и душил его и, наконец, широко раздвинув ему челюсти, издавая отвратительное зловоние, он выпрыгнул между зубов, испуганный именем Господа Бога…

Глава 5. История Сибиллы Мадруццо

Перед домом гремел резкий, грубый голос жандарма. Фрэнк Браун подошел к окну. Алоис Дренкер держал повода, а в седле сидела старая, искривлённая нищая, Сибилла Мадруццо.

– Что с нею? – спросил Фрэнк.

Жандарм замахал в знак приветствия рукой.

– Ничего! Она моя старая приятельница, и каждый раз, когда я приезжаю в деревню, я подвожу её на лошади. Так немного легче её больным старым костям.

Слуга и Тереза помогли старухе слезть с лошади, и Алоис Дренкер вошёл в ресторан.

Когда Фрэнк Браун спустился вниз, жандарм встретил его очень шумно. Он заявил, что никогда не забудет ночи, в которую его перепили.

Чтобы перевести разговор на другую тему, Фрэнк Браун спросил:

– Вы сказали, что старая нищая – ваша приятельница….

Дренкер засмеялся.

– Сибилле на вид можно дать 80, 100 и даже 120 лет. А между тем, она совсем не так стара… Когда-то трое удалых стрелков были изрядно влюблены в неё.

– Расскажите же, как это было? – попросил Фрэнк.

Дренкер начал рассказывать громко, поспешно, короткими, отрывистыми фразами.

– Это было лет 30 тому назад. Мы стояли в Бонне и были все трое лучшими друзьями в мире. Уссоло и я были унтер-офицерами, а Раймонди – уже фельдфебелем. Они оба были из Валь-ди-Скодра, и когда они отправлялись в отпуск, я приезжал сюда с ними: своего дома у меня не было. Когда мы являлись в деревню, мы, разумеется, становились центром всеобщего внимания; но мы были без ума от Сибиллы, и каждый из кожи лез, чтобы понравиться ей. Однако никто из нас не решался открыться в этом ни своим друзьям, ни самой девушке. Каждый строил свои планы, но никогда не делился ими. Мы все писали ей, и она отвечала, но всем троим вместе.

В один зимний вечер Уссоло заявил нам, что собирается подать в отставку, так как он любит Сибиллу и хочет жениться на ней. Это взорвало Раймонди. Он заявил, что, как старший и как фельдфебель, он имеет больше прав на эту девушку, что он любит её и никому её не уступить. Тут уж я тоже не выдержал и сознался в своей любви к Сибилле. Кончилось рукопашной, и мы все попали под арест. Таким образом, у нас оказалось много свободного времени, и мы успели поостыть и обдумать положение. Сообща мы пришли к решению – предоставить выбор самой девушке, и с этой целью решено было поехать в ближайший отпуск в Валь-ди-Скодра. Пока же мы постановили не писать ей отдельно. Таким образом, мы вместе писали ей, сообща посылали ей к Рождеству и Пасхе подарки, – Сибилла и поныне хранит их. Но мы не доверяли друг другу и по несколько раз в неделю должны были клясться, что не посылали ей втихомолку писем. Наступил, наконец, отпуск, и мы втроём отправились. Никогда в жизни я не забуду этой дороги! Никто не проронил друг с другом ни слова; выражение лица у каждого было такое, словно он хотел съесть другого живьём. Я думаю, если бы не мундир, дело не обошлось бы без схватки.

Мы пришли в деревню поздно ночью. Раймонди пошел к своим родителям, я остановился у Уссоло. Но мы не заснули ни на секунду: я боялся, как бы Уссоло, воспользовавшись моим сном, не пошел потихоньку к Сибилле, – он боялся того же с моей стороны. Ни свет ни заря, мы пошли к дому Раймонди, боясь, как бы он не предупредил нас. Но не успели мы подойти,

как он уже вышел из дому; очевидно, он сам опасался нас. Было ещё слишком рано, чтобы идти к Сибилле, и мы все зашли к Раймонди. Там мы напились кофе и, когда собрались идти к Сибилле, – она была уже у нас.

Мы все болтали с ней о разных пустяках, но никто не решался заговорить о том, что нас так сильно волновало.

Наконец, я отозвал товарищей в сторону и предложил метать жребий: кому первому заговорить с Сибиллой. Жребий выпал на долю Уссоло. Мы были уверены, что он получит нос, и с нетерпением ждали его возвращения; но их долго не было, наконец, они вернулись, Уссоло взял под козырёк и сказал:

«Господин фельдфебель, осмелюсь доложить: унтер-офицер Уссоло и его невеста, Сибилла Мадруццо».

– Я затрудняюсь сказать, у кого было глупее лицо: у меня или у Раймонди; но, несомненно, у обоих были лица глупые.

Первым пришел в себя Раймонди. Он достал из кармана хорошенький кошелёк в серебряной оправе, дал его Сибилле и поздравил жениха и невесту. Затем и я вынул пару серег и дал ей, как свадебный подарок. Тут только вспомнил Уссоло о хорошеньких часиках, которые приготовил для своей невесты.

Мы оставили счастливую парочку и пошли домой.

Настроение у нас было сильно подавленное, тем не менее, мы решили относиться побратски к обоим. Но это было не так легко, как нам казалось сначала. Тогда мы решили вернуться в полк. Уссоло и Сибилла начали упрашивать нас побыть ещё с ними; первый предложил пойти в ближайший храмовый праздник к его родным в Чимею, в семи часах ходьбы от Валь-ди-Скодра. Скрепя сердце, мы согласились.

Мы вышли в ночь под воскресенье. Я и Сибилла шли позади, Уссоло и Раймонди – впереди. Сибилла и Раймонди шли с фонарями. Во втором часу ночи мы проходили оврагом Боацоля. Впереди шел Раймонди с фонарем, за ним – я, затем – Сибилла, и в хвосте Уссоло. Вдруг я услышал, что Уссоло выругался. Оказалось, он поскользнулся и упал на камни.

– Проклятая скотина! – вдруг закричал он, и при свете фонаря я увидел в его руке небольшую змею. Он схватил её за хвост и размозжил о скалу её голову.

– Она не укусила тебя? – спросила девушка.

Он рассмеялся и ответил, что, во всяком случае, ничего не чувствует. Однако, не прошло и пяти минут, как его начало сильно лихорадить; он закутался во все, что было с нами теплого, и всё-таки озноб не прекращался.

Раймонди, бывший санитаром, поднес фонарь к левой руке больного и внимательно осмотрел её. У самого пульса была маленькая, едва заметная ранка. Рука, слегка распухшая, продолжала пухнуть на наших глазах. Раймонди перевязал крепко руку ремнем выше укуса и сказал, что теперь необходимо высосать яд. Сибилла кинулась было к жениху, но Раймонди, заметив трещины у неё на губах, не пустил её. Осмотрев хорошенько мой рот, он нашёл, что я могу без риска сосать укус змеи. Я тянул, что было мочи, пока, наконец, Раймонди не приказал мне прекратить – но больному не было легче. Тогда Раймонди решил отправиться в Чимею за вином и лекарством.

Проходили часы, а Раймонди все не было. Больному становилось все хуже и хуже.

Я решил отправиться на поиски Раймонди. Через час я встретил его со священником и тремя парнями. Оказалось, он заблудился в темноте и попал в Чимею только под утро. Когда мы вернулись к Уссоло, мы уже не нашли его; перед нами лежал его труп; над ним стояла Сибилла, наклонившись вперёд всем туловищем – так, как она теперь ходит и стоит. Мы начали расспрашивать её о подробностях смерти, но в ответ она лишь шевелила губами и ничего не говорила: она потеряла дар речи.

Что произошло в эти два часа – я не знаю и поныне. Впоследствии я несколько раз расспрашивал Сибиллу, просил её написать, но она лишь закрывала руками лицо и вся начинала дрожать и трясти головой; я перестал говорить с ней об этом. Однако, должно было произойти что-то очень страшное, – это видно было по её лицу: выражение навсегда застыло на нем; только теперь, когда оно загорело и покрылось морщинами, это стало менее заметно.

Я и Раймонди сделали все, что только в человеческих силах, для её излечения, но ничто не помогло – она осталась калекой…

Вот история красавицы Сибиллы и её бедного жениха…

Глава 6. Покушение

Жандарм уже давно уехал. Было довольно поздно, но Фрэнку Брауну не хотелось ещё спать. Он сел за стол, хотя чувствовал, что не будет в состоянии работать.

Вдруг ему почудился шорох за дверью. Он прислушался, окликнул Терезу, но не получил ответа. У него было ощущение, будто кто-то стоит за дверью и хочет войти.

«Пусть приходит – я готов». Но прогнал эту мысль и рассмеялся. «Нервы!» – решил он и, чтобы успокоиться, взял книгу. Он перелистал уже несколько страниц, как снова услыхал за дверью возню. Он стал посреди комнаты и прислушался – действительно, кто-то возился с замком. Он подошел к двери и распахнул её: никого! Но он явственно различил теперь, что шум идёт от двери в спальню, задвинутую на тяжелый засов изнутри. Он сделал шаг вперёд, но, увидав белую фигуру, с рукой на задвижке, – инстинктивно отскочил назад и захлопнул дверь на замок.

Подойдя к столу, Фрэнк Браун достал свой браунинг и, убедившись, что револьвер заряжён, открыл предохранитель и снова направился к двери. Но не успел он сделать и одного шага, как задвижка отскочила, и дверь открылась настежь. В дверях стоял Пьетро Носклер. На нем была черная от грязи, промокшая насквозь рубашка; на черных волосах болтался сбоку белый ночной колпак. Голые ноги, покрытые черными густыми волосами, были облеплены навозом и грязью.

«Оригинальный костюм для визита», – подумал Фрэнк Браун. Он окликнул американца, но тот ничего не слыхал. Они пристально смотрел широко открытыми глазами прямо перед собой, ничего не различая. Фрэнк приблизил к его лицу лампу – веки не дрогнули. Мистер Пьетро бродил ощупью, как в глубокой темноте.

Вдруг американец остановился. Казалось, он очнулся. Он повернул опять к двери и ощупью вышел. Фрэнк следовал за ним с лампой в левой руке и с револьвером в правой. Он видел, как Пьетро осторожно спустился по лестнице и вошёл в ресторан. Здесь он нащупал буфет и достал длинный, остро отточенный нож для разрезания мяса. Нащупав большими пальцами остриё, он широко осклабился, зажал крепко клинок в правой руке и опять осторожно поднялся по лестнице. На этот раз он прошел прямо в открытую дверь кабинета. Фрэнк стоял в двух шагах от него и следил за каждым движением, готовый выстрелить в любой момент.

Но было ясно, что его ночной гость ничего не видит и не слышит. Пьетро потихоньку открыл дверь в спальню и направился прямо к кровати, нащупал руками клинок ножа и взял его в рот.

Свет от лампы упал в эту минуту на лицо Американца, – на нем была написана безграничная ярость.

Схватив рукой подушку, Пьетро с бешеной силой всадил в неё нож; ещё раз высоко поднял он нож и снова всадил его в подушку; потом вытер глаза, словно желая стереть брызнувшую в лицо кровь.

И ещё и ещё он продолжал вонзать свой нож в подушку…

На его губах появилась улыбка блаженства; раза два он глубоко вздохнул и выронил нож. Потом спокойной, почти твердой походкой Пьетро направился к двери.

Фрэнк Браун шел за ним до выхода и, остановившись в дверях, смотрел ему вслед, пока Пьетро не скрылся в темноте дождливой ночи.

Вернувшись к себе, Фрэнк осмотрел постель: одеяла и подушки были насквозь исколоты, вдоль и поперек.

Только теперь он почувствовал страх.

– Для нас обоих лучше, что я не лежал здесь, – сказал он громко.

* * *

Босоногий, с белой шалью через плечо, с большим бумажными колпаком на голове и с деревянной саблей в руке, разгуливал по улицам глухонемой пастушок Джино. На короткой верёвке он тащил за собой козу, у которой на шее, хвосте, рогах и ногах болтались большие бубенчики. Спину козы обмотали куском холста, к которому прикрепили большую куклу, усадив её верхом, лицом к хвосту. Кукла была сделана довольно примитивно: из пакли и черных тряпок; две красные бусины изображали её глаза. Пара рогов, длинный красный язык и зелёный хвост свидетельствовали, что она должна изображать дьявола.

Джино издавал какие-то хриплые звуки, поколачивая при этом своим мечом дьявола. Коза с испугу блеяла, и все её одиннадцать бубенчиков звенели при этом.

Ребятишки и женщины бежали за ними гурьбой.

От времени до времени мальчик доставал из кармана записки и раздавал их окружающим. На них было написано:

«Сегодня вечером, равно в 8 часов, в помещении для собраний, Великая битва с дьяволом. Всех христиан просят сердечно пожаловать.

Пророк Илия».

– Пойдем туда, Тереза? – спросил Фрэнк Браун.

– Нет. Мне не хочется.

– Почему не пойти? Вся деревня там будет.

– Моего отца тоже не будет.

Фрэнк рассмеялся.

– Твоего отца?.. Хочешь, я дам ему двадцать крон, и он пойдет.

Вся кровь бросилась в голову девушки. Но Фрэнк не унимался.

– Ты не веришь, что он пойдет?

Она встала и посмотрела прямо в глаза.

– Я знаю, что он пойдет за деньги, я знаю, что ради них он готов на все. Я знаю также, что он взял с тебя деньги за… за… меня! Но он – мой отец, и я ничего не хочу больше слышать. Замолчи!

Её грудь высоко подымалась, она задыхалась от гнева. Такой она ему нравилась очень, и он продолжал её мучить. Наконец девушка не выдержала и разрыдалась.

– Что тебе нужно от моего отца? Чего ты хочешь от этого противного американца? Разве тебе мало меня?

– Ты пойдешь со мной сегодня? – спросил он вместо ответа.

Она молча кивнула головой.

* * *

Фрэнк Браун поднялся к себе. Он был очень недоволен собой: зачем он мучил эту бедную девушку?!..

Он был владыкой в Валь-ди-Скодра; он держал в своей власти злобного Пьетро Носклера, а через него – всю деревню; его кошелёк подчинял его воле скупого Раймонди, а взгляд его – девушку, любившую его. В самом деле, он был здесь владыкой.

Фрэнк громко усмехнулся. Он отчётливо сознавал, что ему недоставало лишь веры… Он позвал Терезу.

– Тереза, ты можешь всему верить? И если я скажу тебе, что солнце свалится с неба, – ты поверишь? Или, что у меня на голове ползет червь, – ты тоже поверишь и даже увидишь его?!

– Ты болен…

– Нет, не я – вы больны: ваша вера – болезнь. И я ничего так страстно не желаю, как заразиться ею; но я иммунизирован от неё. Ты одна можешь помочь мне.

– Возьми же мою жизнь! – прошептала Тереза.

Он вскочил и оттолкнул её.

– К чему мне твоя жизнь? Мне нужна твоя вера, горячая вера! Дай мне силы поверить в самого себя, – и я сам буду чудодеем, который вознесёт тебя на небеса!

– Я верю в тебя! – сказала она.

– Да, ты веришь в меня. Все вы верите в меня. Но отчего я сам не могу уверовать? Скажи мне, владыка ли я, если весь мир говорит это?

– Ты – владыка!

– И ты веришь в меня? Больше, чем в Бога, чем во все остальное на свете?

– Я верю в тебя одного!

Он зашатался, ноги его подкосились, и он свалился на кровать.

– Моя возлюбленная! – прошептал он…

* * *

– Уже восемь часов. Мы ведь собирались на бой с дьяволом к Пьетро.

Он посмотрел на неё.

– Ты хочешь идти туда?

Она засмеялась.

– Разумеется, с тобой!

Они пришли, когда все были уже в сборе. На этот раз Пьетро Носклер постарался украсить несколько свой сарай: со всех поперечных балок спускались фонари; на массивных столбах торчали четыре факела, а на стенах и балках висели огромные картонные щиты с изречениями из Священного Писания.

Все пели великопостную молитву. Одни сидели, другие стояли, третьи молились на коленях. Музыканты сидели в левом углу, и их инструменты, издававшие отвратительные звуки, покрывали и заглушали друг друга.

Пение кончилось. Американец взял у стоявшего позади него портного Ронхи молитвенник, раскрыл его и вернул портному, и последний, запинаясь, водя пальцем от слова к слову, прочел указанное ему место. Все пали на колени и воскликнули: «Аминь!»

Затем Пьетро спросил, не чувствует ли кто-либо потребности «поведать душу?»

Немедленно поднялся рыжеволосый Скуро и в сотый раз рассказал, как он раньше был пьяницей, и как его осенила благодать. Не успел он окончить, как встала Матильда Венье. Она протискалась сквозь ряды молящихся, бросилась на колени перед образом Христа и, плача навзрыд, долго молилась. Потом встала и обратилась к собравшимся.

– Я должна вам поведать свою душу! – воскликнула она. – Вся моя жизнь была сплошной цепью грехов. Меня крепко держал дьявол в своих когтях, но святые молитвы брата Пьетро сломили силу злого духа. Молитесь за меня, возлюбленные братья и сестры. Да простятся мне мои грехи! Моё второе дитя, Фиаметта, – не дочь моего мужа, Мариана Венье, а дочь жан-

дарма – Алоиса Дренкера. Иди сюда, Фиаметта! Пусть все видят тебя, плод моих прегрешений! – и с этими словами она схватила за волосы восьмилетнюю девочку.

Испуганный ребенок ухватился за платье отца, плакал и кричал, а мать с силой тащила и толкала вперёд.

– Вот живое напоминание о греховных объятиях! О, братья и сестры! Простите меня! Молитесь со мной о прощении мне великих грехов!

Всплеснув высоко поднятыми руками, она тяжело опустила их на худенькие плечики ребенка.

– Становись на колени, мерзкий ублюдок, и молись о прощении грехов твоей матери.

Венье стоял, разинув рот, и почесывался. Все устремились вперёд, давили друг друга и с любопытством вытягивали шеи, чтобы лучше видеть супругов Венье и ребенка, плод грешной любви.

Наконец, американец приступил к молитве. Все опустились на колени и вторили словам молитвы. По окончании её он приказал всем подняться и начал свою проповедь.

Это были всё прежние убогие мысли, но Фрэнк Браун чувствовал за ними скрытый огонь, который вот-вот прорвется наружу ярким пламенем… Он слышал шум ветра и ждал, когда в этой душной, тяжелой атмосфере разразится страшная буря…

На мгновение американец умолк и вдруг торжественно воскликнул:

– Бог послал мне знамение!

Казалось, с этими словами он пересек поток, лежавший на его пути.

– Ждите, возлюбленные братья и сестры! Я откроюсь вам!

Пьетро вскочил и обеими руками поднял по направлению к присутствующим медную чашу.

– Идите сюда, – воскликнул он, – и пейте вино!

Трепет пробежал по собравшимся. Первой отпила Матильда Венье.

Фиаметта обошла с чашей присутствующих.

Все пили. Девочка всех обносила вином.

Когда очередь дошла до Терезы, она хотела отказаться; но Фрэнк Браун шепнул ей: «Возьми и сделай вид, будто пьешь». Она послушно взяла и передала ему чашу. Он почувствовал, что на него устремились все взгляды, – перекрестился и выпил.

Это было превосходное, чистое вино.

Руки, девушки горели; она крепко прижималась к возлюбленному и, спустив на лоб косынку, чтобы удобнее было наблюдать, вперилась взглядом в Пьетро Носклера, стоявшего перед ней.

Пьетро заговорил быстро, страстно, высоко подняв обе руки:

– Братья и сестры! Отдадим наши тела на истязания, прольем нашу кровь за Того, Кто пролил свою кровь за грехи всего мира!

Сняв со стены мешок, он высыпал на пол его содержимое. Оттуда посыпались палки и ветки шиповника, берёзовые и ореховые прутья. Пьетро выбрал крепкий прут с длинными и жёсткими шипами и, приблизившись вплотную к образу Спасителя, разделся до пояса.

– Я подам вам пример! – воскликнул он.

Тяжелые удары один за другим падали на спину и плечи, а острые шипы глубоко вонзались ему в тело. Оно все покрылось каплями крови. Лицо американца исказилось от боли, а удары сыпались все быстрей и быстрей. Тело качалось из стороны в сторону.

Бледные губы его шевелились и непрерывно произносили слова молитвы.

– Послушайте, братья! Послушайте, сестры! Бог хочет спасти вас от пыток вечной смерти! Он вселил в моё тело душу своего вернейшего слуги: я – пророк Илия.

Он подпрыгнул обеими ногами, словно собираясь взлететь, потом вновь засвистели розги, обнажая куски мяса на кровоточащей спине.

Матильда Венье вскочила с колен, сняла синюю блузу и разорвала рубашку у плеч.

– Секи меня! – с жаром воскликнула она. – Секи!

Американец заговорил опять.

– Братья и сестры! Дьявол рыщет по свету. Но мы должны изгнать его! Мы будем петь и молиться, а если и это не поможет, – начнём истязать себя. Тогда он обратится в бегство, и победа останется за нами. Следуйте за мной в этой борьбе. Бейте, секите меня! Бога!

Но никто не решался поднять на него свою руку.

– Почему колеблетесь? Или вы не слышите, как сатана насмехается над вашею слабостью? Бей меня, Ронхи; бей, Джироламо; бей меня, Матильда Венье.

Они стояли, подняв прутья, не смея опустить их на тело пророка.

– Вы должны бичевать меня! Слышите? Начни же скорее, сестра Матильда!

Матильда закрыла глаза и ударила, за ней начали сечь портной и Джироламо.

– Сильнее! Сильнее! – кричал Пьетро.

Прутья со свистом рассекали воздух.

Матильда кричала:

– Бейте меня! Я хочу пострадать…

Тереза не спускала глаз с этого зрелища. Вдруг она услышала возглас:

– Пропустите её! Пустите Сибиллу Мадруццо!

Все расступились, образовав проход, пение смолкло, бичевание прекратилось.

– Что тебе нужно, сестра Сибилла? – спросил её Пьетро.

Она зашевелила губами и указала палкой на спину. Американец сделал шаг назад, но старуха поползла за ним, схватила прутья, которые он держал, и поцеловала. Собравшись духом, он ударил её слегка по искривлённой спине. Однако она не отступала.

– Ты стара и больна, – сказал Пьетро. Но она не выпускала его руки и беззвучно молила о чем-то. Наконец, она у кого-то достала карандаш и клочок бумаги и написала: «Ты сказал, что мы все должны пролить свою кровь. Почему же ты сам отталкиваешь меня?»

Пророк колебался. Немая упала перед ним на колени и крепко обняла его ноги.

– Ты должен сделать это! Ты пророк! – воскликнул Ронхи.

Пьетро опустился на колени рядом с нищей. Оба жарко помолились.

Американец вскочил и крепко зажал в правой руке прутья с шипами. Закрывая глаза, он быстро, безостановочно опускал удар за ударом на несчастную старуху. Её искривлённое тело извивалось у его ног; израненное плечо превратилось в ярко-красное пятно.

Тогда свершилось оно…

Сибилла Мадруццо сначала стала на колени, потом встала во весь рост. И её тело, сведенное ужасной судорогой, теперь, через 30 лет, вдруг выпрямилось.

Пророк стоял перед ней, весь дрожа; прутья выпали из его рук.

И громко, отчётливо раздались её слова:

– Господь благословил меня твоею рукою. Да будешь благословен ты!

Она поклонилась, взяла его руку и смиренно её поцеловала.

Страшная тишина наполнила комнату. Все стояли, как оцепенелые. Вдруг Джиованни Ульпо воскликнул:

– Чудо! Пьетро совершил чудо!

Глухим ревом стоял общий крик:

– Чудо! Чудо!

Все бросились вперёд. Каждый хотел видеть в глаза исцелённую и прикоснуться к пророку.

В этот момент раздался призыв пророка:

– На колени, братья и сестры! Совершилось чудо!

Все запели пасхальную песнь…

Песня мощно росла, словно желая пробиться сквозь стены, снести крышу и подняться, улететь из долины – к высоким небесам.

* * *

Фрэнк Браун поднял Терезу со стула; ему пришлось почти нести её: она едва передвигала ноги и, казалось, каждую минуту готова была упасть.

Улицы были пустынны. Со стороны дома американца опять доносились нестройная музыка и пение.

Когда она пришла домой, он спросил:

– Знаешь ли ты о жизни святой, имя которой носишь?

Она отрицательно покачала головой.

– В таком случае я расскажу тебе.

Он достал из книжного сундука толстую книгу и пару тетрадок.

Тереза взяла толстую книгу и с любопытством прочитала заглавие: «Acta Sanctorum»[1].

– Ты будешь читать из неё?

– Да, я хочу рассказать тебе о святой Терезе и о других благочестивых женщинах.

Она погладила его по руке.

– Быть может, ты лучше споешь?

– Нет. Я не хочу петь. Слышала ли ты что-нибудь о Луизе Лато?

– Нет.

Она все ещё пыталась уклониться от разговора с ним о священных предметах. Но он не отставал от неё.

– Ты хорошо знаешь образ святого Франциска? На нем изображено, как святому мужу является Богоматерь и он получает стигматы Спасителя.

– Да, знаю.

– Так вот, этой великой милости удостоился не только он, но и многие другие верующие души, особенно набожные женщины.

Тихим, вкрадчивым голосом он начал ей рассказывать о Жанне Делани, о Маргарите Алакок[2], о святой Терезе, жизнь которой была благословенна частыми видениями.

Он держал её руку и чувствовал, как она понемногу сдавалась. Она слушала, и к ней возвращался тот тихий мистический восторг, которым она вся трепетала, сидя у ног священника.

Страх слышался в её голосе, когда она прошептала:

– Я полна прегрешений. Думаешь ли ты, что я могу спастись?

Он ответил серьезно:

– Да, я так думаю. Послал же Господь дух пророка Илии в душу Пьетро Носклера. Кто знает, быть может, святая Тереза вновь оживёт в тебе?

Картина собрания вдруг пронеслась перед ней; она окончательно потеряла покой.

– Рассказывай дальше, – торопливо заговорила она, – расскажи мне о благочестивых женщинах.

Он начал.

– Во времена святой Екатерины Сиенской ей явился однажды Спаситель и сказал: «Я сделаю твою жизнь полной таких поразительных чудес, что невежественные, плотски живущие люди откажутся верить тебе. Я украшу твою душу таким обилием милостей, что само тело

---

[1] «Жития святых» *(лат.)*. Многотомное издание, построенное по принципу римского мартиролога. В основу издания положен историко-критический метод: тексты публикуются по всем известным источникам и снабжаются необходимыми исследовательскими введениями и комментариями.

[2] Святая Маргарита Мария Алакок (1647–1690) – французская монахиня, учредительница культа «Святейшего Сердца Иисуса» («Сакре-Кёр»); в 1864 году причислена к лику святых.

почувствует влияние их и будет жить совсем необычным образом». И святая долгие годы, до самой смерти, не пила и не ела: сияние Спасителя одно питало её. То же было и с Луизой Лато[3]: она питалась лишь святыми дарами и отвергала всякую земную пищу. Каждую пятницу кровоточили её святые раны на лбу, на левом боку, на руках и ногах. Тогда она созерцала Спасителя. Она видела Его одежды, Его раны, терновый венок и крест; видела Его коленопреклонённым и падающим, видела, как распяли Его на кресте. Но затем, когда она испускала свои последние вздохи, она увидала разверстые облака и в море небесного света Отца, заключающего Сына в объятия.

Глаза Терезы сверкали.

– Это, должно быть, прекрасно, – сказала она.

Он кивнул головой.

– Это – высшее счастье, какое может выпасть на долю человека. И удивительнее всего то, что самые ужасные страдания превращаются в высшее блаженство. Чувствуешь ли ты себя способной перенести подобное счастье, Тереза?

Она снова вздохнула:

– Я так полна грехов…

Он перебил её:

– Есть только один грех против Бога.

– Только один? Какой же?

– Не быть в Боге.

Он говорили, и слова его были сладчайшим пением для Терезы. Её грудь вздымалась, а пред глазами сверкало серебристое сияние.

– Что ты чувствуешь? – спросил он её.

– Мне кажется, будто душа моя хочет улететь в объятия жениха.

Фрэнк торопливо поцеловал ей глаза и сказал:

– Хорошо. Ты можешь уснуть.

Он быстро схватил её левую руку и нажал усыпляющий центр у большого пальца.

Несколько секунд она сопротивлялась; затем уснула.

Фрэнк Браун закрыл ей глаза и отложил книги в сторону.

Неподвижно сидел он на кровати и мечтал…

– Это будет! Это должно быть!

Он наклонился над ней, поднял её голову, подложил под неё все подушки и спросил:

– Ты слышишь меня, Тереза?

Она пробормотала:

– Да.

Он говорил ей на ухо – быстро и повелительно. Часто он повторял отдельные фразы медленнее и отчётливее. И снова прерывал себя вопросом:

– Ты слышишь меня? И ты сделаешь это?

И всякий раз получался послушный ответ:

– Да.

Иногда на её губах появлялась улыбка, потом они снова сжимались от страха и ужаса. Он остановился и подумал; затем снова наклонился к ней и повторил в заключение кратко и резко все приказания.

– Теперь я разбужу тебя. Но ты будешь очень, очень утомлена. Твои глаза сомкнутся, и ты немедленно уснешь.

---

[3] У Луизы Лато, французской девушки, религиозной до фанатизма, во время церковного празднования дня «страстей Христовых» на местах ран распятого Спасителя появлялись кровоточащие раны. Этот случай был верующими истолкован как чудо.Подобные же язвы каждую пятницу открывались у баварской крестьянки Терезы Нейман, к которой поэтому стекалось много верующих.

Он слегка подул ей в лицо. Она открыла глаза, взглянула на него и с улыбкой протянула ему руки. Было ясно, что она не сознает сделанного ей внушения. Её наполовину поднятые руки опустились, глаза сомкнулись…

Она спала.

Фрэнк задул лампу и медленно пошел в свою комнату.

Теперь он не хотел больше думать. Он хотел спать сейчас, немедленно. Закрыл глаза и стиснул зубы.

Он хотел спать.

И заснул.

* * *

Из черепа выползали сотни крыс…

Занавес был поднят и сцена изображает зал пророка. Здесь и Сибилла, и Пьетро, и Ронхи и другие. Все собрались: ждали своей реплики. Он сидел перед ними в суфлерской будке. Его собственный череп служил этой будкой.

И сотни крыс выскочили из черепа и разбежались по сцене.

Они смеялись, что-то хотели сказать. Потом на него поползли сотни длинных, голых червей. Они лезли в рот, в уши, в глаза, заползали в ноздри…

Он закричал…

* * *

Когда он проснулся, его виски пылали, и кровь молотком стучала в мозгу.

– Я болен, – прошептал он. – У меня начинается горячка.

Уснуть уж он больше не мог. Крысы и черви – мысли – всё прибывали. От них некуда было уйти: он был наг и бос, и вся его вера разбита вдребезги. Без веры он стал нищим, и всё его царство исчезло, как дым.

Ещё сегодня он думал, что девушка может повести его за собой. Когда он верил в себя, – весь мир принадлежал ему; а в те часы он верил в себя. Теперь вера пропала. Он думал только о том, что произошло у американца. Все видели чудо и верили в него. Почему он один не мог уверовать в него? Потому, что ему были известны сотни таких же исцелений, и он знал, как легко найти им объяснение? Он знал много чудес, но прекрасно понимал, что управлять автомобилем труднее, нежели совершить все чудеса в мире, вместе взятые.

Он вспомнил о Терезе. Она лежала теперь и спала без сновидений. Но завтра она сделает то, что он приказал…

Ещё одной святой больше среди сотен других! Что в этом великого? Разве мало того, что уже есть?

– Нет! Нет! – воскликнул он. – Нужно положить этому конец.

Браун вскочил и пошел в комнату Терезы. Усевшись на кровати, он стал прислушиваться к её тихому, спокойному дыханию; потом с силой начал трясти её. Она проснулась в испуге.

– Тереза! – закричал он.

– Что? – спросонья ответила она. – Что тебе?

– Тереза, ты не сделаешь того, что я сказал тебе. Ничто не должно совершиться – ты слышишь? Ничто!

Она поднялась и протерла глаза.

– Чего я не должна делать? – удивленно спросила она.

Он повторил:

– Ты не должна… – и закусил язык: он забыл, что она не спала!

Он быстро схватил её руку и нажал нерв.

Она моментально уснула. Повторив настойчиво, что никогда, – ни во сне, ни наяву, – не должно у неё явиться и мысли о том, что он ей внушил, он снова разбудил её, оставил в постели и вернулся к себе.

Его губы горько опустились.

«Священник сказал бы, наверно, что я сделал доброе дело. Но все мои добродетели – мои тягчайшие грехи, а моими величайшими грехами были всегда добродетели. Ах, если бы я только мог знать разницу между ними!»

Его охватило величайшее сострадание к себе самому…

Часть вторая

Глава 7. Вон из Валь-ди-Скодра

Фрэнк Браун взглянул на измятую постель. Он чувствовал, что уснуть ему больше не удастся.

Машинально натянул на себя платье и спустился с лестницы.

«Куда же идти? Все равно, лишь бы вон из Валь-ди-Скодра».

Войдя в комнату хозяина, он оставил записку: «Я ушел в город», – и решил уйти немедленно, хоть пешком, только бы поскорее отсюда. За вещами можно будет послать когда угодно.

Фрэнк Браун тяжело вздохнул и вышел на дорогу; вскоре он заметил, что сбился с пути: он шел по направленно к Чимее, и ему следовало повернуть обратно. Но ему не хотелось возвращаться.

«В таком случае, я пойду в Чимею», – подумал он и шел все вперёд, не оглядываясь. Так он шел несколько часов, то карабкаясь по утесам, то спускаясь в долины. Его лихорадило, ноги болели, при каждом вздохе кололо в груди, но отдохнуть он не мог.

Наступили сумерки; Фрэнк Браун решил сделать последнее усилие и, измученный, продрогший, побежал. Когда уже совсем стемнело, Фрэнк сел на камень и решил дальше не идти.

«Все равно, – подумал он, – буду ли я сидеть здесь или буду бежать. Быть может, кто-нибудь придет сюда».

Далеко внизу он услыхал звон колокольчиков: то паслись коровы.

«Нужно спуститься вниз; да – нужно спуститься» – повторял он сквозь зубы.

Он пошел, но ноги с трудом повиновались ему. Наконец, вблизи показались огоньки. Фрэнк постучался в двери первой попавшейся избушки. Его не впустили, но сообщили, что Чимея совсем близко отсюда.

– В таком случае, везите меня к жандарму Дренкеру! – потребовал Фрэнк.

* * *

– Черт побери! Что с вами? На вас лица нет! – с испугом воскликнул жандарм, увидев Фрэнка.

– Да. У меня лихорадка, – ответил последний.

Жандарм помог ему раздеться, дал ему чистую рубашку и заботливо уложил в постель.

Фрэнк Браун серьезно заболел. То его мучила бессонница, то он лежал в тяжелом забытьё; и в боку сильно кололо.

Жандарм ухаживал за ним заботливо и нежно, как нянька.

Через несколько дней Фрэнку стало несколько легче: жар спал, колотьё в боку прошло, и он уже мог немного ходить. Тогда он рассказал своему хозяину о чудесном исцелении Сибиллы Мадруццо и об исповеди Матильды Венье.

Жандарм вскипел.

– Ах, каналья! И она ещё била ребенка!

И Дренкер рассказал о своем приключении с Матильдой Венье.

– Я свалял дурака тогда! – заявил он. – Она держала меня целыми ночами в этой проклятой дыре – Валь-ди-Скодра, а муженёк её тем временем провозил контрабанду. Он прекрасно знал, что делала его жена, и в обманутых был не он, а я! На собрании у мистера Питера он ничего нового не узнал. Но я расшибу ему череп, посмей он тронуть хоть один волосок на голове ребенка!

Дренкер хотел немедленно отправится в Валь-ди-Скодра, и никакие доводы Фрэнка, уверявшего, что он может лишь испортить дело, – не помогали. Но его удержала служебная телеграмма: пришлось отправиться в облаву на контрабандистов.

Дренкер вернулся через четыре дня. Фрэнк Браун чувствовал себя совсем здоровым, но жандарм не хотел отпускать его.

Наконец, он как-то утром подошел к его постели.

– Если хотите, поедемте со мною: мне нужно сегодня в город, и я могу подвезти вас.

Фрэнк Браун быстро оделся, позавтракал и отправился в обратный путь.

Итак, он снова возвращался в Валь-ди-Скодра.

Зачем? Он должен уехать оттуда с ближайшей почтой. Уложить вещи – и прочь оттуда! Прочь, прочь, – куда бы то ни было!

Что могло удержать там его? «Охотники на дьявола?»… Как мало они его интересовали! – Тереза? – Ах, Боже, Тереза!..

Подходя к Валь-ди-Скодра, он расслышал ещё издали нестройные звуки музыки американца; но на этот раз шум нёсся не от дома американца, а со стороны гостиницы Раймонди. – Что это значит? Уж не устроили ли они процессию?

Фрэнк ускорил шаги.

Действительно, народ толпился у дома Раймонди.

– Что случилось? – спросили Фрэнк.

Никто не обратил на него внимания. Все пели великопостную песнь. Фрэнк вошёл в дом. В ресторане на лестнице стояли тесной толпой крестьяне.

– Где Тереза? – спросил он Раймонди. Тот не расслышал, а одна женщина, стоявшая рядом, с ненавистью посмотрела на него и ответила:

– Святая Тереза наверху.

С большим трудом протискался он наверх.

– Пустите меня! – просил он: – пустите, я должен её видеть!

Наконец, ему удалось добраться до дверей её комнаты. Она была полна народу; все стояли на коленях, и Фрэнк мог хорошо видеть, что в ней происходило.

Комната была похожа на часовенку. Кроме иконы Богоматери, в ней висел ещё образ св. Франциска, перед обоими горели большие свечи. Окно было закрыто и плотно завешено белой материей, спускавшейся в виде балдахина. Под ним, в глубоком плетеном кресле, покоилась Тереза.

Девушка полусидела, полулежала, не спуская глаз с распятия, которое держал перед ней американец. Белое покрывало окутывало все её тело; руки лежали на подлокотниках; босые ноги покоились на маленькой скамеечке, возле которой сидел на корточках глухонемой Джино.

И Фрэнк Браун увидел на её руках и ногах огромные красные раны.

Пьетро Носклер опустился пред ней на колени и с жаром прильнул к кровавым ранам на её ногах. Его примеру последовали Ульпо и Матильда Венье. Все двинулись к ней, поднялась сильная давка; тогда Джироламо Скуро оттолкнул толпу назад и приказал подходить к святой слева, а уходить направо. Установился образцовый порядок.

Вдруг Фрэнк Браун почувствовал на своем плече чью – то руку: это Анджело принес ему ключи от его комнаты. Проскользнув через толпу, Фрэнк прошел к себе. Здесь все оставалось в том же виде, что и две недели назад.

Он подошел к окну и посмотрел вниз. Толпа стояла стройными рядами и терпеливо ждала, когда её впустят. Фрэнк ясно почувствовал в этот момент, что здесь произошло что – то великое. Благодаря или вопреки ему – они не знали.

Но здесь случилось чудо, сулившее ещё другие чудеса.

* * *

Вдруг Фрэнк заметил около дома движение.

Все молча выходили из дома и становились поодаль; глаза их были устремлены на дверь. Оттуда медленно и осторожно выносили кресло, в котором покоилась Тереза. Фрэнк Браун пошел за процессией. Впереди бежали деревенские ребятишки; за ними шел Люцилио Ратти, местный полицейский, а рядом с ним – длинный Скуро; за ними, молча и важно, шли музыканты; потом Пьетро Носклер с двумя старикашками; а дальше восемь парней несли в кресле Терезу, сидевшую с закрытыми глазами, держа в руках распятие; рядом бежал Джино со скамеечкой для ног, держась левой рукой за край платья Терезы. Позади шли женщины и, наконец, шествие замыкали мужчины. Все шли к дому Пьетро.

Фрэнк повернул назад и медленно зашагал к дому.

Он застал хозяина за буфетом, послал его в погреб за вином и попросил рассказать все, как было.

Стаканы были наполнены. Раймонди закурил свою трубку и начал:

– В день вашего отъезда ничего не произошло. Тереза спустилась только немного позже обыкновенного, и я побранил её. Но она ничего не ответила и, как всегда молча, работала.

– Она не спрашивала обо мне?

– Нет, я сказал ей, что вы уехали на несколько дней, но она не спрашивала куда, и не разу о вас не заговаривала.

Вечером она пошла к мистеру Питеру – там теперь каждый вечер большие собрания, и каждый вечер Тереза присутствует на них. Она вернулась очень поздно. Следующий день протек так же, только она мало работала, а большую часть дня провела у себя и читала. Вечером она опять была у «охотников на дьявола». То же было и в следующие дни – до пятницы. В пятницу она совсем не спустилась вниз, и когда я поднялся к ней в комнату, то застал её больной, в постели. Я спросил, не могу ли быть ей чем-нибудь полезным, но она в ответ только покачала головой. Днём я послал ей со слугой обед, – она отослала его обратно. Под вечер Тереза послала слугу за американцем. Тот пробыл у неё около часа. Когда он сошел вниз, то принялся мне что – то объяснять, чего я не понял; я спросил его, не хочет ли он чего-нибудь поесть или выпить; тогда он начал так кричать на меня, что я вытолкал его в дверь. Минут через и он снова вернулся с Венье, Ульпо, Ронхи и ещё кое с кем; были с ним также и женщины. Я запер двери, но Джироламо Скуро начал кричать, что он выломает их, что я держу в плену их сестру, и они должны освободить её. Здесь вмешался Американец и сказал, чтобы я отпер им, так как они хотят взять у меня молоко. Я отпер дверь и дал им молоко. Они тотчас же поднялись к Терезе. Я пошел за ними. Тереза лежала в кровати – было ясно, что она очень больна. Они показали мне её руки, кровоточившие с обеих сторон, как будто они были проколоты иголками. То же было и с ногами. На следующий день ей стало несколько лучше. Американец с несколькими женщинами убрал её комнату, и с тех пор он таскает сюда каждый вечер всю деревню. Затем они отправляются к нему, и там Тереза проделывает свои фокусы. По мне, пусть делает, что хочет, лишь бы она приводила в дом гостей.

Фрэнк Браун закусил губы, чтобы не выругаться. Раймонди внушал ему отвращение. Фрэнк поспешил подняться наверх и зашёл в комнату Терезы. Воздух там был спертый и тяжелый, пахло ладаном и человеческим потом. Вся мебель была вынесена в переднюю; в комнате оставалась лишь кровать, стоявшая у самой двери, и маленький стул возле неё. На стуле Фрэнк заметил несколько книг. Он начал перелистывать их. Было очевидно, что Тереза их очень усердно читала: на полях там и сям были замётки, сделанные её рукой. Он сел на кровать и задумался. Здесь он сидел накануне отъезда, здесь он влил первые капли яда в её сердце…

* * *

Часы шли за часами, а Фрэнк Браун все сидел у Терезы на кровати и ломал голову над вопросом: кто был виновником всего происшедшего?

Вдруг он услышал голос и шаги. Фрэнк быстро вскочил и перешел в свою комнату. Войдя туда, он остановился у двери и начал прислушиваться. По лестнице поднимались двое. Он узнал шаги Терезы… Кто же был второй? Они не разговаривали, но он слышал, как они открыли дверь и вошли вместе в её комнату. Однако, никто не выходил оттуда… Кто был этот другой?

Фрэнк Браун задрожал. Он закусил губу, топнул ногой и большими шагами начал ходить по комнате. «К черту! Что ему за дело до того, кто был другой? Или он ревнует Терезу?»

Фрэнк засмеялся. Затем подошел к письменному столу, зажёг лампу и сел. Но долго он не мог вынести такого состояния. Кто мог быть у девушки ночью?

«Пьетро Носклер?!.» Кровь ударила ему в виски. «Он? Этот»? Фрэнк горько рассмеялся. Так вот зачем он сорвал с неба все грозовые тучи, – чтобы, скрываясь за ними, этот вонючий сектант мог лизать прелестную девушку своим слюнявым ртом. Вот он, пошлый конец его гордой мечты!

Фрэнк выбежал из комнаты и рванул дверь; она была заперта. Он начал стучать кулаками.

– Отоприте! Если ты не откроешь, я выломаю дверь.

Он услышал слабый шепот, но никто не двинулся в комнате.

– Отоприте! Отоприте!

Ответа всё-таки не было. Тогда он надавил обоими плечами на дверь; ещё толчок – и дверь отскочила.

В комнате горели две большие свечи. При их свете он увидел Терезу, лежавшую в постели с распятием в руках. На полу у кровати сидел, скорчившись, Джино.

Их взгляды встретились.

– Что тебе нужно? – тихо спросила Тереза.

Фрэнк Браун ничего не ответил. Он вышел, прикрыв за собой, насколько это было возможно, дверь и, шатаясь, добрёл до своей комнаты.

* * *

Запоздавшее сентябрьское солнце знойными лучами заливало долину. С озера поднимались пары, а от голых скал шло горячее дыхание. Фрэнк Браун все ещё жил в Вель-ди-Скодра.

Со дня на день он собирался уехать. Несколько раз пытался он остаться с Терезой с глазу на глаз; она не избегала его, но и не шла навстречу. Почти всё время она была окружена «охотниками на дьявола». Глухонемой мальчик ходил за ней по пятам; рано утром являлся Пьетро ещё с кем-нибудь; одна девушка, Кармелина Гаспари, целый день не уходила оттуда; к вечеру собиралась деревня, и все, под предводительством Терезы, отправлялись к пророку.

До Фрэнка Брауна, казалось, никому из них не было дела. Инстинктивно, не сговариваясь друг с другом, они сторонились его. В жителях деревни дремала тихая враждебность и скрытая ненависть к нему. Даже дети избегали его. Один Анджело оставался прежним. Но он был «не здешний».

Все знали о его прежних отношениях к Терезе. Их принимали, как нечто вполне естественное; но теперь она была святая, и крестьяне инстинктивно чувствовали, что он осквернил её. И ненависть их к нему росла все сильнее.

Однажды Фрэнк отправился на собрание к Американцу. Здесь он нашёл некоторые изменения. На стенах и столбах висели бумажные щиты со священными изречениями. Вдоль всей

задней стены тянулся ряд длинных гвоздей, на которых целыми связками висели плети, кнуты и розги; видно было, что Американец создал целую школу. У той же стены устроены были небольшие подмостки из досок, на которых стоял стул Терезы; она сидела на нем с закрытыми глазами. У ног её сидел Джино, направо сидел пророк, налево стоял старый Ульпо.

Всю левую сторону подмостков занимали музыканты; направо стояла дюжина парней с большими свечами в руках. Впереди их был калека Ратти, отбивавший такт своей саблей.

Когда пение кончилось, вперёд выступила Матильда Венье и «поведала свою душу». Затем она толкнула вперёд Фиаметту.

Девочка тотчас же взбежала по ступенькам, склонила голову, сложила руки и начала громко молиться. Потом, сначала заикаясь, затем все ровней и быстрей, она стала каяться в своих грехах. Её вина велика, говорила она, ибо она – не дочь своего отца, а зачата в грехах своей матерью от жандарма Дренкера, пьяницы и грешника, сына сатаны. «Теперь я спасена, – закончила она: – я и мать стоим теперь на пути к Небу и будем до последнего издыхания бороться с дьяволом. Только отец мой ещё не вполне спасен, и я прошу вас, мои возлюбленные братья, молиться о том, чтобы он пришел ко Христу».

После Фиаметты исповедовалось ещё несколько человек. Когда они кончили, Тереза сделала знак рукой и что – то тихо прошептала. Тогда выступил вперёд портной и предложить пропеть в заключение великопостную молитву. Фрэнк Браун не дождался конца и вышел на улицу. Ему хотелось видеть Терезу и поговорить, наконец, с нею. Он стал ждать её.

Она вышла последняя. Её окружали женщины. Она была босая и шла, слегка опираясь левой рукой о плечо мальчика. Они свернули направо к дому, где жил Пьетро. Следом за женщинами вошли в дом несколько мужчин. Последними шли пророк и его слуга.

Фрэнк Браун загородил им дорогу, оттолкнул локтем слугу и схватил за руку американца.

– Я хочу говорить с тобой, Пьетро, – сказал он ему.

Пророк подозрительно, сбоку, посмотрел на Фрэнка.

– Что вам нужно от меня? Зачем вы вернулись?

– Это не твое дело. Ответь мне лучше: исповедует ли Тереза свою душу?

Американец покачал головой.

– Нет, – ответил он, – зачем святой исповедоваться?

– Она истязает себя? – продолжал расспросы Фрэнк Браун.

– Да.

– А вы, вы тоже бьёте её?

Мистер Питер энергично замотал головой.

– Мы? Мы могли бы бить святую?

За этот ответ Браун готов был обнять американца.

– А что она делает сейчас у тебя?

– Я не знаю, – прошептал Пьетро.

Фрэнк Браун поднес кулак к его глазам.

– Говори, собака! Если ты не скажешь, я раскрою тебе череп.

Пророк задрожал.

– Я не знаю, право, не знаю, – забормотал он. – Она в первый раз пошла сегодня ко мне. Она вдруг сказала нам, что хочет уйти от людей. Тогда я предложил ей пойти ко мне в дом. Она согласилась – вот и все.

Фрэнк видел, что Пьетро не лжёт.

– Я пойду с тобой туда, – сказал Браун. Американец с ненавистью взглянул на него, но не посмел возразить.

Они вошли вместе. У задней стены, около печки, сидела Тереза, рядом с ней помещался немой мальчик. Все остальные стояли поодаль, как будто исполняя волю святой. Первой мыслью Фрэнка было прямо подойти к ней и заговорить, но он видел, что глаза её вперились в про-

странство и что душа её была далеко от всего, что делалось вокруг. Фрэнк сел у окна, опёрся на руки и начал наблюдать.

Никто не произнес ни слова; все ждали чего-то, что, по-видимому, должно было сейчас произойти.

Тереза крепко держала распятие, но глаза её смотрели далеко вперёд через него.

Затем блаженная улыбка заиграла на её губах; она медленно встала, крест выскользнул из её рук; казалось, она видит Бога. Она опустилась на колени, сложила руки, подняла их к небу. Долго оставалась она в таком положении.

Фрэнк Браун не спускал с Терезы глаз и следил за каждым её движением. Для него было несомненно, что она видит кого-то, недоступного другим.

Яркая радость светилась на лице девушки. Все её существо выражало восторг и упоение; грудь её высоко вздымалась от блаженного трепета объятий.

Она стояла на кончиках пальцев, едва касаясь земли. Казалось, она парила в воздухе, все в ней тянулось вверх, уносилось в небу. И тихо шептали её губы: «Дайте мне унестись к вечному блаженству».

В этом было уже что-то нечеловеческое. Широко открыв глаза, Фрэнк Браун упивался этим дивным образом. Словно рубины, светились капли крови на белом лбу Терезы, черные кудри рассыпались по её голым плечам…

– Ах, если б я был художником! – прошептал Фрэнк Браун.

Но вдруг, без всякого перехода, Тереза грохнулась на пол. Снова она корчилась в страшных судорогах, дико размахивала руками и ногами и кричала в ужасном пароксизме. Затем, поднявшись на колени, издала ужасный крик и вырвала огромную прядь волос из своей головы.

Невыносимый ужас, дикое отчаяние отразились на её лице, и она закричала: «О пропасть! пропасть!». Она вся съежилась, поползла на четвереньках в угол и забилась там, как загнанный зверёк.

И снова к ней вернулась жизнь. Она открыла глаза, щеки её порозовели, и улыбка осветила лицо.

Фрэнк Браун приблизился к Терезе.

Опустив голову на руку, Фрэнк любовным взглядом ласкал девушку, ещё пребывавшую в экстазе. – Он завидовал ей…

* * *

Тереза всё ещё лежала неподвижно. Мужчины и женщины, успокоившись несколько, группами стояли и сидели, тихо перешептываясь.

Вдруг девушка зашевелилась и удивленно взглянула вокруг.

– Здесь? – тихо спросила она.

Все бросились к ней. Матильда Венье – первая ответила ей:

– Да, сестра, ты теперь с нами. А где ты была?

Но Тереза не отвечала. Она казалась ослабевшей и утомленной.

Вдруг взгляд её упал на Фрэнка Брауна.

– Ты здесь? – спросила она. – Поди сюда.

Она сказала это спокойно и мягко, но тоном, в котором чувствовалось, что она привыкла, чтобы ей повиновались. Фрэнк Браун почувствовал это и не двигался с места.

Тогда она тихо сказала:

– Приведите его сюда.

К нему бросились несколько человек. Он повернулся на каблуках и направился к двери, но Скуро загородил ему дорогу:

– Вы должны пойти к ней! – твердо сказал он ему.

Фрэнк Браун стоял растерянный и нерешительный.

Ничего иного не оставалось делать, как подчиниться.

Если оскорблённая гордость и гневное презрение могли его сделать господином над каждым в отдельности, то все вместе они всё же могли заставить его остаться.

Фрэнк закусил губы и молча приблизился к Терезе.

– Ты был здесь всё время? – спросила она. Он молча кивнул головой. – Что здесь было?

Её вопросы оскорбляли его: как будто она чинила ему допрос. И, несмотря на это, он ей ответил:

– Ты была в экстазе.

Она помолчала секунду, потом тихо сказала:

– Да.

Фрэнк ждал; но она медлила и тогда он резко спросил:

– Чего тебе нужно от меня? Я хочу уходить… слышишь? Оставайся одна со своим пророком.

Она сразу вскочила и одним прыжком очутилась около него; её горячее дыхание касалось его лица, взгляд её глубоко вонзился в него.

– Или ты уже забыл, кто меня водил к нему?

Фрэнк принял вызов.

– Это был я! – громко воскликнул он. Посмотрев в сторону и увидев рядом с собой американца, он рванул его за руку и поставил перед собой.

– Это был я! – резко повторил он. – Я сделал Пьетро Носквера пророком, а тебя – святой. Я играю вами, как куклами. Вы – мои произведения: глыбы глины, в которые я вдохнул жизнь.

Тереза смотрела на него, как бы читая его мысли.

– Ты хочешь уйти? – спокойно спросила она.

– Тебе нет дела до того, остаюсь я или ухожу. Но, раз ты спрашиваешь, могу ответить тебе: послезавтра, в два часа дня, я уезжаю с почтой.

Она спокойно улыбнулась.

– Почта уйдет послезавтра, но ты не уедешь!..

Она повернулась к присутствующим и, повысив голос, приказала:

– Вы слышите? Он не должен уезжать. Передайте всем в деревне, что он не может уехать!

Фрэнк схватил руку Терезы и начали её трясти:

– Что? – закричал он. – Я не поеду? Нет, я поеду!

– Пусти руку, ты делаешь мне больно, – сказала она и вновь повторила: – Нет, ты не уедешь. Ты принадлежишь мне.

Фрэнк рассмеялся ей в лицо.

– В самом деле? А я-то всё время думал противное.

Она спокойно взглянула на него.

– Замолчи лучше. Что ты хочешь сказать: что я была твоей любовницей?.. Кому ты это скажешь: мне? – я это знаю. Другим? Но в деревне это каждому известно. Я лежала в твоих объятиях – и не отрицаю этого; не отрицаю и более важного: что это ты указал мне путь, ведущий к Богу. И Пьетро так же, как и я, не станет этого отрицать. Скажи это ему сам, брат…

Американец помедлил немного, затем громко начал:

– Да, он указал мне дорогу.

– Ты слышишь? – сказала Тереза. – И я тоже скажу, что ты сделал. Ты водил меня к пророку, хотя знал, что я не хотела этого; ты говорил мне о вещах, о которых я раньше ничего не знала. Мы хорошо знаем, что Бог послал тебя! Но мы знаем также, что ты сам не веришь в Его мощь. Ты был лишь орудием, но считал себя мастером…

Её слова звучали пророчески.

– Труден путь, усеянный терниями и камнями. Шипы колют босые ноги, и кровь бежит яркими струйками… А я продолжаю идти, и сверху льётся яркий свет. Туда стремится мой взгляд, не замечая змеи, ползущей меж камней. Она должна ужалить меня, но ноги несут меня все выше, выше!.. Эта змея – ты! Ты ужалил меня. Но вот кончено последнее мучение; плоть побеждена, и душа блаженно упивается, а ты стоишь там внизу, смотришь сюда, и червь обиды пожирает тебя… И вечно ты будешь пресмыкаться на этой грязной земле, бродя по всем странам одиноким, без друзей. Вот ты бежишь и несёшь на своих плечах вечную смерть… через моря и горы, через глубокие долины и далёкие равнины… Вон я вижу тебя – ты сидишь в отдалении, и белый мрамор отбрасывает солнечные лучи. Кругом возвышаются огромные дворцы, а ты неподвижно уставился в землю. Кто-то назвал твое имя… ты слышишь мой голос. А тучи закрывают солнце…

Он схватил её руки.

– Дальше, Тереза, скажи, что ты видишь ещё?

– Я не знаю… не знаю. О, как я устала! Проводите меня домой. Покойной ночи, братья! Покойной ночи, сестры! Молитесь обо мне.

Фрэнк Браун медленно направился к выходу.

Весь дом был окружён крестьянами.

Под его окнами стоял Скуро. Они посторонились и дали ему дорогу.

– Итак, вы пускаете меня в дом, но выйти я не имею права?

– Нет, вы можете и выходить куда угодно… в деревню или в сады, даже на озеро… Только за вами будет следовать двенадцать человек…

* * *

Крестьяне сдержали слово. Они окружали его дом по ночам, сменяя друг друга каждые три часа. Несмотря на это, Фрэнк мог бы легко ускользнуть. Но что-то удерживало его здесь: не то любопытство, не то алчная потребность дождаться чего-то, что должно случиться. Он не мог найти покоя: то катался по озеру, то ходил по садам; потом снова часами валялся в траве и мечтал.

Никто из стражи не разговаривал с ним; это его мучило: ему нужен был кто-нибудь, кто бы его слушал.

Тогда он прибег к маленькой хитрости.

Каждый раз, когда вся деревня приходила к святой, он уходил из дому. Он устраивал тогда самые дикие прогулки, мчался, как пуля, по долине, и парни гнались за ним. Тогда к нему приставили самых ловких крестьян. Это лишило их возможности присутствовать на собраниях и бесило их всех, особенно Ульпо.

Однажды Фрэнк предложил Ульпо такое условие: он будет ходить с ними на собрания, когда им угодно, так что им не придется бегать за ним по пятам, но они за это должны отвечать на его вопросы.

Парень не знал, что сказать. В это время вышла Тереза.

– Святая сестра, – заявил ей Ульпо, – господин хочет пойти на собрание…

– Пусть придет, – ответила девушка.

С тех пор Фрэнк вечера проводил на собраниях мистера Питера, а днём разговаривал со своей стражей.

Пророк сделал некоторые особые приготовления к новой битве. На этот раз Фрэнк Браун сильно опоздал. Молитвы, пение и исповедь приходили уже к концу. Пророк встал и благословил вино. Все теснились около чаши и жадно глотали напиток.

Фрэнк Браун взглядом окинул собрание. Здесь были все, кроме Раймонда со слугой и старой Сибиллы Мадруццо.

Фрэнк вспомнил, что не видел её последние дни на собраниях. Не заболела ли она?

Наконец, Ронхи ударил о пол палкой, и началась музыка. Музыканты и хор трижды исполнили великопостную молитву, после чего им стали подтягивать все остальные.

Они ударяли в ладоши и отбивали такт ногами. Пение становилось все учащенней и принимало все более дикий и возбуждённый характер.

Тогда пророк встал и обратился с речью к присутствующим. Он сказал, что нужно бороться с сатаной истязаниями.

Двенадцать парней поставили на пол свечи, сбросили пиджаки и рубашки и сняли плети, розги и кнуты. Затем они разом подняли руки, музыка заиграла, и плети опустились на голые спины; никто не бил сам себя, каждый опускал свою плеть на тело другого.

Тереза приподнялась на месте, чтобы не упустить ни малейшей подробности этих истязаний.

– Бейте сильнее! – кричала она. – О, раны! Раны… Раны!

Другие присутствующие также бросились на подмостки, разделись и смешались с первыми.

Матильда Венье была первой из женщин, вступившей на подмостки; за ней поднялись ещё несколько. Возле Терезы раздевался Джироламо Скуро. Он свернул в узелок рубашку и пиджак и сел на него; потом он снял сапоги, встал и спустил штаны. Совсем голый, он снял со стены плети и начал стегать налево и направо: куда попадала его плеть, там кожа срывалась кусками.

Тереза смотрела нерешительно вокруг себя. Вдруг взгляд её упал на Джино, забравшегося под её стул, когда хватали детей; здесь его никто не заметил. На его теле не было ни капельки крови; оно было нетронуто, без единого пятнышка.

Глаза Терезы засияли.

Она сделала знак мальчику, который выполз из-под стула и ласково прижался к ней. Она взяла его на руки, подняла и горячо поцеловала, затем усадила его на стул, а сама стала перед ним на колени.

– Хочешь ли ты отдать свое тело за Того, Кто умер за нас на кресте? – громко спросила Тереза и пальцами пояснила глухонемому ребенку, о чем его спрашивает. Мальчик понял слова её, но не понял их смысла. Он почти радостно кивнул головой.

Тогда Тереза снова заключила его в своя объятия и покрыла лицо мальчика горячими поцелуями.

– Джино умрет за вас! Его избрал Господь! – Она поднялась, держа на руках мальчика.

– Подайте мне гвозди и молот!..

Ронхи принес ей полную горсть больших, длинных гвоздей и тяжелый молот.

Тереза взяла за руку мальчика и опустилась с ним вместе пред иконой Христа. Тотчас же пророк упал на колени, а за ним и все остальные.

Тереза показала мальчику мягким, нежным прикосновением, чтобы он лёг на спину. Она распростерла в обе стороны его руки, ладонями кверху, и скрестила ему ноги. Джино лежал весёлый, словно играя, не подозревая, что с ним сейчас случится. Тереза поцеловала открытую ладонь мальчика и сделала знак слуге.

Скуро взял молот и, став на колени, приставил длинный гвоздь к руке мальчика. Джино мгновенно отдёрнул руку и обнял Терезу, которой удалось успокоить его; она целовала и ласкала мальчика и снова вытянула его руки в обе стороны. Она ещё ниже склонилась к ребенку, так что он видел только Терезу.

Окончательно успокоенный, мальчик позволил Скуро прижать к земле его левую руку. Тереза слегка повернула голову и, увидав, что гвоздь касался середины ладони, закричала: – «прибей!», – затем с криком бросилась на тело Джино, целуя его и впиваясь зубами в тонкие губы ребенка. Молот опустился и прикрепил к полу детскую руку.

Мальчик правой рукой оттолкнул Терезу, жалобно закричал и старался подняться. Невыразимый ужас был на его лице; своими слабыми силенками он хотел вырвать левую руку, но попытками этими лишь усиливал свои страдания.

Святая вскочила, грудь её часто вздымалась. Матильда Венье крепко держала мальчика за ноги. Скуро схватил его правую руку.

– Кончайте скорее! – кричала Тереза. – Кончайте скорее! Скуро, разбей ему череп!

Рука Джироламо тяжело опустила молот на голову мальчика…

Тереза на коленях подползла к своему стулу, сложила руки и долго молилась. Голова её бессильно опустилась. Все её тело конвульсивно вздрагивало.

Маленький трупик был отнесён в угол, где лежали все свечи. Снова заиграла музыка, все снова запели песнь. А пока они пели, чаши наполнились вином.

Фрэнк Браун встал со скамьи. У него так болела голова, словно он сам получил удар, размозживший голову мальчику. Шатаясь, как пьяный, он вышел на улицу подышать свежим воздухом… Он видел людей, идущих с собрания в одиночку и группами. Они не говорили между собой ни слова, ни разу даже не пожелали друг другу спокойной ночи. Они шли с своими детьми, избитыми и иссечёнными, но все же живыми! – и Фрэнку Брауну казалось, что в этот вечер они больше любили своих детей и нежней прижимали их к себе.

Только Джино остался там; маленький глухонемой пастушок, дитя деревни, он не имел ни отца, ни матери, никого, кто позаботился бы об его бедненьком, худеньком тельце.

«Бедный маленький мальчик!» – подумал Фрэнк Браун.

Последними вышли пророк и его домочадцы. Кармелина Гаспари делала усилия, чтобы поддержать Терезу, но сама не выдержала и свалилась наземь. Скуро хотел заменить её, но при его приближении Тереза вскрикнула и оттолкнула его. Её поддержал Американец.

Медленно передвигая ноги, они пошли к дому.

Фрэнк Браун встал и пошел по пустынным, безлюдным улицам. Придя домой, он выглянул из окна своей комнаты: в этот вечер за ним не было стражи.

Он разделся и лёг. Однако заснуть не мог: события последнего вечера проносились перед ним.

Почему он не вмешался, когда Тереза призвала детей? Когда её плеть рассекала до крови маленькие, тщедушные, голые тела? Когда она искусала губы Джино? Когда Скуро, эта пьяная скотина, пригвоздил ручку ребенка? Что его удержало?

– Это ни к чему не привело бы, – сказал он со вздохом. – Что мог я один сделать против всей этой массы безумцев? – Фрэнк прекрасно сознавал, что лжёт самому себе. Нет, не страх удержал его, а нечто другое. Его удержало на скамье вечное проклятие отцов, которого не мог избежать ни один смертный… Его удержала всепокоряющая власть крови…

* * *

На следующий день Фрэнк поздно сошел вниз.

Хозяина нигде не было. С трудом он дозвался слуги.

– Где хозяин? – спросил Фрэнк.

– В городе.

– Уехал или пешком?

– Нет, с почтой. Сегодня почтовый день.

– Почему же ты мне не сказал? Я бы тоже поехал…

В эту минуту раздался пронзительный рожок автомобиля.

– Когда он вернётся назад?

– После обеда. Солнца уж не видать, но ещё совсем светло.

– Прекрасно. Значит, он возвращается около 5-ти часов. В 4 часа, когда солнце будет там, над Монте-Алмего, ты снесешь мой сундук на шоссе… Но ты должен сделать так, чтобы никто тебя не заметил. – Вот тебе 10 крон… когда я буду в экипаже, – ты получишь ещё столько же…

Фрэнк медленно пошел по деревне. Нигде не видно было ни души; пустынной и вымершей казалась деревня. Только у ручья он заметил кого-то; то был Джиованни Ульпо, который усердно растирал грудь и спину каким-то зловонным салом. Его рубашка, выстиранная в ручье, сушилась тут же на дереве.

– Почему никого нет на улицах?

– Все сидят теперь дома: готовятся и надевают праздничные платья.

– Разве сегодня праздник?

– Да, – ответил спокойно Ульпо. – Праздник Терезы. Она взойдёт сегодня на небо.

– Что же будет?

– Не знаю. Сначала похоронят Джино. Будет процессия. Больше я ничего не знаю.

Фрэнк Браун повернулся, намереваясь уйти.

– Ах, да. Вы что же, забыли меня? Или пророк снял с меня охрану по случаю торжественного дня?

Ульпо с ужасом посмотрел на Фрэнка. В одну секунду он вскочил и, не говоря ни слова, побежал в дом пророка.

«Я сделал большую глупость!» – подумал Браун.

Когда он вернулся домой, под его окном стояли Ульпо и ещё пять парней. Они были усталы и разбиты, но взгляд их показывал, что они не собираются оставить свой пост.

* * *

Фрэнк Браун поднялся к себе. В первый раз он почувствовал страх: «Что если ему не удастся уйти?»

В это время к нему постучали. В комнату вошли Ульпо и Пасколь.

– Что вам угодно? – спросил Фрэнк вошедших.

Они просили его пойти на похороны.

– Нет, я не пойду! – воскликнул было Фрэнк, но потом одумался: похороны могли представить удобный случай затеряться в толпе и – скрыться. Он согласился…

Парни вышли. Фрэнк бросился на кровать и стал обдумывать план бегства. Ему стоило огромных усилий заставить себя спокойно думать. Он решил во время погребения стать возможно дальше от центра и затем постепенно, шаг за шагом подвигаться назад ближе к выходу с кладбища; когда же все запоют или начнут истязаться – он быстро ускользнет.

В этот момент он услышал на лестнице шаги. Ульпо пришел за ним. Фрэнк наскоро умылся холодной водой, несколько успокоился и сошел вниз. Перед домом стояли 12 парней с Ратти во главе. На каждом из них был накинут кусок холста с дырой посередине для головы; в руках они держали по большой свече. Во главе шел Ратти с шашкой наголо, за ним шли в ногу остальные; Фрэнк Браун шел посередине между Паскалем и Джиованни Ульпо. Они шли сначала к пророку.

Все окна большой комнаты были плотно завешены, только несколько свечей слабо освещали её; в заднем конце на двух стульях стоял маленький, коричневый гробик, в нем лежал, весь в белом, бедный Джино. Его лицо было умыто, только волосы местами слиплись от крови; руки его были спрятаны под холстом.

В комнате было много народу; мужчины и женщины были облачены в белый холст. Все молча, как белые тени, двигались взад и вперёд.

Из-за двери донёсся шепот – и в комнату вошли Венье, Скуро и ещё несколько человек; за ними шел Пьетро Носклер. Этот последний выглядел очень комично. Он был в ярко-красном плаще, небрежно заброшенном за левое плечо.

Сверху на нем был надет женский пояс, на голове красовалась большая бумажная корона, обклеенная золотой бумагой; в правой руке пророк держал короткую палку, густо обвитую ветвями – она должна была изображать скипетр.

Пророк медленно приблизился к гробу, постоял там некоторое время и обернулся назад. В эту минуту пришла вниз Тереза. На ней был тот же плащ, что и вчера, покрытый пылью и грязью и почерневшими пятнами крови; по-видимому, она не снимала его всю ночь; волосы её рассыпались, на голове была такая же корона, как и у пророка. Глаза её были закрыты, губы шевелились, шепча молитву, она двигалась медленно и с трудом, словно падая под тяжестью страданий. Подойдя к гробику, она опустилась пред ним на колени и положила на него голову и руки.

Пророк выступил вперёд и едва слышно стал говорить о жертве, о спасении души и вечном блаженстве; затем он опустился на колени рядом со святой; все тоже опустились на колени и молча молились…

Первым поднялся пророк; две девушки помогли встать Терезе; она положила им на плечи руки и смотрела, как Венье и Альвасси взяли и вынесли гробик. Процессия тронулась. Все шли босиком и с непокрытыми головами, у каждого в руке было какое-нибудь оружие. У одних были прутья и плети, у других – длинные вилы и топоры.

Кладбище спускалось по склонам горы узкими террасами; на нижней зияла свежая могилка, предназначенная для Джино. Паскаль прыгнул в неё, и ему подали туда маленький гробик.

Пророк выступил вперёд, но не успел он ничего сказать, как Тереза громко спросила:

– Имеете вы крест для Джино?

Все переглянулись, а портной покачал головой:

– Нет, никто не подумал об этом.

Святая оглянулась вокруг и обратилась к представителям общины:

– Вы должны сделать крест, большой – больше, чем какой бы то ни было на кладбище.

Ронхи сказал ей:

– Ладно, сестра, мы сделаем его завтра.

Но она резко воскликнула:

– Нет, не завтра, а сегодня должны вы сделать его! Сейчас же!

И Скуро, Альвасси и Ронхи пошли делать крест.

Тем временем Ратти выстроил около могилы своих певцов; они запели и все присоединились к их хору. Затем пророк опустился на колени для тихой молитвы, его примеру последовали все остальные.

Скуро с товарищами вернулись, положили на землю крест и, опустившись на колени, начали молиться. Пророк поднялся, молча благословил могилу, снял корону и бросил на гроб три горсти земли; святая тоже взяла горсть земли и поцеловала её.

– Джино теперь счастлив, – прошептала она: – он навеки у Бога.

Она бросилась землю и, рыдая, опустилась на колени. Все подошли к могиле и бросали на неё горсти земли; образовался маленький холмик. Снова запели – и пророк прочитал тихую молитву.

Затем все направились к обычному месту собраний – их второй родине.

Проходя мимо церкви, святая рванулась и громко спросила:

– Где крест?

Несколько человек бросились обратно, Тереза же поднялась по лестнице церкви. На верхней ступеньке она остановилась и громко воскликнула:

– Ликуйте и радуйтесь! Пусть заиграет музыка!

Музыканты поднялись на лестницу и заиграли; но плясать никто не решался: что им казалось естественным при свете факелов в темном сарае, – стало для них невозможным при светлом сиянии солнца.

Святая заметила это.

– Принесите вина и медные чаши.

Тотчас принесли пять корзин вина.

– Налейте! – приказал пророк.

И этот напиток придал им новые силы и превратил для них палящий летний день в самую темную ночь.

– Пляшите! – воскликнула святая. – Ликуйте и пляшите!

Вино и музыка подействовали. Все побросали оружие и плети и, взявшись за руки, образовали несколько кругов, один около другого; внутри стали пророк, святая и Ронхи; направо кружились первый и третий, пятый и седьмой круг мужчин; налево – все женщины.

Воодушевление толпы все росло и росло.

Уже многие падали, изнемогая, а круг замыкался все тесней и тесней… пляска продолжалась. Пьетро Носклер вступил в круг и это придало танцующим новые силы; он схватил за руку Венье и Корцаро и закружился в безумном хороводе, затем отпустил их, начал сам кружиться; все делали то же.

Вдруг пророк внезапно остановился посреди бешеного танца.

– Небо разверзлось! – воскликнул он.

Все стали на колени. Словно ток ужаса прошел по общине… Вдруг на ноги вскочил молодой Ульпо; кровавая пена выступила на его губах; частыми шагами он подбежал к святой, опустился перед ней на колени, откинул голову назад и начал рассекать руками воздух. Начав говорить хрипло и тихо, он дальше говорил всё громче, произнося слова со стоном и хрипом.

Впрочем, Ульпо не говорил – слова выходили сами, в одиночку, откуда-то из глубины глотки вместе с пеной и кровью; и язык был какой-то чужой.

Фрэнку Брауну казалось, что он слышит греческое слово, потом испанское, но не успел он ещё разобраться в слышанном, как вдруг взгляд Ульпо упал на него. Внезапный ужас отбросил Ульпо назад, казалось, пред его глазами открылась пропасть. И медленно, звонко, отчётливо заговорил Джиованни Ульпо по-латыни стихи из «Откровения», голосом, каким никогда не говорил, указывая на Брауна. Фрэнк видел, что никто не понял этих стихов, даже сам говоривший; –это было спасение. Иначе они бы разорвали его!

Тереза коснулась Ульпо своей одеждой. Она подошла к нему и подняла его с земли.

– Что видел ты, мой брат? – спросила она.

– Земля покраснела от крови, – забормотал Джиованни. – А зверь живёт; он – пасть ада. Пасть широко раскрыта и хочет нас проглотить.

– Он прав! Джиованни Ульпо прав! – вскричала Тереза. – Ад хочет нас проглотить!

Тереза простерла вперёд руки.

– Пророк видел небо отверстым, а с ним и Матильда Венье. Готовы ли вы выйти на борьбу с властью сатаны?

– Да! – закричали они. – Веди нас. – Они снова схватили оружие, готовые в каждый момент напасть на врага.

Святая остановилась посреди площади; по её знаку заиграла музыка. – «Тебе Бога хвалим!» – играла она. Она приказала созвать всех.

– Братья и сестры, вы победили! – кричала она. Она прислушалась и повысила голос: – Слышите? Слышите? Там играют небесные хоры!

Тереза продолжала:

– Целуйте друг друга, братья и сестры! Час великой жертвы настал! – Она подошла к пророку, положила обе руки ему на шею и поцеловала в обе щеки; потом поцеловала Ронхи, Ратти, всех женщин. К ней подошел также Скуро. Она помедлила минуту, затем, подняв обе руки, обратилась к нему:

– Поцелуй меня, брат…

Все подходили к ней и пророку. Каждому она подставляла лоб и щеки. Вдруг она вырвалась из их объятий.

– Спешите, спешите! – воскликнула она, – чтоб знаменье исполнялось.

Потом снова обняла своих женщин, поцеловала их и омочила теплыми слезами их щеки.

– Прощайтесь со мной, прощайтесь!

– Где крест? Принесите ого сюда.

Скуро принес его. Тереза подошла к кресту и слегка провела рукой по поперечине.

– Слушайте, братья и сестры: вы должны распять меня!

Они стояли вокруг святой, немые и оцепенелые, с раскрытыми ртами. Казалось, в этих головах, привыкших все воспринимать без всяких сомнений, зародилась мысль о сопротивлении.

– Вы сделаете это?

Никто не отвечал.

– Или вы малодушны? Вы хотите, чтобы я своими руками пригвоздила себя ко кресту? – Она схватила руку слуги. – Джироламо Скуро, ты это сделаешь?..

– Хорошо, святая госпожа!

– Святая сестра, – бормотал великан. – Святая сестра!..

– Ты это сделаешь! Тебя поглотит ад, если ты от этого откажешься… Ты должен, Джироламо Скуро!

– Хорошо, святая госпожа!

– Я знала это, – тихо сказала она, – я знала, что твоя рука пригвоздит меня ко кресту…

Она взяла его огромную, страшную руку и смиренно поцеловала её… и медленно, размышляя и колеблясь, она прошептала:

– И всё-таки… я не хочу умереть… от этой руки…

Фрэнк Браун слышал каждое слово.

Он стоял на лестнице, почта не в силах шевельнуться.

«Она принесет себя в жертву; она будет висеть на кресте для спасения душ своих братьев. Она, – Тереза Раймонди, – его возлюбленная… которую он целовал горячими, жадными губами, которую он целыми ночами держал в своих объятиях… Она будет висеть… там… на кресте…» Он не мог этого постигнуть и провел рукой по глазам. Он не грезил: процессия готовилась в путь.

Фрэнк ужаснулся; что-то стеснило ему грудь, ему не хватало дыхания; он сжал кулаки…

Так вот конец его игры?

Он был беспомощен, бессилен – бедный, жалкий червяк! Зато его произведения, его куклы жили и выросли до гигантских размеров, шли высоко над ним и разверзали небеса…

Вон отсюда! Вон!..

У него не хватило сил терпеть дальше. Он вышел, шатаясь, и направился к дому. Пока его можно было видеть, он шел медленно, чтобы не бросаться в глаза; но невольно его шаги участились, стали быстрей, торопливей – он побежал…

Вдруг он услышал громкий крик:

– Держите его! Ловите чужестранца!

Это был голос Терезы – и её голос пригвоздил его к месту; он не в состоянии был сделать ни шага.

– Ловите чужестранца! – сказала она.

Это он – был «чужестранец». Тереза так его назвала!

Шестеро парней подбежали к нему и он, не сопротивляясь, пошел с ними к святой.

– Следите за ним, – тихо сказала она. – Бог хочет, чтобы он присутствовал при моей смерти.

Его охватила ярость.

– Бог хочет, а… – но он не окончил фразы.

Вдруг, в одно мгновение его горячий мозг родил новую мысль… О да, это было лёгкое, великое спасение!.. Почему он ни разу не подумал об этом?.. Ах, он мог бы многое предупредить: смерть и Джино, и Джиованни Ульпо!

Слишком поздно для них, но все же достаточно рано для Терезы!..

Он быстро приблизился к ней, взял её руку и нажал нерв (Maus des Daumnes). Вот эта точка, которая сделала её рабой его желаний. Он с силой нажал на неё… Она не отдёрнула руки. Спокойно и удивленно смотрела она на него.

– Что тебе нужно? – спросила она.

Его охватила дрожь,

– Я… я… – пробормотал он.

Быть может, он ошибся? Быть может, то была другая рука?

Он взял правую руку и нажал в этом же месте.

Она не опустила глаз.

– Что тебе нужно? – вновь тихо спросила она.

В глазах Фрэнка потемнело.

Его власть исчезла, разбита! Жалкий, несчастный стоял он перед ней – она была свободна!

– Иди к черту! – хрипло прошептал он.

Альвасси схватил его правую руку, Корпоро – левую.

Процессия тронулась…

* * *

Они медленно тронулись по широкой улице, сначала спускавшейся к озеру, а потом поднимавшейся в гору. Ронхи все время не отрывал глаз от святой. Его черные глаза сверкали от благочестивой любви и горячего восторга. И когда музыка затихла, он вдруг громко запел литию. Все хором подхватили его пение. Святая опустилась на колени и – молилась. Потом она поднялась со спокойной улыбкой.

– Распустите моё платье, – приказала она женщинам, – а ты, брат Ронхи, сделай для меня венец из шипов.

Ронхи постоял немного, потом быстро удалился. Но женщины мешкали; они медленно спустили с плеч святой сукно и открыли её грудь.

Ронхи принес ей венок.

Она сняла золотую корону, поцеловала шипы и крепко надвинула её на лоб, покрытый кровавыми ранами.

Она поцеловала женщин, легла на крест, закрыла глаза, сложила руки и начала молиться.

Фрэнк Браун стоял подле неё; уйти не было возможности; его стерегли. Он с ужасом закрыл глаза. Нечеловеческих усилий стоило ему отвлечь мысли от происходящего здесь; он едва мог удержаться от крика…

Тереза подняла глаза.

– Вы готовы?

– Да, святая сестра.

Она кротко улыбнулась.

– Тогда начинайте. – Она сделала знак слуге.

– С чего начать? – спросил её Скуро.

– Сперва прибей ноги.

Слуга выбрать гвоздь подлинней, с огромной головкой и попробовал зубами конец.

Он приставил гвоздь и подняли молот, но вновь опустил его. Рука его дрожала.

– Чего ты ждёшь? – спросила святая.

– Святая госпожа… – прошептал он.

Он выпил вина, поцеловал раны на её ногах, тяжко вздохнул и поднял молот…

Она улыбалась смиренно; но пальцы её крепко вцепились в дерево…

Она поблагодарила Скуро.

– Теперь левую руку, – приказала она.

Он повиновался.

– Теперь правую…

Он вставил гвоздь в рану и ударил молотком.

– Благодарю тебя, брат мой, – сказала она. – Теперь передай свой молот пророку.

– Что мне делать? – спросил её пророк.

– Ударь покрепче в гвоздь на левой руке.

Пророк опустился на колени и исполнил приказание святой. Она призвала Ронхи и женщин и требовала, чтобы они приколачивали её. Все брали топоры…

– Теперь поставьте крест!..

Датти и Альвасси опустили конец его в землю; остальные подняли и стали медленно опускать его в яму, пока не стал совсем прочно.

Все смотрели на распятие, теснились друг к другу, и глубокое беспокойство охватило их. Пророк приблизился к кресту.

– Что же нам делать, святая сестра?

– Молитесь!

Все опустились на колени…

Фрэнк Браун взглянул на Терезу. Она была прекрасней, чем когда бы то ни было. Её голова склонилась на левое плечо; длинные черные кудри рассыпались по обеим сторонам; венок из шипов обрамлял её лоб, бросая на землю коралловые капли.

Раны на руках и ногах вскрылись, и тонкие струйки красной крови текли из них. Фрэнк думал:

«Как долго она ещё будет висеть, пока смерть освободит её наконец?»

Тихая улыбка замерла на губах святой; лицо её окаменело; капелька крови вытекла из её рта и упала вниз.

– Ах, если бы она умерла, – шепнул Браун.

Она беззвучно, неподвижно висела на кресте… Шли минуты, быть может, часы… Для Брауна прошла вечность…

Все смотрели вверх.

Скуро, чтобы видеть, сделал шаг в сторону, но поскользнулся, и Тулио Трамонте, потеряв равновесие, упал с его плеча.

Фрэнк Браун вскрикнул: он боялся, как бы юноша не увлек за собой распятую… Но Тулио слегка лишь задел её и сорвал с неё белый покров.

Фрэнк посмотрел на неё… Она была беременна. Под сердцем она носила ребенка… Его ребенка! Его ребенка! Они вскрикнул, оттолкнул всех, стоявших впереди, и бросился к кресту.

– Тереза! Тереза! – вскричал он.

Но она молчала. Глаза её были закрыты и голова в изнеможении опустилась на грудь.

Он схватился обеими руками за крест и начал трясти его.

– Тереза! Тереза! – кричал он.

Святая очнулась и медленно открыла глаза.

– Кто звал меня назад на землю, брат Пьетро? – спросила она.

Пророк указал рукой на Фрэнка.

Огромным усилием воли она подняла кверху голову; губы беззвучно зашевелились.

Потом, опустив глаза, она взглянула на Фрэнка.

– Ударь меня копьём!

Фрэнка схватили. Он отбивался, кусался, но они обхватили его тело и ноги и держали крепко. Скуро дал ему в руки огромные вилы.

– Делай, что она приказывает! – хрипло воскликнули они.

– Нет! Нет! – он выл и кричал, но они его не отпускали, подняли вверх и приложили острые, кривые зубы вил к телу святой.

– Святая требует это! – воскликнул пророк. – Ударь!

Фрэнк изо всех сил старался освободиться, но восемь сильных мужчин держали его с дикой силой фанатиков. И воля той, что была на кресте, сделала железными их мускулы.

Он был её куклой.

Тогда Джироламо Скуро с силой толкнул его в локоть – и зубья насквозь вошли в тело Терезы…

Проколол мать и дитя!..

Святая вскрикнула.

Это был единственный дикий, страшный крик.

Фрэнка Брауна отпустили… Без чувств свалился он на землю…

Глава 8. Побег из рая

Фрэнк лежал поперек дороги.

Крестьяне подняли его, отнесли в сторону и бросили в заросли.

Он лежал неподвижно… А в его ушах звучал ещё последний крик святой… Её ужасный предсмертный крик…

Наконец он очнулся.

Осторожно, на четвереньках, как подстреленный зверь, Фрэнк Браун пополз в кусты – только бы подальше отсюда! Так он дополз до небольшого уступа. Дальше идти было некуда: скала круто спускалась в озеро.

Он соскочил вниз. Озеро приняло его; он окунулся глубоко, почти до самого дна.

Но вода выбросила его на поверхность, словно считая нечистым.

Инстинктивно Фрэнк начал рассекать воду и вскоре пересек всё озеро. Он вышел на берег у дома Раймонди… Что ему там делать?

Позорный страх гнал его вперёд.

Вдруг в кустах послышался шорох. Со страху Фрэнк упал на колени, закрыл глаза и прижался к земле… Шорох все приближался…

Это была коза, приведенная Анджело.

Фрэнк поднялся с земли, взял животное за ошейник и вышел за ним на шоссе.

Там на чемодане сидел Анджело.

– Автомобиль уже проехал?

– Нет ещё, сударь.

Фрэнк был спасен!

Он стал на краю дороги и, держась за орешник, внимательно смотрел на запад. В то время он почувствовал, как что-то ползет у его ног. Это была Сибилла Мадруццо. Старая нищая осталась такой же, какой он её увидел впервые. Её спина была искривлена так, что голова

с растрепанными седыми волосами едва поднималась над поясом, губы её что-то беззвучно шептали, и правая рука, протянутая вперёд, ждала милостыни.

Фрэнк не решился расспрашивать её. Дав ей пригоршню серебряных монет, он подозрительно посторонился от неё.

– Уйди! уйди! – прошептал он.

Так, значит, она не исцелилась. Он вспомнил, что, возвратясь из Чимеи, он не встречал её больше на собраниях мистера Питера. Так краткосрочно было её счастье!..

Вверху, на Монте-Альмего, зашипел автомобиль; он мчался, как стрела, и был всё ближе и ближе.

Шофер затрубил в рожок. Но Фрэнк Браун не тронулся с места, так что мотор должен был остановиться.

– Что вы хотите? – спросил шофер недовольным тоном.

– Поехать с вами!

– Я не могу вас взять! Все места заняты, вы видите сами.

Фрэнк Браун вплотную приблизился к нему и схватил его за руку.

– Вы должны взять меня с собой! Если вы не возьмёте, я брошусь под колеса.

Шофер посмотрел на него с удивлением. Он увидел, что Фрэнк не шутит.

– Не подвинетесь ли вы немного, сударь, – обратился он к своему соседу.

Качая головой и ворча, тот подвинулся, и Фрэнк Браун примостился рядом с шофером.

Они тронулись в путь…

* * *

Фрэнк прибыл в город уже поздно ночью. Но оставаться он там не хотел: ему всюду чудились «охотники на дьявола», пришедшие за ним. Но к поезду, шедшему на север, он уже запоздал. Ближайший отходил лишь утром.

– А разве нет сегодня больше поездов? – спросил он в кассе.

– Только один скорый, идущий на юг.

– Когда он отходит?

– Сейчас. Через пять минут он будет здесь.

– Куда он идёт?

– В Венецию.

Фрэнк Браун вздохнул с облегчением.

– Дайте билет.

Он вошёл в спальный вагон, разделся и лёг.

– Уснуть! уснуть!

Но уснуть он не мог.

Глава 9. Утро в Венеции

Было ещё очень, очень рано, когда поезд прибыл в Венецию.

Фрэнк Браун сел в гондолу, закрыл глаза и поехал по каналам.

Поднявшись по лестнице гостиницы, он покачнулся и упал. Его подхватил коридорный.

– Вы больны, сударь!

Он привел его в комнату, помог раздеться и принес бутылку вермута. Фрэнк с жадностью выпил три больших стакана, – и повалился на кровать.

Он спал долго и крепко.

Проснувшись, Фрэнк принял холодную ванну, быстро оделся и вышел на улицу.

Он пошел прямо к площади Марка и занял столик в Cafe Quadri. – Фрэнк взглянул на собор.

Странная вещь! Сотни раз сидел он на этом месте и знал наизусть каждый камень. А сегодня ему всё казалось таким чужим.

Фрэнк опустил голову и пристально начал разглядывать каменную плиту. И неизвестно откуда ветер донёс к нему слова:

«Вот ты бежишь, и вечная смерть догоняет тебя… через моря и горы, через глубокие долины и далёкие равнины!..»

«Слова святой», – подумал он. Но всякое возбуждение пропало, и он удивлялся тяжелому покою своей души.

«Кто-то тебя позовет…» – прошептал он.

И кто-то назвал его имя.

Он не оглянулся и не удивился: так должно было быть.

– Фрэнк Браун! Фрэнк Браун!..

Он знал хорошо этот голос. Кто это был? Это не был голос святой, но и в этом чужом голосе слышались звуки её голоса.

Он обернулся к красивой женщине, протягивавшей ему руку.

– Лотта Леви? Лотта Леви? Финикиянка?

– Все ещё финикиянка? – рассмеялась она.

– Все ещё, – повторил он.

Рыжие волосы, зелёные глаза с черными полосками.

– А ваших родителей нет здесь?

Она кивнула головой.

– Они стоят там, у ювелирного магазина. Я надеюсь, что они купят мне нитку жемчуга, которая мне так понравилась.

И она опять рассмеялась.

– Только молчите, – продолжала она, – я прекрасно знаю, что вы думаете!..

– Папа Леви! – что-то маленькое, кривоногое, надутые губы, толстый нос и умные глаза. Мама Леви! Нет, она пришла бы в ужас! – госпожа коммерции советница Леви, урожденная Людмила фон Кюбек, – подчеркнуто! – Высокая, крепкая, все ещё красивая, но глуповатая. А затем – Лотта. Лотта, которую всегда можно встретить в Тиргартене. Верно?

– Да. Верно, – ответил он. – Вам следовало бы воткнуть в волосы белладонну.

Она рассмеялась.

– Или мирт и fleur d’orange. Вот уже три недели, как я помолвлена с одним немецким графом.

– Жаль!

Она близко подошла к нему и посмотрела в упор.

– Мне 25 лет. 25! Кого мне ждать? Или, быть может, выйти замуж за вас?

– Спаси Бог! – рассмеялся он. – Выходите замуж за графа, но не имейте детей… по крайней мере, от него…

Она рассердилась.

– Вы несносны! – воскликнула Лотта.

Он сел и придвинул ей стул.

– Ах, Лотта, вы сами не верите в это!

– Прекрасно. Допустим, я не верю; но вы должны пойти сегодня вечером со мной.

– Куда?

– Куда-нибудь. Я пока сама не знаю. Я поведу вас сама.

– Хорошо. Во всяком случае, если вам приятно слышать – я рад, что встретил вас.

– Вы? – она говорила почти равнодушно. – И я тоже! Я очень скучаю.

Он поцеловал её руку.

– Это ваша рука, Лотта, только ваша. Умная и жестокая.

Она громко рассмеялась.

– Не вам бы говорить! Разве есть руки более грубые и жестокие, чем ваши?

Он замолчал. Его губы горько сомкнулись. «Маска!» – подумал он. – «Только жалкая маска!»

Она внимательно взглянула на него.

– Как вы попали сюда в это время? В Берлине сезон начался, вас ждут там. Вы на целых полгода исчезли с лица земли. В какой части света вы были? Что вы там делали?

Он быстро встал. Но ему пришлось ухватиться за край стола. Его лицо побелело; взгляд его смотрел в пустоту.

– Откуда я? Из гор… Что я делал? О… я видел чрево земли.

– И праздновали шабаш сатаны? Сознайтесь, Фрэнк Браун.

Он с трудом покачал головой.

– Быть может, я написал только роман.

Она протянула ему руку.

– Вот мои родители. Сегодня в 9 часов, здесь – и не заставляйте меня ожидать вас.

– All right! – ответил он.

* * *

Была уже четверть десятого, когда он пришел на площадь св. Марка.

Лотта Леви шла ему навстречу.

– Я опоздал! – закричал он. – Но это только предосторожность, а не небрежность. Я не могу ни минуты сегодня оставаться один.

Она дала ему руку.

– Страх?

– Как хотите, – ответил он, пожимая плечами. – Быть может, страх; вчера это было нечто большее.

– А теперь?

Он взял её под руку.

– Теперь хорошо. Только говорите.

– Благодарю. Итак, я всё-таки гожусь на то, чтобы прогнать ваше дурное настроение?

Он слегка пожал её руку.

– Ах, Лотта! Не будем морочить друг друга. Конечно, это так, как вы думаете. Но разве не какое-нибудь особенное настроение заставляет и вас сегодня ночью ездить со мной по Венеции? Итак, я хочу кое о чем не думать – и милостивый Бог прислал мне сюда Лотту Леви, которая умеет, если захочет, поддержать человека, идущего рядом с нею, – это комплимент, моя умная барышня.

Они шли молча, разглядывая толпу.

Вдруг Лотта остановилась перед большой пестрой афишей, изображавшей, как графа Монте-Кристо бросали в мешке в воду.

– Кинематограф! – с радостью воскликнул он. – Пойдемте туда, Лотта? Ах, как я давно не видал кинематографа!

– Как хотите, – сказала она бесконечно равнодушным тоном. И всё-таки ему послышалось что-то деланное в этом равнодушии.

Они вошли и заняли ложу.

Они посмотрели на перелет Блерио через канал, потом гвоздь спектакля – историю графа Монте-Кристо по роману Дюма.

Фрэнк радовался и шалил, как мальчуган.

– Я не знаю изобретателя кинематографа, – шутил он, – но мне он дороже Маркони и Цеппелина, Рентгена и Коха и сотен других! Кинематограф даёт нам возможность видеть все страны: это лучший историк, не знающий заблуждений. Он делает настоящее – прошедшим, а прошедшее – будущим! Разве это не чудесно! Видели ли вы когда-нибудь обратный пробег ленты? Представьте себе, что кинематограф сопровождает вас через всю вашу жизнь. Что мы увидим? Вот бывшая баронесса Кюбек, тогда, о, ужас! – просто Людмила Леви – дарит своему Зигфриду младенца. Его принимают два врача и акушерка. Лотта растет, становится девочкой, потом подростком, потом девушкой, молодой женщиной, пожилой дамой и, наконец, старухой… потом она умирает, её похоронят – нет, сжигают, не правда ли? Ба, это было бы великолепное, преинтересное зрелище! Теперь возьмём ленту и заставим Лотту жить в обратном порядке. Пепел превращается в огне в настоящее тело, – старое, сгорбленное, но всё же человеческое тело. Мёртвая оживает, старуха становится пожилой женщиной; пожилая – молодой и т. д., до момента рождения. И опять стоят умные люди у постели Людмилы Леви. Врач передаёт только что обмытого ребенка акушерке, купавшей его; ребенок опять грязен, акушерка принимает его… И нет Лотты – словно её никогда и не было! Ах, можно ли наглядней демонстрировать, что жизнь – только большая ложь?

Лотта взглянула на Фрэнка.

– Вы – милый мальчик! – сказала она, быстро поднявшись и тряхнув головой, словно желая прогнать какую – то мысль. – Пойдемте отсюда.

Они позвали гондольера.

Они сели в гондолу и молча плыли по улицам Венеции.

Мимо них проехала крытая гондола; под черным балдахином, тесно прижавшись друг к другу, сидела парочка.

«Новобрачные! – подумал он. – Одна из тех парочек, которая тысячами из года в год приезжает сюда…»

В этот момент он почувствовал её руку. Она была влажна и холодна, но этот холод обжёг его.

– Фрэнк Браун, – сказала она, – я хочу иметь ребенка… – Её голос дрожал и глаза пылали странным зелёным пламенем.

– От тебя! – прибавила она…

* * *

Книга вторая
Альрауне
(История одного живого существа)

[4]

[4] Перевод с немецкого Михаила Кадиша (1912)

Прелюдия

Не станешь ведь ты отрицать, дорогая подруга моя, что есть существа – не люди, не звери, а странные какие-то существа, что родились из несчастных, сладострастных, причудливых мыслей?

Добро существует – ты знаешь это, дорогая подруга моя. Добро законов, добро всяких правил и строгих норм, добро великого Господа, который создал все эти нормы, эти правила и законы. И добро человека, который чтит их, идёт своим путем в смирении и терпении и верно следует велениям доброго Господа.

Другое же – князь, ненавидящий добро. Он разрушает законы и нормы. Он создает – заметь это – вопреки природе.

Он зол, он скверен. И зол человек, который поступает так же. Он – дитя Сатаны.

Скверно, очень скверно нарушать вечные законы и дерзкими руками срывать их с железных рельсов бытия.

Злой может делать это – ему помогает Сатана, могущественный властелин. Он может творить по своим собственным горделивым желаниям и воле. Может делать вещи, которые разрушают правила, переворачивают природу вверх ногами. Но пусть он остерегается: все только ложь и обман, что бы он ни творил. Он поднимается, взрастает, но, в конце концов, падает в своем падении высокомерного глупца, который его придумал.

Его превосходительство Якоб тен-Бринкен, доктор медицины, ординарный профессор и действительный тайный советник, создал эту странную девушку, создал её вопреки природе. Создал один, хотя мысль о создании её и принадлежала другому. Это существо, которое затем окрестили и назвали Альрауне, выросло и жило, как человек. До чего она ни касалась, все превращалось в золото; куда она ни смотрела, всюду возгорались дикие чувства. Но куда ни проникало её ядовитое дыхание, всюду вспыхивал грех, и из земли, на которую ступали её лёгкие ножки, вырастали бледные цветы смерти. Одного она убила. Это был тот, который придумал её. Фрэнк Браун, шедший всю жизнь возле жизни.

Не для тебя, белокурая сестрёнка моя, написал я эту книгу. Твои глаза голубые, они добрые, они не знают греха. Твои дни, точно тяжелые гроздья синих глициний, они падают на мягкий ковёр: лёгкими шагами скольжу я по мягкой скатерти, по залитым солнцем аллеям твоих безмятежных дней. Не для тебя написал я эту книгу, моё белокурое дитя, нежная сестрёнка моих тихих мечтательных дней… Я написал её для тебя, для тебя, дикая греховная сестра моих пламенных ночей. Когда падают тени, когда жестокое море поглощает золотистое солнце, тогда по волнам пробегает быстрый ядовито-зелёный луч. Это первый быстрый хохот греха над смертельной боязнью трепетного дня. Грех простирается над тихой водой, вздымается вверх, кичится яркими жёлтыми, красными и темно-фиолетовыми красками. Он дышит тяжело всю глубокую ночь, извергает свое зачумлённое дыхание далеко во все стороны света.

И ты чувствуешь, наверное, горячее дыхание его. Твои глаза расширяются, твоя юная грудь вздымается дерзко. Ноздри твои вздрагивают, горячечно-влажные руки простираются куда-то в пространство. Падают мещанские маски светлых, ясных дней, и из черной ночи зарождается злая змея. И тогда, сестра, твоя дикая душа выходит наружу, радостная всяким стыдом, полная всякого яда. И из мучений, крови, из поцелуев и сладострастия ликующе хохочет она – кричит, и крики прорезывают и небо, и ад… Сестра греха моего, – для тебя я написал эту книгу.

Глава 1. Которая рассказывает, каков был дом, в котором появилась мысль об Альрауне

Белый дом, в котором появилась Альрауне тен-Бринкен задолго до рождения и даже до зачатия своего, – дом этот был расположен на Рейне. Немного поодаль от города на большой улице вилл, которая ведёт от старинного епископского дворца, где находится сейчас университет. Там стоял этот дом, и жил в нем тогда советник юстиции Себастьян Гонтрам.

На улицу выходил большой запущенный сад, не видавший никогда садовника. По нему проходили в дом, с которого осыпалась штукатурка, искали звонок, но не находили. Звали, кричали, но никто не выходил навстречу. Наконец, толкали дверь и попадали внутрь, шли по грязной, давно немытой деревянной лестнице. А из темноты прыгали какие-то огромные кошки.

Или же – большой сад наполнялся маленькими существами. То были дети Гонтрама: Фрида, Филипп, Паульхен, Эмильхен, Иозефхен и Вельфхен. Они были повсюду, сидели на сучьях деревьев, заползали в глубокие ямы. Кроме них собаки, два дерзких шпица и фокс. И ещё крохотный пинчер – адвоката Ланассе, маленький, похожий на квитовую колбасу, круглый как шарик, не больше руки. Звали его Циклопом.

Все шумели, кричали. Вельфхен, едва год от роду, лежал в детской коляске и ревел, громко, упрямо, целыми часами. И только Циклоп мог осилить его, – он выл хрипло, не переставая, не двигаясь с места.

Дети Гонтрама бегали по саду до позднего вечера. Фрида, старшая, должна была наблюдать за другими: смотреть, чтобы братья не шалили. Но она думала: они очень послушны. И сидела поодаль в развалившейся беседке со своей подругой, маленькой княжной Волконской. Обе болтали, спорили, говорили о том, что им скоро исполнится четырнадцать лет, и они могут уже выйти замуж. Или, по крайней мере, найти себе любовников. Но обе были очень благочестивы и решали немного ещё подождать – хоть две недели, до конфирмации. Им дадут тогда длинные платья. Они будут взрослые. Тогда уже можно найти и любовников. Решение казалось им очень добродетельным. И они думали, что можно пойти сейчас в церковь. Нужно быть серьезными я разумными в эти последние дни.

– Там, наверное, сейчас Шмиц! – сказала Фрида Гонтрам. Но маленькая княжна сморщила носик:

– Ах, этот Шмиц! – Фрида взяла её под руку.

– И баварцы в синих шапочках! – Ольга Волконская рассмеялась.

– Баварцы? Знаешь, Фрида, настоящие студенты вообще не ходят в церковь.

И, правда: настоящие студенты не делают этого. Фрида вздохнула. Она быстро подвинулась в сторону коляски с кричащим Вельфхеном и оттолкнула Циклопа, который хотел укусить её за ногу.

– Нет, нет, княжна: в церковь идти не стоит!

– Останемся здесь, – решила она.

И девушки вернулись в беседку.

У всех детей Гонтрама была бесконечная жажда жизни. Они не знали, – но чувствовали, чувствовали в крови своей, что должны умереть молодыми, свежими, в самом расцвете сил, что им дана только ничтожная часть того времени, которое отмерено другим людям. И они старались воспользоваться этим временем, шумели, кричали, ели и упивались досыта жизнью. Вельфхен кричал в своей коляске, кричал за троих. А братья его бегали по саду, делая вид, точно их четыре десятка, а не четверо. Грязные, оборванные, всегда расцарапанные, с порезанными пальцами, с разбитыми коленями. Когда солнце заходило, дети Гонтрама замолкали. Возвращались в дом, шли в кухню. Проглатывали кучу бутербродов с ветчиною и колбасою

и пили воду, которую высокая служанка слегка подкрашивала красным вином. Потом она их мыла. Раздевала, сажала в корыто, брала черное мыло и жёсткие щетки. Чистила их, точно пару сапог. Но дочиста они никогда не отмывались. Они только кричали и возились в деревянных корытах.

Потом, смертельно усталые, ложились в постель, падали, будто мешки с картофелем, и лежали неподвижно. Вечно забывали они прикрыться. Это приходилось делать служанке.

Почти всегда в это время приходил адвокат Манассе. Подымался по лестнице, стучал палкою в дверь; не получая никакого ответа, он наконец переступал порог.

Навстречу ему выходила фрау Гонтрам. Она была высокого роста, почти вдвое выше Манассе. Тот был почти карлик, круглый как шар, и походил на свою безобразную собаку Циклопа. Повсюду: на щеках, подбородке и губах – росли какие-то жёсткие волосы, а посреди нос, маленький, круглый, словно редиска. Когда он говорил, он тявкал, как будто хотел поймать что-то ртом.

– Добрый вечер, фрау Гонтрам, – говорил он. – Что, коллеги нет ещё дома?

– Добрый вечер, господин адвокат, – отвечала высокая женщина. – Располагайтесь поудобнее. Маленький Манассе кричал:

– Дома ли коллега? И велите принести сюда ребенка!

– Что? – переспрашивала фрау Гонтрам и вынимала из ушей вату. – Ах, так! – продолжала она. – Вельфхен! Если бы вы клали в уши вату, вы тоже ничего бы не слышали.

– Билла! Билла! Или Фрида! Что вы, оглохли? Принесите-ка сюда Вельфхена!

Она была ещё в капоте цвета спелого абрикоса. Длинные каштановые волосы, небрежно зачёсанные, растрепанные. Черные глаза казались огромными, широко-широко раскрытыми. В них сверкал какой-то странный жуткий огонёк. Но высокий лоб подымался над впавшим узким носом, и бледные щеки туго натягивались на скулы. На них горели большие красные пятна.

– Нет ли у вас хорошей сигары, господин адвокат? – спросила она.

Он вынул портсигар, со злостью, почти с негодованием.

– А сколько вы уже выкурили сегодня, фрау Гонтрам?

– Штук двадцать, – засмеялась она, – но вы же знаете, дрянных, по четыре пфеннига за штуку. Хорошую выкурить приятно. Дайте-ка вот эту толстую.

Она взяла тяжелую, почти черную «мексико».

Манассе вздохнул:

– Ну, что тут поделаешь? Долго будет так ещё продолжаться?

– Ах, – ответила она. – Только не волнуйтесь, не волнуйтесь. Долго ли? Третьего дня господин санитарный советник сказал: ещё месяцев шесть. Но знаете, то же самое он говорил и два года назад. Я все думаю: дело не к спеху – скоротечная чахотка плетется кое-как, шагом!

– Если бы вы только не так много курили, – тявкнул маленький адвокат.

Она удивленно взглянула на него и подняла синеватые тонкие губы над блестящими белыми зубами.

– Что? Что, Манассе? Не курить? Что же мне ещё делать? Рожать – каждый год – вести хозяйство – да ещё скоротечная – и не курить даже?

Она пустила густой дым прямо ему в лицо. Он закашлялся. Он посмотрел на неё полуядовито-полуласково и удивленно. Этот маленький Манассе был нахален, как никто, он никогда не лез за словом" в карман, всегда находил резкий удачный ответ. Он тявкал, лаял, визжал, не считался ни с чем и не боялся ничего. Но здесь, перед этой измождённой женщиной, тело которой напоминало скелет, и голова улыбалась, точно череп, которая уже несколько лет стояла одною ногою в гробу, – перед нею он испытывал страх. Только неукротимая власть локонов, которые все ещё росли, становились крепче и гуще, словно почву под ними удобряла сама смерть, ровные блестящие зубы, крепко сжимавшие черный окурок толстой сигары, глаза,

огромные, без всякой надежды, бессердечные, почти не сознающие даже своего сверкающего жара, – заставляли его замолкать и делали его ещё меньше, чем он был, меньше даже, чем его собака.

Он был очень образован, этот адвокат Манассе. Они называли его ходячей энциклопедией, и не было ничего, чего бы он не знал. Сейчас он думал: она говорит, что смерть её не пугает. Пока она жива, той нет, а когда та придет, её уже не будет.

А он, Манассе, видел прекрасно, что хотя она ещё и жива, смерть уже здесь. Она давно уже здесь, она повсюду в доме. Она играет в жмурки и с этой женщиной, которая носит её клеймо, она заставляет кричать и бегать по саду её обречённых детей. Правда, она не торопится. Идёт медленным шагом. В этом она права. Но только так – из каприза. Только так – потому что ей доставляет удовольствие играть с этой женщиной и с её детьми, как кошке с золотыми рыбками в аквариуме.

«Ох, ещё далеко! – говорит фрау Гонтрам, которая лежит целые дни на кушетке, курит большие черные сигары, читает бесконечные романы и закладывает уши ватою, чтобы не слышать крика детей. Ох, да правда ли далеко? «Далеко?» – осклабилась смерть и захохотала пред адвокатом из этой страшной маски – и пустила ему прямо в лицо густой дым.

Маленький Манассе видел её, видел отчётливо, ясно. Смотрел на неё и думал долго, какая же это, в сущности, смерть. Та, что изобразил Дюрер? Или Бёклин? Или же дикая смерть-арлекин Боша или Брейгеля? Или же безумная, безответная смерть Хогарта, Гойи, Роландсона, Ропса или Калло?

Нет, ни та, ни другая, ни третья. То, что было перед ним, – с этою смертью можно поладить. Она буржуазно-добра и к тому же романтична. С нею можно поговорить, она любит шутки, курит сигары, пьет вино и может хохотать.

«Хорошо, что она ещё курит! – подумал Манассе. – Очень хорошо: по крайней мере, не чувствуешь её запаха…»

Показался советник юстиции Гонтрам.

– Добрый вечер, коллега! – сказал он. – Вы уже здесь? Как хорошо.

Он начал рассказывать какую-то длинную историю – подробно обо всем, что произошло сегодня в его бюро и на суде.

Все только странные удивительные истории. Что у других юристов случается, быть может, раз в жизни, у Гонтрама происходило чуть ли не каждый день. Редкие и странные случаи, иногда весёлые и довольно смешные, иногда же кровавые и в высшей степени трагические.

Одно только – в них не было ни единого слова правды. Советник юстиции испытывал почти такой же непобедимый страх перед правдою, как перед купанием и даже как пред простым тазом с водою. Едва он открывал рот, как начинал врать, а во сне ему снилась новая ложь. Все знали, что он врёт, но слушали очень охотно, потому что враньё его добродушно и весело, и если ничего подобного с ним не случалось, то надо отдать справедливость, рассказчик он хороший.

Ему было лет за сорок: седая короткая борода и редкие волосы. На длинном черном шнурке золотое пенсне, которое всегда криво сидело на носу; через него глядели голубые близорукие глаза. Он был неряшлив, грязен, немыт, всегда с чернильными пятнами на пальцах.

Он был плохим юристом и принципиально восставал против любой работы. Её он поручал своим референдариям, – но они ничего не делали. Только поэтому они и поступали к нему и целыми неделями даже не показывались в бюро. Он поручал работу заведующему бюро и писцам, которые тоже большею частью спали, а когда просыпались, чаще писали одно только слово «оспариваю» и ставили под ним штемпель советника юстиции.

Тем не менее, у него была очень хорошая практика, гораздо лучше, чем у знающего, остроумного и делового Манассе. Он был близок к народу и умел говорить с людьми. Его любили судьи и прокуроры, он никогда не доставлял им никаких трудностей и предоставлял идти делу

своим чередом. На суде и перед присяжными он был истинным золотом, – это все знали прекрасно. Один прокурор заявил даже как-то: «Я прошу дать обвиняемому снисхождение. Его защищает господин советник юстиции Гонтрам».

Снисхождения для клиентов он добивался всегда. Манассе же это удавалось очень редко, несмотря на познания и умные, тонкие речи.

Кроме того, ещё одно обстоятельство. У Гонтрама было в прошлом несколько крупных, заметных процессов, которые прогремели по всей стране. Он вёл их много лет, провел через инстанции и, в конце концов, выиграл. В нем пробудилась тогда какая-то странная, долгое время дремавшая энергия. Его вдруг заинтересовала эта замысловатая история, этот шесть раз проигранный, почти безнадёжный процесс, переходивший из одного суда в другой, – процесс, где приходилось разбирать целый ряд запутанных международных вопросов, о которых – кстати сказать – он не имел ни малейшего представления. Несмотря на очевидные улики, на четыре разбирательства, ему удалось добиться оправдания братьев Кошен из Ленепа, трижды приговоренных к смертной казни. А в крупном миллионном споре свинцовых рудников Нейтраль-Моренз, в котором не могли разобраться юристы трех государств – а Гонтрам, разумеется, меньше всех, – он всё-таки одержал, в конце концов, блистательную победу. Теперь уже года три он вёл крупный бракоразводный процесс княгини Волконской.

И замечательно: этот человек никогда не говорил о том, что он действительно сделал. Каждому, с кем он встречался, он врал про свои бесконечные юридические подвиги – но ни словом не упоминал о том, что ему действительно удалось. Таков уже он был: он ненавидел всякую правду.

Фрау Гонтрам сказала:

– Сейчас подадут ужинать. Я велела приготовить для вас немного крюшона и свежего вальдмейстерского. Не пойти ли не переодеться?

– Не надо, – решил советник юстиции. – Манассе не будет ничего иметь против! – Он перебил себя: – Господи, как кричат дети! Пойди, успокой их немного!

Тяжелыми медленными шагами фрау Гонтрам пошла исполнять его просьбу. Отворила дверь в переднюю комнату: там служанка качала люльку. Она взяла Вельфхена на руки, принесла в комнату и посадила на высокий детский стульчик.

– Ничего удивительного, что он так кричит! – спокойно сказала она. – Он весь мокрый. – Но не подумала даже о том, чтобы его переложить. – Тише, чертенок, – продолжала она, – не видишь разве, у нас гости!

Но Вельфхен нисколько не считался с гостем. Манассе встал, похлопал его по плечу, потрепал по толстой щечке и подал ему большую куклу. Но ребенок бросил игрушку и продолжал орать благим матом. Под столом аккомпанировал ему диким воем Циклоп.

Мать не выдержала:

– Подожди, чертенок. Я знаю, чем тебя успокоить. – Вынула изо рта черный, изжёванный окурок сигары и сунула в губы ребенка. – Ну, вкусно? А?

Ребенок мгновенно замолк, сосал окурок и радостно смотрел большими смеющимися глазёнками.

– Вот видите, господин адвокат, как нужно обходиться! – сказала фрау Гонтрам. Она говорила самоуверенно и вполне серьезно. – Вы, мужчины, не умеете обращаться с детьми.

Вошла служанка, доложила, что стол накрыт. Потом, когда господа отправились в столовую, она подошла к ребенку.

– Фу, гадость! – закричала она и вырвала у него изо рта окурок. Вельфхен тотчас же опять заорал. Она взяла его на руки, стала качать, запела грустные песни своей валлонской родины. Но ей так же не повезло, как и Манассе: ребенок не переставал кричать. Тогда она снова подняла окурок, плюнула на него, обтёрла его грязным кухонным передником, стараясь погасить все ещё тлевший огонь. И сунула, наконец, в красные губки Вельфхена.

Потом взяла ребенка, раздела, вымыла, надела на него чистое бельё и уложила в постель. Вельфхен успокоился, дал себя вымыть. И заснул с довольным видом, все ещё держа грязный черный окурок в губах.

О, как была права фрау Гонтрам. Она умела обходиться с детьми, по крайней мере-со своими.

А в столовой ужинали, и советник юстиции начал свои бесконечные повести. Выпили сначала лёгкого красного вина. И только на десерт фрау Гонтрам подала крюшон. Её муж состроил недовольную физиономию.

– Влей хоть немного шампанского, – сказал он. Она только покачала головою:

– Шампанского больше нет, всего одна бутылка. Он удивленно посмотрел на неё через пенсне.

– Ну, знаешь ли, и хозяйка же ты! Нет шампанского, а ты не говоришь мне ни слова! Скажите пожалуйста! В доме ни капли шампанского! Вели хоть подать Роттегу. Хотя и жалко его для крюшона!

Он продолжал качать головою. «Ни капли шампанского! Скажите на милость! – повторял он. – Нужно сейчас же раздобыть.

Жена, принеси-ка перо и бумагу. Я напишу княгине».

Но когда бумага была перед ним, он её отодвинул от себя.

– Ах, – вздохнул он, – я столько сегодня работал. Напиши-ка, жена, я продиктую.

Фрау Гонтрам не двинулась с места. Писать? Только этого не доставало!

– И не подумаю даже, – сказала она. Советник юстиции посмотрел на Манассе:

– Коллега, не могли бы вы мне оказать небольшую услугу? Я так страшно устал.

Маленький адвокат негодующе поднял глаза. «Страшно устал? – захохотал он. – От чего же? От бесконечных рассказов? Хотелось бы знать, откуда у вас всегда чернила на пальцах! Ведь не от писания, конечно!»

Фрау Гонтрам рассмеялась: «Ах, Манассе, это ещё с Рождества, – он подписывал тогда балльники детям! Впрочем, что вы спорите? Пусть Фрида напишет».

Она подошла к окну и крикнула Фриду. Пришла Фрида вместе с Ольгой Волконской.

– Как мило, что ты тоже здесь! – поздоровался с нею советник юстиции. – Вы уже ужинали? – Да, девушки ужинали внизу на кухне.

– Садись-ка, Фрида, – сказал отец, – вот сюда. – Фрида повиновалась. – Вот так! Ну а теперь возьми перо и пиши, что я тебе продиктую.

Но Фрида была истинное дитя Гонтрама, она ненавидела писание. И тотчас же вскочила с места.

– Нет, нет! – закричала она. – Пусть Ольга напишет, она умеет лучше меня.

Княжна стояла возле дивана. Она тоже не хочет. Но у подруги было средство заставить её.

Это помогло. Послезавтра был день исповеди, и список грехов княжны ещё далеко не полон. Грешить перед конфирмацией нельзя, но каяться всё-таки необходимо. Нужно обдумывать, вспоминать и искать, не найдётся ли хоть какой-нибудь грех. Этого княжна совсем не умела. Зато Фрида была очень искусна. Её список грехов представлял предмет зависти всего класса, особенно легко выдумывала она греховные мысли, сразу целыми дюжинами. Это было у неё от отца: она могла выложить сразу целый ворох грехов. Но зато если действительно грешила, то уже пастор никогда не узнал бы об этом.

– Пиши, Ольга, – шепнула она, – я одолжу тебе восемь хороших грехов.

– Десять, – потребовала княжна.

Фрида Гонтрам утвердительно кивнула головою: ей было безразлично, она согласилась бы и на двадцать, только чтобы не писать.

Ольга Волконская села к столу, взяла перо, вопросительно посмотрела на Гонтрама.

– Ну, так пиши! – сказал тот. – Многоуважаемая княгиня…

Но княжна не писала:

– Если это маме, так ведь я могу написать: милая мама!

– Пиши что хочешь, только пиши.

И она начала: «Милая мама!»

И дальше под диктовку советника юстиции:

«К великому сожалению, должен известить, что ваше дело подвигается медленно. Мне приходится много раздумывать, а думать очень трудно, когда нечего пить. У нас в доме нет больше ни капли шампанского. Будьте добры поэтому, в интересах вашего процесса, прислать нам корзину шампанского для крюшона, корзину Роттегу и шесть бутылок…»

Сен-Морсо! – воскликнул маленький адвокат.

«Сен-Морсо, – продолжал советник юстиции. – Это любимая марка коллеги Манассе, которая помогает мне иногда в вашем деле.

С наилучшими пожеланиями, ваш…»

Ну, вот видите, коллега, – заметил он, – как вы ко мне несправедливы! Мне не только приходится диктовать, но я ещё должен собственноручно подписывать!

И он подписал письмо.

Фрида отошла к окну.

Вы готовы? Да? Ну, так я вам скажу, не нужно никакого письма. Только что подъехала Ольгина мама и идёт сейчас по дорожке сада. Она давно заметила княгиню, но молчала и не прерывала письма. Если уже она даст хороших грехов, то пускай хоть другие поработают. Таковы были все Гонтрамы – и отец, и мать, и дети: они очень не любили работать, но охотно смотрели, как работают другие.

Вошла княгиня, толстая, рыхлая, с огромными бриллиантами на пальцах, в ушах и в волосах. Она была какой-то венгерской графинею или баронессою и где-то на востоке познакомилась с князем. Что они поженились, несомненно. Но, несомненно и то, что с первого же дня оба стали мошенничать. Ей хотелось настоять на законности брака, который по каким-то причинам с самого начала был невозможен, а князь, считавший его вполне возможным, старался изо всех сил воспользоваться пустыми формальностями и сделать его незаконным. Сеть лжи и наглого шантажа – прекрасное поле действий для Себастьяна Гонтрама. В этом процессе все было шатко, ничего определённого, малейшее упущение тотчас использовалось противною стороною, – всякая законность сейчас же опровергалась законами другой страны. Несомненно одно: маленькая княжна – князь и княгиня признавали себя отцом и матерью, и каждый требовал Ольгу себе – этот плод странного брака, которому должны были достаться миллионы. В данное время на стороне матери шансов оказывалось больше.

– Садитесь, княгиня! – советник юстиции скорее откусил бы себе язык, чем сказал этой женщине – Ваше Сиятельство. Она была его клиенткою, и он не обращался с нею ни на йоту почтительнее, чем с простою мужичкою. – Снимите шляпу! – Он ей даже не помог!

– Мы только что написали вам письмо, – продолжил он. И подал послание.

– Ах, пожалуйста! – воскликнула княгиня Волконская. – Конечно, конечно! Завтра же утром все будет доставлено! – Она открыла сумочку и вынула большое толстое письмо. – Я, собственно, к вам по делу. Вот письмо от графа Ормозо, – знаете…

Гонтрам наморщил лоб: только этого недоставало! Сам император не мог бы заставить его работать, когда он сидел вечером дома. Он встал, взял письмо.

– Хорошо, – сказал он, – хорошо, мы рассмотрим его завтра в бюро.

Она воспротивилась:

– Но ведь оно спешное, важное…

Советник юстиции перебил:

– Спешное? Важное? Скажите на милость, откуда вы знаете, что оно спешное и важное? Вы понятия не имеете! Только в бюро мы можем выяснить это. – И затем тоном снисходитель-

ного упрека: – Княгиня, ведь вы интеллигентная женщина! Получили кое-какое воспитание! Вы должны бы знать, что людей не обременяют делами вечером, когда они дома.

Она продолжала настаивать:

– Ведь в бюро я вас не застану. На этой неделе уже четыре раза была там…

Он рассердился:

– Так приходите на будущей неделе! Неужели вы думаете, что у меня одно ваше дело? Вы думаете, мне ни о чем другом и поразмышлять не нужно? Сколько времени отнимает у меня этот разбойник Гутен! А там ведь дело о человеческой жизни, а не о каких-то миллионах!

Он начал рассказывать бесконечную историю про замечательного атамана разбойничьей шайки, который, между прочим, был плодом его фантазии, и о юридических подвигах, совершенных им в защиту несравненного убийцы, который убивал женщин лишь из сладострастия.

Княгиня вздохнула, но всё-таки слушала, по временам смеялась, всегда там, где не нужно. Она была единственной из его многочисленных слушателей, которую не удивляла его ложь, – но зато она была и единственной, не понимавшей его острот.

– Маленький рассказ для девочек! – протявкал адвокат Манассе. Обе девочки жадно слушали рассказ и смотрели на Гонтрама, широко раскрыв глаза и рты.

Но тот не унимался:

– Ах, что там! Им нужно знакомиться с жизнью.

Он говорил таким тоном, точно убийца женщин был самое обыденное явление и такие преступники попадаются на каждом шагу.

Наконец он кончил и посмотрел на часы.

– Уже десять! Вам пора спать! Выпейте-ка по стакану крюшона.

Девочки выпили, но княжна заявила, что ни в коем случае не вернётся домой. Она боится, она не сумеет спать одна. Не ляжет она и со своей мисс… Быть может, и та переодетый убийца. Одна останется у подруги. У матери она даже не спросила позволения. Спросила только у Фриды и у фрау Гонтрам.

– Пожалуйста! – сказала фрау Гонтрам. – Но не проспите, ведь вам надо рано вставать, чтобы поспеть в церковь!

Девочки сделали книксен и вышли из комнаты. Под руку, тесно обнявшись.

– Ты тоже боишься? – спросила княжна.

Фрида ответила: «Папа врал!» Тем не менее, она все же боялась. Боялась – и испытывала в то же время какое-то странное желание думать об этих вещах. Не переживать их – о нет, конечно, нет! Но думать о них и так же рассказывать. «Ах, вот был бы грех для исповеди!» – вздохнула она.

В столовой выпили крюшон. Фрау Гонтрам выкурила последнюю сигару. Манассе встал и вышел в соседнюю комнату. А советник юстиции принялся рассказывать княгине новые истории. Она зевала, прикрывшись веером, но по временам старалась вставить словечко.

– Ах, да, – сказала она, наконец, – чуть не забыла! Разрешите покатать завтра вашу жену в коляске? Хоть немного, в Роландзек!

– Конечно, – ответил он, – конечно, если только ей хочется.

Но фрау Гонтрам заметила: «Я не могу поехать».

– Почему же? – спросила княгиня. – Вам очень полезно подышать свежим воздухом.

Фрау Гонтрам медленно вынула сигару изо рта: «Я не могу поехать, у меня нет приличного платья…»

Княгиня засмеялась, точно сказано было в шутку. Она завтра же утром пришлет модистку с последними весенними моделями.

– Хорошо, – сказала фрау Гонтрам. – Но пришлите тогда Беккер, – у неё самые лучшие. – Она медленно поднялась со стула и пристально посмотрела на свой потухший окурок. – А теперь я пойду спать, спокойной ночи!

– Да, да, уже поздно, я тоже пойду! – поспешно заговорила княгиня. Советник юстиции проводил её через сад до улицы, помог сесть в экипаж и тщательно запер калитку.

Когда он вернулся, его жена стояла на крыльце с зажжённой свечкой в руках.

– Спать лечь нельзя, – спокойно заявила она.

– Что? – спросил он. – Почему это нельзя? Она повторила: «Нельзя. У нас в спальне улегся Манассе». Они поднялись по лестнице во второй этаж и вошли в спальню. На огромной двуспальной постели мирно и крепко почивал маленький адвокат. На стуле было аккуратно сложено его платье, тут же стояли ботинки. Он достал из комода чистую ночную сорочку и надел её. Возле него свернулся клубочком Циклоп.

Советник юстиции Гонтрам подошел к нему со свечой.

– И этот человек ещё упрекает меня в лени! – сказал он, недоуменно покачав головою, – А сам до того ленив, что не может дойти до дому.

– Шшш! Шшш! Ты разбудишь и его, и собаку. Они достали из комода постельное и ночное бельё, и сошли вниз. Тихонько, стараясь не шуметь, фрау Гонтрам постелила на диване.

Они заснули.

В Большом доме все спало. Внизу, возле кухни, Билла, толстая кухарка, с нею три собаки; в соседней комнате четыре буяна: Филипп, Паульхен, Эмильхен, Иозефхен. Наверху две подруги в большой комнате Фриды; рядом с ними Вельфхен со своим черным окурком; в гостиной Себастьян Гонтрам и супруга его. Во втором этаже храпели взапуски Манассе с Циклопом, а совсем наверху, в мансарде, спала Сефхен, горничная, которая вернулась только что с бала и тихонько прокралась по лестнице. Все они спали крепчайшим сном. Двенадцать человек и четыре собаки.

Но нечто не спало. Медленно кралось вокруг большого дома.

Вблизи, мимо сада, струился Рейн. Вздымал свою закованную в каменную броню грудь, смотрел на спящие виллы и пробивал себе медленно путь к Старой Таможне. В кустах шевелились кот и кошка, пыжились, кусались, царапались, бросались друг на друга, широко раскрыв горящие как уголь глаза. И обнимались – сладострастно, в самозабвении, в томительной мучительной страсти.

А издали, из города, доносились пьяные песни буйных студентов.

Что-то кралось вокруг большого дома на Рейне. Кралось по саду мимо сломанных скамеек и хромых стульев. Смотрело благосклонно на шабаш сладострастных кошек.

Кралось вокруг дома. Царапало твердыми когтями стену, – и кусок её с шумом падал на землю. Царапалось и у двери, которая тихо дрожала. Еле слышно, точно от ветерка.

Потом зашло в дом. Поднялось по лестнице, осторожно прокралось по комнатам. Остановилось, оглянулось вокруг, беззвучно рассмеялось.

В огромном буфете из красного дерева стояло тяжелое серебро. Богатое, дорогое, ещё времён Империи. Но стекла окон были разбиты и трещины заклеены бумагою. На стенах висели картины голландских мастеров, но в них были дыры, и старое золото рам покрылось паутиной. В зале висела роскошная люстра-из дворца архиепископа, – но её разбитые хрустальные подвески засижены мухами.

Что-то кралось через весь тихий дом. И куда ни пробиралось, всюду что-нибудь ломалось и разбивалось. Правда, пустяк, почти незаметный, ненужный. Но всё-таки оставались следы.

Куда ни кралось оно, всюду среди ночной тишины раздавался еле слышный шум. Слегка трещал пол, выскакивали гвозди, сгибалась старая мебель. Скрипели оконные стекла, дребезжали стаканы.

Все спало в большом доме на Рейне. Но что-то медленно скользило вокруг.

Глава 2. Которая рассказывает, как зародилась мысль об Альрауне.

Солнце взошло уже, и свечи зажглись в люстре, когда в залу вошёл тайный советник тен-Бринкен. У него был торжественный вид: во фраке с большой звездой на белой сорочке и золотой цепочкой в петлице, на которой болталось двадцать небольших орденов. Советник юстиции поднялся, поздоровался с ним, представил его, и старый господин пошел вокруг стола, со стереотипной улыбкой говоря каждому какую-нибудь приятную любезность. Возле виновниц торжества он остановился и подал им красивый кожаный футляр с золотыми кольцами – с сапфиром для белокурой Фриды и с рубином для брюнетки Ольги. Сказал обеим мудрое напутствие.

– Не хотите ли нагнать нас, господин тайный советник? – спросил Себастьян Гонтрам. – Мы сидим здесь с четырех часов – семнадцать блюд! Недурно, не правда ли? Вот меню – пожалуйста, выбирайте, что вам по вкусу!

Но тайный советник поблагодарил, – он уже пообедал. В залу вошла фрау Гонтрам. В голубом, немного старомодном платье с длинным шлейфом, с высокой прической.

– Мороженое не получилось, – воскликнула она. – Билла поставила его в печку!

Гости рассмеялись: этого нужно было ожидать. Иначе им было бы не по себе в доме Гонтрама. А адвокат Манассе закричал, чтобы блюдо подали: ведь не каждый день увидишь мороженое прямо из печки!

Тайный советник тен-Бринкен был невысокого роста, гладко выбритый, с большими мешками под глазами, довольно-таки некрасивый: толстые губы, большой мясистый нос. Левый глаз почти всегда закрыт, но правый зато широко раскрывался.

Позади кто-то сказал: «Здравствуй, дядюшка Якоб!»

Это был Фрэнк Браун.

Тайный советник обернулся: нельзя сказать, чтобы он был очень рад встретиться здесь с племянником.

– Как ты сюда попал? – спросил он. – Хотя, в сущности, иначе и быть не могло! Студент рассмеялся.

– Конечно! Ты сразу, дядюшка, понял. Впрочем, ты ведь тоже здесь, и к тому же официально, в качестве действительного тайного советника и профессора, при всех орденах и знаках отличия. Я же инкогнито-даже ленточка корпорации у меня в жилетном кармане.

– Доказывает только твою нечистую совесть, – заметил дядюшка. – Когда ты…

– Да, да, – перебил Фрэнк Браун. – Уже знаю: когда я буду в твоем возрасте, тогда я сумею и так далее… ведь ты это хотел, наверное, сказать? Но, слава Богу, мне нет ещё двадцати. Я как нельзя больше этим доволен.

Тайный советник сел.

– И ты очень доволен? Конечно, конечно! Четвертый семестр, а ты только и делаешь, что фехтуешь, ездишь верхом, выкидываешь всякие глупости! Разве за этим мать послала тебя в университет? Скажи, милый мой, был ты вообще хоть раз на лекции?

Студент налил два бокала.

– Дядюшка, выпей-ка, ты не так будешь сердиться! Ну-с, на лекции я уже был, не на одной. Но впредь решил больше никогда не ходить. Твое здоровье!

– Твое! – ответил тайный советник. – И ты думаешь, этого совершенно достаточно?

– Достаточно? – засмеялся Фрэнк Браун. – Я думаю, даже чересчур много. Совсем излишне! Что мне делать на лекциях? Возможно, другие студенты могут кое-чему научиться у вас, профессоров, но их мозг, должно быть, приспособлен к этому методу. У меня же мозг устроен совсем иначе. Мне вы все кажетесь невероятно скучными, глупыми, пошлыми.

Профессор удивленно посмотрел на него. «Вы страшно нахален, мой милый юноша», – спокойно заметил он.

– Неужели? – студент откинулся и закинул ногу на ногу. – Неужели? Не думаю, но если и так, то не так уже плохо. Видишь ли, дядюшка, я прекрасно сознаю, зачем говорю это. Во-первых, для того, чтобы тебя немного позлить, – у тебя очень смешной вид, когда ты сердишься. А во-вторых, чтобы потом услышать от тебя, что я всё-таки прав. Ты, дядюшка, например, несомненно, очень хитрая, старая лисица, ты очень умен и рассудителен, у тебя большие познания. Но на лекциях ты так же невыносим, как и твои достопочтенные коллеги. Ну, скажи сам, интересно было бы тебе слушать их лекции?

– Нет, разумеется, нет, – ответил профессор. – Но ведь я другое дело. Когда ты – ну, ты уже знаешь, что я хочу сказать. Но ответь, мой милый, что тебя, в сущности, привело сюда? Ты согласишься, конечно, со мною, это не то общество, в котором охотно видела бы тебя твоя мать. Что же касается меня…

– Хорошо, хорошо! – ответил Фрэнк Браун. – Что касается тебя, я все уже знаю. Ты сдал этот дом в аренду Гонтраму, а так как он, наверное, не такой уж пунктуальный плательщик, то полезно навещать его время от времени. А его чахоточная супруга интересует, конечно, тебя как врача. Ведь все городские врачи в недоумении от этого феномена без лёгких. Потом тут есть ещё княгиня, которой тебе хочется продать свою виллу в Мелеме, и. наконец, дядюшка, тут есть ещё два подростка, свеженьких, хорошеньких, правда ли? О, у тебя, конечно, нет никаких задних мыслей, я знаю, дядюшка, знаю прекрасно!

Он замолчал, закурил папиросу и выпустил дым. Тайный советник взглянул на него правым глазом, пытливо и ядовито.

– Что ты этим хочешь сказать? – спросил он тихо. Студент засмеялся: «Ничего, ровно ничего! – Он встал, взял со стола ящик с сигарами, открыл и подал тайному советнику. – Кури, дорогой дядюшка, «Ромео и Джульетта», твоя любимая марка! Советник юстиции, наверное, только для тебя и купил их».

– Мерси, – пробурчал профессор, – мерси! Но всё-таки: что ты хотел этим сказать?

Фрэнк Браун подвинул свой стул ближе.

– Могу ответить, дорогой дядюшка. Я не терплю твоих упреков, понимаешь? Я сам прекрасно знаю, что жизнь, которую веду, довольно пуста, но ты меня оставь в покое, – тебя это ничуть не касается. Ведь я не прошу тебя платить мои долги. Я требую только, чтобы ты не писал домой таких писем. Пиши, что я очень добродетелен, очень морален, что я много работаю, делаю большие успехи. И так далее. Понимаешь?

– Но придется ведь лгать, – заметил тайный советник. Он хотел сказать это любезно, полушутливо, но вышло как-то грубо.

Студент посмотрел ему прямо в лицо.

– Да, дядюшка, ты должен именно лгать. Не из-за меня, ты знаешь прекрасно. А из-за матери. – Он замолчал на мгновение и выпил вина. – И за то, что ты будешь лгать моей матери и немного поддержишь меня, я согласен ответить, что я хотел сказать своею фразою.

– Мне очень хотелось бы, – заметил тайный советник.

– Ты знаешь мою жизнь, – продолжал студент, и голос его зазвучал вдруг серьезно, – знаешь, что я – и теперь ещё – глупый мальчишка. И потому, что ты старый и заслуженный ученый, богатый, повсюду известный, украшенный орденами и» титулами, только потому, что ты мой дядя и единственный брат моей матери, – ты думаешь, что имеешь право воспитывать, меня? Но есть у тебя право или нет, ты этого делать не будешь. Ни ты, никто – одна только жизнь.

Профессор хлопнул себя по колену и рассмеялся.

– Да, да, жизнь! Подожди, мой милый, она тебя воспитает.

У неё достаточно острых углов и краёв. Много незыблемых правил, законов, застав и преград!

Фрэнк Браун ответил:

– Они не для меня. Не для меня, так же как и не для тебя. Ведь ты же, дядюшка, обровнял все эти углы, пробил преграды, насмеялся над законами, – что же, и я так могу сделать.

– Послушай-ка, дядюшка, – продолжал он. – Я тоже хорошо знаю твою жизнь. Весь город, даже воробьи щебечут о ней с крыш. А люди шепчутся только и рассказывают потихоньку, потому что боятся тебя, твоего ума и твоей, да, твоей, власти и твоей энергии. Я знаю, отчего умерла маленькая Анна Паулерт. Знаю, почему твой красивый садовник должен был так быстро уехать в Америку. Знаю и ещё кое-какие истории. Ах, нет, я не смакую их. И не возмущаюсь ничем. Я, быть может, даже немного восторгаюсь тобою, только потому, что ты, как маленький король, можешь безнаказанно делать подобные вещи. Я только толком не понимаю, почему ты имеешь такой невероятный успех у всех этих детей – ты, ты с твоей уродливой рожей. Тайный советник играл цепочкой от часов. Потом посмотрел на племянника, спокойный, почти польщенный и сказал: «Правда, ты этого не понимаешь?» Студент ответил: «Нет, не понимаю. Но зато прекрасно знаю, как ты до этого дошёл! Ты давно имеешь все, что хочешь, все, что может иметь человек в нормальных границах буржуазности, и тебе хочется пробить их. Ручью тесно в старом русле, он выходит дерзко наружу и разливается по берегам. Но вода его – кровь».

Профессор взял бокал и протянул его Фрэнку Брауну: «Налей-ка, мой милый, – сказал он. Его голос немного дрожал и звучал какою-то торжественностью. – Ты прав. Это кровь, твоя и моя кровь».

Он выпил и протянул юноше руку.

– Ты напишешь матери так, как мне бы хотелось? – спросил Фрэнк Браун.

– Хорошо, – ответил старик. Студент добавил: «Благодарю, дядюшка. – Потом пожал протянутую руку. – А теперь, старый Дон-Жуан, поди к конфирманткам! Правда, они очень хорошенькие в своих светлых платьицах?»

– Гм! – произнес дядя. – Тебе они тоже, кажется, нравятся? Фрэнк Браун рассмеялся: «Мне? Ах, Господи! Нет, дядюшка, для тебя я не соперник, – во всяком случае не сегодня, сегодня у меня большие требования, быть может… когда я буду в твоем возрасте. Но я вовсе не забочусь об их добродетели, да и сами эти цветочки хотят только того, чтобы их поскорее сорвали. Все равно кто-нибудь это сделает, почему бы и не ты? Ольга, Фрида, подите сюда!» Но девочки не подошли – возле них стоял доктор Монен, который чокался с ними и рассказывал двусмысленные анекдоты. Подошла княгиня. Фрэнк Браун встал и предложил ей стул.

– Садитесь, садитесь! – воскликнула она. – Я не успела ещё поболтать с вами!

– Одну минуту, ваше сиятельство, я только принесу папиросы, – сказал студент. – Дядюшка мой давно жаждет сказать вам несколько комплиментов. Тайный советник вовсе не так уж обрадовался, ему было бы гораздо приятнее, если бы тут сидела дочка княгини. Пришлось, однако, разговаривать с матерью.

Фрэнк Браун подошел к окну. Советник юстиции подвел между тем к роялю фрау Марион. Гонтрам сел на табурет перед роялем, повертелся и сказал: «Прошу немного спокойствия. Фрау Марион споет нам что-нибудь. – Он повернулся к своей даме. – Что же вы споете, сударыня? Вероятно, опять «Les papillons «? Или, быть может, «Il baccio» Ардити? Ну давайте!»

Студент посмотрел на неё. Она была все ещё красива, эта пожилая и пожившая женщина: глядя на неё, можно было вполне поверить тем бесконечным историям, которые про неё рассказывали. Она была когда-то знаменитой европейской певицей. Теперь уже около двадцати пяти лет она жила в этом городе, одна на своей маленькой вилле. Каждый вечер она долго

гуляла по саду и плакала с полчаса над могилой своей собачки, украшенной самыми лучшими цветами.

Она запела. Её изумительный голос был давно уже разбит, но в умении петь всё-таки чувствовалось какое-то странное обаяние старой школы. На накрашенных губах отражалась прежняя улыбка победительницы, а под толстым слоем пудры черты лица принимали выражение обаятельной любезности. Её толстые, заплывшие жиром руки играли веером из слоновой кости, а глаза, как когда-то, старались вызвать одобрение у всех и каждого.

О да, она подходила сюда, эта мадам Марион Вэр-де-Вэр, подходила к дому и ко всем остальным, бывшим сейчас в гостях. Фрэнк Браун оглянулся. Вот его дорогой дядюшка с княгиней, а позади них, прислонившись к двери, Манассе и пастор Шредер. Худой, длинный Шредер, лучший знаток вина на Мозеле и Заале, обладавший редким погребом вин; он написал когда-то бесконечную, чересчур умную книгу о философии Платона, а здесь занимается сочинением пьесок для Кёльнского театра марионеток. Он был ярым партикуляристом, ненавидел прусаков и, говоря об императоре, думал лишь о Наполеоне I и каждый год пятого мая отправлялся в Кёльн, чтобы присутствовать на торжественной литургии в честь павших воинов великой армии. Вот сидит в золотом пенсне огромный Станислав Шахт, кандидат философии на шестнадцатом семестре, слишком грузный и ленивый, даже чтобы подняться со стула. Уже много лет снимал он комнату у вдовы профессора фон Доллингера – и давно уже пользовался там правами хозяина. Эта маленькая, уродливая, худая, как спичка, женщина сидела возле него, наливала ему бокал за бокалом и накладывала каждую минуту новые порции пирога на тарелку. Она не ела ничего, но пила не меньше его. И с каждым новым бокалом возрастала её нежность: ласково гладила она его жирные пальцы. Около неё стоял Карл Монен, доктор юриспруденции и доктор философии. Он был школьным товарищем Шахта и его большим другом и не меньше его пробыл в университете. Он всю жизнь держал экзамены и менял свои склонности. В данное время он был философом и готовился к трем экзаменам. Он был похож на приказчика из магазина. Фрэнк Браун подумал, что тот, наверное, ещё когда-нибудь станет купцом. Это будет самое лучшее, он сделает хорошую карьеру в магазине готового платья, где станет обслуживать дам. Он постоянно искал богатую партию – но искал, как ни странно, на улицах. Прогуливался мимо окон, – действительно, ему удавалось неоднократно завязывать интересные знакомства. Он волочился особенно охотно за туристками-англичанками. Но, увы, у них большею частью всегда отсутствовали деньги.

Тут был ещё один маленький гусарский лейтенант с черными усиками: он как раз говорил с конфирмантками. Его, молодого графа Герольдингена, можно было встретить каждый день за кулисами театра. Он довольно мило рисовал, талантливо играл на скрипке и был к тому же лучшим наездником в полку. Он рассказывал сейчас Ольге и Фриде что-то про Бетховена, но они немилосердно скучали и слушали только потому, что он был таким хорошеньким маленьким лейтенантом.

О да, они все подходили сюда, все без исключения. В них было немножко цыганской крови, – несмотря на титулы и ордена, несмотря на тонзуры и мундиры, несмотря на бриллианты и золотые пенсне, несмотря на видное общественное положение.

Вдруг посреди пения фрау Марион раздался неистовый крик: дети Гонтрама подрались на лестнице. Мать вышла из комнаты, чтобы их успокоить. Потом в соседней комнате заорал вдруг Вельфхен, и прислуге пришлось отнести его к себе в мансарду. Она взяла с собою и Циклопа и уложила обоих в коляску.

Фрау Марион начала вторую арию: «Пляску теней» из «Диноры» Мейербера.

Княгиня стала расспрашивать тайного советника о его новых опытах. Нельзя ли ей прийти опять посмотреть на его милых лягушек и хорошеньких обезьянок?

Конечно, конечно, пожалуйста. Он покажет и свой новый розариум на мелемской вилле, и большие белые камелии, которые посадил там садовник.

Но княгине лягушки и обезьяны были интереснее, чем розы и камелии. Он начал рассказывать о своих опытах над перенесением зародышевых клеток и искусственном оплодотворении. Сказал, что у него есть сейчас хорошенькая лягушка с двумя головами и ещё одна с четырнадцатью глазами на спинке. Объяснил, как вырезает он зародышевые клетки из головастика и переносит их на другие индивидуумы и как затем эти клетки развиваются дальше в новом теле и из них вырастают головы, хвосты и ножки. Рассказывал о своих опытах над обезьянами, сказал, что у него есть две молодых морских кошки, девственная мать которых, кормящая их, никогда не знала самца…

Это заинтересовало её больше всего. Она расспрашивала о подробностях, заставила рассказывать, как он это делает, слушала бесконечный поток греческих и латинских слов, которые даже не понимала. Тайный советник увлекся и стал уснащать свою речь циничными подробностями и жестами. Изо рта у него потекла на отвислую нижнюю губу слюна. Он наслаждался этой игрой, этой циничной беседой и сладострастно упивался звуками бесстыдных слов. А потом, произнесши какое-то особенно циничное слово, он снабдил его обращением «ваше сиятельство» и с восхищением насладился всей жгучей прелестью контраста.

Но она слушала его, вся красная, взволнованная, чуть ли не с дрожью и впитывала всеми порами развратницы атмосферу, которая дышала вокруг этого еле заметного научного знамени.

– Вы оплодотворяете только обезьян? – спросила она, еле переводя дыхание.

– Нет, – ответил он, – также и крыс, и морских свинок. Приходите когда-нибудь посмотреть, ваше сиятельство, как я…

Он понизил голос и прошептал ей что-то на ухо.

Она закричала: «Да, да, я приду посмотреть! Охотно, очень охотно – а когда именно? – И добавила с плохо деланным достоинством: – Знаете, господин тайный советник, меня ничто так не интересует, как медицинские опыты. Мне кажется, я была бы превосходным врачом».

Он посмотрел на неё и улыбнулся.

– Нисколько не сомневаюсь, ваше сиятельство. И подумал, что она, наверное, была бы лучшей хозяйкой дома терпимости. Но рыбка уже клюнула. Он заговорил снова о розариуме и камелиях на своей вилле на Рейне. Она ему так надоела, он купил её только из одолжения. Она расположена так превосходно – и главное, вид. Быть может, если бы её сиятельству захотелось, он с удовольствием…

Княгиня Волконская тотчас же согласилась:

– Да, господин тайный советник, я с удовольствием куплю вашу виллу! – Она увидала проходившего мимо Фрэнка Брауна и подозвала: – Ах, господин студент! Господин студент! Подите сюда, ваш дядюшка обещал показать мне несколько опытов, – разве это не страшно интересно? А вы когда-нибудь видели их?

– Нет, – заметил Фрэнк Браун. – Меня они нисколько не интересуют.

Он повернулся, но она схватила его за рукав:

– Дайте-ка мне, дайте-ка мне папиросу! И налейте шампанского! От возбуждения она вся дрожала: по её жирному телу струились капли горячего пота. Её грубая чувственность, пробужденная циничными рассказами старика, искала какой-нибудь цели и горячею вольною обрушилась на молодого человека.

– Скажите, господин студент… – она дышала тяжело, её обширная грудь высоко подымалась. – Скажите мне… по-вашему, не мог ли господин советник применять… свою науку и свои опыты… с искусственным оплодотворением… также и к людям?

Она знала прекрасно, что он об этом и не думал. Но ей хотелось во что бы то ни стало продолжить беседу. И обязательно с этим молодым, свежим, красивым студентом.

Фрэнк Браун рассмеялся и инстинктивно понял её мысль.

– Конечно, ваше сиятельство! – сказал он. – Разумеется, – дядюшка как раз занят сейчас этим – он изобрёл новое средство, такое, что бедная женщина ничего даже не замечает. Решительно ничего – пока в один прекрасный день не почувствует, что она беременна. На 4-м или на 5-м месяце… Берегитесь же, ваше сиятельство, господина тайного советника, – кто знает, может, и вы тоже…

– Избави Боже! – воскликнула княгиня.

– Не правда ли, – заметил он, – это не очень приятно? Особенно когда ничего не имеешь от этого!

Бац! Что-то рухнуло и упало на голову горничной Сефхен. Девушка неистово закричала и от страха уронила серебряный поднос, на котором разносила кофе.

– Как жалко сервиз! – произнесла равнодушно фрау Гонтрам. – Что это упало?

Доктор Монен подбежал тотчас же к плакавшей девушке. Срезал ей прядь волос, промыл открытую рану и остановил кровь жёлтой железистой ватой. Но не забыл при этом потрепать хорошенькую горничную за щечки и тайком коснуться упругой груди. Дал ей выпить вина и начал что-то нашёптывать на ухо… Гусарский лейтенант нагнулся и поднял предмет, который послужил причиной несчастия. Взял его в руки и начал рассматривать со всех сторон.

На стене висели всевозможные редкие вещи. Какой-то божок – полумужчина-полуженщина, пестрый, раскрашенный жёлтыми и красными полосками. Два старых рыцарских сапога, бесформенных, тяжелых, с большими испанскими шпорами. Докторский диплом иезуитской высшей школы в Севилье, напечатанный на старинном сером шелку и принадлежавший одному из предков Гонтрама. Дальше роскошное распятие из слоновой кости, выложенное золотом. И, наконец, тяжелые буддийские четки из больших зелёных камней.

А совсем наверху висел тот предмет, который только что упал на пол. Видна была широкая трещина в обоях, откуда он вырвал гвоздь. Это была коричневая пыльная палка из окаменевшего дерева. Она напоминала своим видом дряхлого человечка в морщинах.

– Ах, да, это наш Альрауне! – заметила фрау Гонтрам. – Хорошо, что как раз тут проходила Сефхен: она ведь из Эйфеля, у неё твердые кости, а то если бы тут сидел Вельфхен, эта противная штука, наверное, раздробила бы его маленький череп!

Советник юстиции разъяснил: «Он уже несколько веков сохраняется в нашей семье. И уже был такой же случай: дядя мой рассказывал, что однажды ночью тот ему упал на голову. Но он был, наверное, пьян – он очень любил выпить».

– Что это, собственно? И для чего? – спросил гусарский лейтенант.

– Он приносит богатство, – ответил Гонтрам. – Есть такое старинное предание. Манассе может вам рассказать. Поди-ка сюда, коллега! Как это предание об Альрауне?

Но маленький адвокат не пожелал рассказывать:

– Ах, все и так знают!

– Никто не знает, – воскликнул лейтенант. – Никто, вы преувеличиваете наши познания.

– Расскажите же, Манассе, – попросила фрау Гонтрам. – Мне тоже хотелось бы знать, что означает эта противная штука. Он уступил просьбам. Он говорил сухо, деловито, точно читал вслух какую-то книгу. Не торопясь, едва повышая голос, и в такт словам все время размахивал человечком.

– Альрауне, альбрауне, мандрагора, также и манрагола – mandragora officinarium. Растение из семейства solanazeae. Оно встречается в бассейне Средиземного моря, в юго-восточной Европе и в Азии вплоть до Гималаев. Листья его и цветы содержат наркотики. Оно употреблялось прежде как снотворное средство, даже при операциях в знаменитой медицинской школе в Салерно. Листья курили, а из плодов приготовляли любовные напитки. Они повышают чувственность и делают женщин плодовитыми. Ещё Иаков применял его. Тогда растение называлось дудаимом, но главную роль играет корень растения. О странном сходстве со стариком или старушкой упоминает ещё Пифагор. Уже в его время говорили, что оно действует как шапка-

невидимка и употребляли как волшебное средство или, наоборот, в качестве талисмана против колдовства. В средние века во время крестовых походов зародилось и германское предание об Альрауне. Преступник, распятый обнажённым на кресте, теряет свое последнее семя в тот момент, когда у него ломается позвоночный столб. Это семя падает на землю и оплодотворяет её: из неё вырастает альрауне, маленький человечек, мужчина или женщина. Ночью отправлялись на поиски его. В полночь заступ опускался в землю под виселицей. Но люди хорошо делали, что затыкали себе уши, потому что когда отрывали человечка, он кричал так неистово, что все падали от страха, – ещё Шекспир повествует об этом. Потом человечка относили домой, прятали, давали ему каждый день есть и по субботам мыли вином. Он приносил счастье на суде и на войне, служил амулетом против колдовства и привлекал в дом богатство. Располагал всех к тому, у кого он хранился, служил для предсказаний, а в женщинах возбуждал любовный жар и облегчал им роды. Но, несмотря на все это, где бы он ни был, всюду случались несчастья. Остальных обитателей дома преследовали неудачи, во владельце своем он развивал скупость, развратные наклонности и всевозможные пороки. А, в конце концов, даже губил его и ввергал в ад. Тем не менее, эти корни пользовались всеобщей любовью, ими даже торговали и брали за них огромные деньги. Говорят, будто Валленштейн всю жизнь возил с собою Альрауне. То же самое рассказывают и про Генриха V Английского.

Адвокат замолчал и бросил на стол окаменевшее дерево.

– Очень любопытно, право, очень любопытно, – воскликнул граф Герольдинген. – Я крайне признателен вам за вашу маленькую лекцию, господин адвокат. Но мадам Марион заявила, что она бы ни минуты не держала в своем доме такой вещи. Испуганными, суеверными глазами посмотрела она на застывшую костлявую маску фрау Гонтрам.

Фрэнк Браун быстро подошел к тайному советнику. Его глаза сверкали, он взволнованно взял старика за плечо.

– Дядюшка, – шепнул он, – дядюшка…

– В чем дело, мой милый? – спросил профессор. Но всё-таки встал и последовал за племянником к окну.

– Дядюшка, – повторил студент, – вот этого тебе только и нужно. Это лучше, чем заниматься глупостями с лягушками, обезьянами и маленькими детьми. Дядюшка, не упускай случая, пойди по новому пути, по которому никто до сих пор ещё не шел! – Голос дрожал, с нервной поспешностью выпускал он папиросный дым.

– Я тебя не понимаю! – заметил старик.

– Сейчас поймешь, дядюшка! Ты слышал, что он рассказывал. Создай же альрауне, существо, которое бы жило, имело бы плоть и кровь! Ты способен на это, ты один и никто кроме тебя во всем мире!

Тайный советник посмотрел на него негодующе и удивленно. Но в голосе студента звучала такая уверенность, такая могучая сила веры, что он стал вдруг серьезен. Против своей воли.

– Объясни мне точно. Фрэнк, что ты хочешь, – сказал он, – я, право, не понимаю тебя. Племянник покачал головою: «Не теперь, дядюшка. Я провожу тебя домой, если позволишь». Он быстро повернулся и подошел к Минхен, разносившей кофе, взял чашку и быстро опорожнил.

…Сефьхен, другая горничная, убежала от своего утешителя. А доктор Монен метался повсюду, быстро, проворно и деловито, точно коровий хвост в летнее время, когда много мух. У него чесались руки что-нибудь сделать, он взял Альрауне и начал тереть большою салфеткою, стараясь отчистить от пыли. Альрауне грязнил одну салфетку за другою, но не становился чище. Тогда неутомимый человек поднял его и ловким движением бросил в большую миску с крюшоном.

– Пей же, Альрауне! – воскликнул он. – В доме плохо с тобою обращались. Тебе, наверное, хочется пить. Он влез на стул и начал бесконечную торжественную речь в честь обеих конфирманток: «Пусть они навсегда останутся такими же девочками в белых невинных платьицах, – закончил он свою речь, – желаю им этого от всего сердца!»

Он лгал; он совсем не хотел этого. Этого не хотел, впрочем, никто, и меньше всех сами девушки. Но они все же засмеялись вместе с другими, подошли к нему, сделали реверанс и поблагодарили.

Шредер стал возле советника юстиции и ругался, что близится срок, когда будет введено новое гражданское уложение. Ещё десять лет – конец кодексу Наполеона. В Рейнланде будет господствовать то же право, что и там, в Пруссии. Какая нелепость! Трудно себе представить!

– Да, – вздохнул советник юстиции, – а сколько работы! Сколькому придется вновь научиться. Как будто и так нечего делать. – Он столь же мало стал бы заниматься изучением гражданского уложения, сколько изучал рейнское право. Слава Богу, экзамены свои он уже сдал.

Княгиня простилась и взяла с собою в экипаж фрау Марион. Ольга осталась опять у подруги. Другие тоже разошлись, один за другим.

– Подожди немного, – ответил тайный советник, – нет ещё моего экипажа. Он сейчас, наверное, приедет. Фрэнк Браун смотрел в окно. По лестнице проворно как белка, несмотря на свои сорок лет, промчалась маленькая фрау Доллиенгер. Споткнулась обо что-то, упала, снова вскочила на ноги, побежала к огромному дубу и обвила ствол руками и ногами. И тупо, пьяная от вина и жадной страсти, она стала целовать дерево горячими воспалёнными губами. Станислав Шахт подбежал к ней и оторвал от ствола, точно жука, который крепко впился в него ножками. Он сделал это не грубо, но с силою, – все ещё трезвый, несмотря на огромное количество выпитого вина. Она кричала, отбивалась руками и ногами, ей не хотелось отрываться от гладкого дерева. Но он поднял её и понес. Она узнала его, сорвала с него шляпу и начала целовать прямо в лысину, – громко крича, задыхаясь…

Профессор поднялся и подошел к советнику юстиции.

– У меня к вам просьба, – сказал он. – Не подарите ли мне этого человечка?

Фрау Гонтрам упредила мужа: «Конечно, господин тайный советник, возьмите! Он, наверное, годится скорее холостому». Она опустила руку в чашу вина и вынула человечка. Но задела им край чаши: в комнате раздался резкий дребезжащий звук. Роскошная старинная чаша разлетелась в мелкие дребезги, разлив сладкое содержимое по столу и по полу.

– Господи Боже мой! – воскликнула она, – хорошо, что эта противная штука уходит наконец из дому!

Глава 3. Которая повествует, как Фрэнк Браун уговорил тайного советника создать Альрауне

Они сидели в экипаже, профессор тен-Бринкен и его племянник, не говоря ни слова. Фрэнк Браун откинулся и смотрел куда-то вперёд, глубоко погруженный в свои мысли. Тайный советник молчал и испытующе наблюдал за ним. Поездка продолжалась менее получаса. Они проехали по шоссе, повернули направо и затряслись по изрытой мостовой. Там, посреди деревни, возвышалась большая усадьба тен-Бринкена, огромный четырехугольный участок, сад и парк, а ближе к улице ряд маленьких, некрасивых построек. Они свернули за угол мимо покровителя деревни-святого Непомука. Его изображение, украшенное цветами и двумя лампадами, стояло в угловой нише господского дома. Лошади остановились. Лакей отворил ворота и открыл дверцы коляски.

– Принеси нам вина, Алоиз, – сказал тайный советник. – Мы пойдем в библиотеку. – Он обернулся к племяннику: – Ты у меня переночуешь? Или кучеру подождать?

Студент покачал головою:

– Ни то ни другое. Я вернусь в город пешком.

Они пересекли двор и вошли в длинный дом с левой стороны. Это была, в сущности, одна громадная зала и рядом с нею крохотная передняя. Вокруг по стенам стояли длинные бесконечные полки, тесно уставленные тысячами книг. На полу стоял низкий стеклянный ящик, наполненный римскими раскопками. Много гробов и могил было опустошено и разграблено. Пол покрывал большой ковёр. Стояли два письменных стола, несколько кресел и диванов. Они вошли. Тайный советник бросил деревянного человечка на диван. Они зажгли свечку, сдвинули два кресла и сели. Лакей откупорил пыльную бутылку.

– Можешь идти, – сказал профессор, – но не ложись пока спать. Барин скоро уйдет, ты закроешь за ним ворота.

– Ну? – обратился он к племяннику.

Фрэнк Браун выпил вина, потом взял деревянного человечка и начал играть с ним. Тот был ещё влажен и, по-видимому, слегка гнулся.

– Он гнётся, – пробормотал Фрэнк. – Вот глаза – два глаза. А вот нос. Ясно видны очертания рта. Посмотри-ка, дядюшка, видишь, как он улыбается? Руки будто скрючены-а ножки срослись до колен. Странная штука! – Он поднял его и начал вертеть во все стороны. – Осмотрись здесь, Альрауне! – воскликнул он. – Здесь твоя новая родина. Здесь ты больше подходишь – к господину Якобу тен-Бринкен, – гораздо больше, чем к дому Гонтрамов.

– Ты старый, – продолжал он, – тебе четыреста, может быть, шестьсот или ещё больше лет. Твоего отца повесили, он был, наверное, убийцей или вором или просто сочинил сатиру на какого-нибудь важного господина в панцире или в рясе. Безразлично, в сущности, что он сделал, – он был преступником в свое время, и они распяли его. Тогда он изверг свою последнюю жизнь и зачал тебя, тебя, странное существо. А мать-земля приняла это прощание преступника в свое плодотворное чрево, таинственно забеременела тобою и родила. Она, исполинская, всемогущая, – родила тебя, жалкого, уродливого человечка! – и они тебя вырыли в полночь у креста, дрожа от страха, произнося таинственные неистовые заклинания. А ты, заметив впервые свет луны, увидел своего отца, который висел над тобою: сломанные кости его и гниющее тело. А они взяли тебя, те самые, которые казнили его, твоего отца. Взяли тебя, принесли домой: ты должен был дать им богатство! Яркое золото и молодую любовь! Они знали прекрасно: ты принесешь с собою несчастия, болезни, бедствия и, в конце концов, жалкую смерть. Знали это прекрасно, а всё-таки вырыли тебя и взяли с собою, они соглашались на все за любовь и за золото.

Тайный советник заметил: «У тебя богатое воображение, мой дорогой. Ты фантазер!»

– Да, – ответил студент, – пожалуй, что так. Но ведь и ты фантазер.

– Я? – засмеялся профессор. – Кажется, моя жизнь протекла довольно реально.

Но племянник покачал головою: «Нет, дядюшка, не совсем-то реально. Только ты называешь реальным то, что другие называют фантазией. Подумай обо всех твоих опытах. Для тебя они нечто большее, чем простая игра, они те пути, которые когда-нибудь приведут тебя к намеченной цели. Нормальный человек никогда бы не дошёл до твоих мыслей: только фантазер может быть способен на это. Только горячая голова, только человек, в жилах которого течет кровь, горячая, как кровь всех тен-Бринкенов, только такой человек может отважиться сделать то, что ты теперь должен совершить».

Старик перебил его, недовольный, но все же слегка польщенный:

– Ты фантазируешь, мой дорогой, ты даже не знаешь, захочется ли мне вообще совершить то таинственное, о чем ты сейчас говоришь. Хотя, впрочем, я все ещё не понимаю тебя.

Но студент не уступал. Его голос звучал твердо, уверенно и убежденно.

– Нет, дядюшка, ты это сделаешь, я знаю, что сделаешь. Сделаешь уже потому, что ты единственный человек во всем мире, который может это сделать. Правда, есть несколько других ученых, которые производят сейчас те же опыты, что и ты, которые, быть может, так же далеки, как и ты, а быть может, даже и дальше. Но они все нормальные люди, сухие, деревянные, – люди науки. Они бы меня высмеяли, если бы я пришел к ним со своей идеей, назвали бы меня дураком. Или выбросили меня за дверь, потому что я осмелился прийти к ним с такими вещами, – с такими идеями, которые они называют безнравственными, аморальными и кощунственными. Идеями, которыми опровергаются все законы природы. Но ты не такой, дядюшка, совсем не такой! Ты не будешь надо мной смеяться и не выбросишь за дверь. Тебя это так же заинтересует, как заинтересовало меня. И поэтому-то ты – единственный человек, который способен на это.

– Но на что же, на что, черт побери? – воскликнул тайный советник.

Студент поднялся, наполнил до краёв оба бокала. «Чокнемся, старый колдун, – сказал он, – чокнемся, пусть новое молодое вино заструится в твоих старых жилах. Чокнемся, дядюшка, да здравствует – твой ребенок!» Он чокнулся с профессором, одним духом опорожнил свой стакан и подбросил его. Стакан разбился о потолок, но осколки беззвучно упали обратно на тяжелый, мягкий ковёр.

Он пододвинул большое кресло: «А теперь, дядюшка, слушай, что я буду говорить. Тебе надоело, может быть, моё длинное вступление-не сердись. Оно помогло мне собрать мысли, конкретизировать их, чтобы я мог объяснить тебе все ясно и просто. Я думаю так: ты должен создать существо Альрауне, должен воплотить в действительность странное предание. Не все ли равно, что это суеверие средневековой фантазии, мистическая сказка древности? Ты сумеешь превратить старую ложь и новую истину! Ты создашь её: она восстанет ясная в сиянии дня, доступная всему миру, – и ни один профессор не сможет её отрицать. Слушай же, как ты должен это сделать!

Преступника, дядюшка, найти очень легко. По-моему, безразлично, умрет ли он на эшафоте или на кресте. Мы прогрессивные люди. Тюремный двор и наша гильотина гораздо удобнее. Удобнее и для тебя: благодаря твоим связям не трудно найти дорогой материал и вырвать у смерти новую жизнь. А земля? Ведь она лишь символ, она – плодородие. Земля-это женщина, она вскармливает семя, которое повергается в её чрево, вскармливает его, даёт взрасти, расцвести и принести плоды. Так возьми же то, что плодородно, как земля, как мать-земля, – возьми женщину. Но земля также и вечная проститутка – она служит всем, она вечная мать, она вечно-готовая женщина для бесконечных миллиардов людей. Никому не отказывает она в своем развратном теле: каждому, кто хочет овладеть ею. Все, что имеет жизнь, оплодотворяет её чрево, оплодотворяет тысячи и десятки тысяч лет. И поэтому, дядюшка, ты должен найти проститутку, – должен взять самую бесстыдную, самую наглую из всех, должен взять такую,

которая рождена для разврата. Не такую, которая продает тело из нужды, которую кто-нибудь соблазнил. Нет, не такую. Возьми женщину, которая была проституткой ещё тогда, когда училась ходить, такую, которой позор её кажется радостью и для которой в нем только и жизнь. Её чрево будет такое же, как чрево земли. Ты богат – ты найдёшь, наверняка найдёшь. Ты и сам ведь не школьник в таких вещах, ты можешь дать ей много денег, купить её для этого опыта. Если она будет действительно подходящей, она будет покатываться со смеха, прижмет тебя к своей жирной груди и зацелует от радости, ибо ты предложишь то, чего не предлагал ей ни один человек-до тебя! Что нужно делать потом, ты знаешь лучше меня. Тебе удастся сделать с человеком то же самое, что ты делаешь с обезьянами и морскими свинками. Нужно быть только готовым уловить тот момент, когда голова преступника, изрыгая проклятия, отделится от туловища».

Он вскочил, облокотился на стол и пристально, пронизывающе посмотрел на старика. Тайный советник поймал его взгляд и быстро отпарировал. Все равно как грузная, кривая турецкая сабля, скрещивающаяся с ловким флореттом.

– Ну а потом, племянник? – сказал он. – Что потом? Когда ребенок родится на свет? Что будет тогда?

Студент задумался. Потом ответил медленно, точно отчеканивая каждое слово:

– Тогда у нас будет – волшебное существо.

Голос звучал тихо, но звучно и гибко, точно звуки скрипки.

– Мы увидим тогда, сколько правды в древнем предании. Сможем заглянуть в глубочайшие тайники природы.

Тайный советник открыл было рот, но Фрэнк Браун прервал его, не дав говорить.

– Тогда мы увидим, есть ли действительно что-нибудь, что сильнее всех известных нам законов. Мы увидим, стоит ли жить этою жизнью – стоит ли нам ею жить.

– Стоит ли нам? – повторил профессор.

Фрэнк Браун ответил: «Да, дядюшка, – нам! Нам, тебе, мне и тем нескольким сотням людей, которые стоят над жизнью. И которые все же принуждены идти по дороге, которою идёт огромное стадо».

Он вдруг резко спросил: «Дядюшка, ты веришь в Бога?»

Тайный советник нетерпеливо передёрнул губами. «Верю ли я в Бога? При чем тут это?»

Но племянник настаивал на ответе, не давая времени даже подумать: «Отвечай же, дядюшка, отвечай: веришь ли ты в Бога?» Он нагнулся к старику и не сводил с него глаз.

Тайный советник ответил: «Какое тебе дело до этого? Своим разумом – после всего того, что я изучил и открыл, – я, безусловно, в Бога не верю. Разве только чувством, но ведь чувство-это нечто, совершенно не поддающееся контролю, нечто!»

– Да, да, дядюшка, – перебил его студент, – так чувством, значит, всё-таки.

Но профессор все ещё не сдавался и беспокойно ёрзал в кресле. «Ну, если уж говорить откровенно-то иногда, правда, редко-через большие промежутки…».

Фрэнк Браун вскричал: «Ты веришь – несомненно веришь в Бога!! О, я это знал. Все Бринкены, все веруют, все вплоть до тебя».

Он поднял голову, раздвинул губы и показал ряд блестящих зубов. И продолжал опять, подчеркивая каждое слово: «Тогда ты сделаешь это, дядюшка. Тогда ты должен это сделать. Ничто не спасет тебя, ибо тебе дано нечто – что даётся одному из миллиона людей».

Он замолк и зашагал крупными шагами по большому залу. Потом взял шляпу и подошел к старику.

– Спокойной ночи, дядюшка, – сказал он, – так ты это сделаешь?

Он протянул руку.

Но старик не заметил. Он тупо смотрел в пространство и о чем-то напряжённо думал.

– Не знаю, не знаю, – ответил он наконец.

Фрэнк Браун взял со стола человечка и протянул старику. Его голос звучал иронически и высокомерно. «Вот-посоветуйся с ним! – Но потом через мгновение его тон изменился. Он тихо добавил: – Я знаю, ты это сделаешь».

Он быстро направился к двери. Ещё раз остановился. Обернулся и снова вернулся назад.

– Ещё одно, дядюшка! Если ты это сделаешь…

Но тайный советник прервал его: «Не знаю, сделаю ли!»

– Хорошо, – ответил студент. – Я ведь больше не спрашиваю. Только в случае если ты это сделаешь – ты должен мне кое-что обещать.

– Что именно? – спросил профессор.

Тот ответил: «Не приглашай княгиню в качестве зрительницы».

– Почему? – спросил тайный советник. И Фрэнк Браун ответил мягко, но серьезно и строго: «Потому что – потому что дело это – слишком – серьезно».

Он ушел.

Он вышел из дому и пошел к воротам, лакей отворил ему и, громыхая замком, запер за ним. Фрэнк Браун вышел на дорогу. Остановился перед изображением святого и пытливым взглядом посмотрел на него.

– О дорогой мой святой, – сказал он. – Тебе приносят цветы, льют свежее масло в лампаду. Но не этот дом заботится о тебе. Здесь тебя ценят разве только как археологическую древность. Хорошо ещё, что народ чтит твою силу. Ах, милый святой, тебе легко охранять деревню от наводнения – раз она в трех четвертях часа от Рейна. И особенно теперь, когда Рейн так успокоился и струится меж каменных стен. Но попробуй же, о старый Непомук, охранить этот дом от потока, который нахлынет на него и разрушит. Я люблю тебя, милый святой, потому что ты покровитель моей матери. Её зовут Иоганной Непомуценой, у неё есть ещё имя – Губертина, в знак того, чтобы её не могла искусать бешеная собака. Ты помнишь ещё, как родилась она в этом доме в день, посвященный тебе? Поэтому-то она и носит твое имя – Иоганна Непомуцена! И потому, что я люблю тебя, милый святой, и ради неё я хочу тебя предостеречь. Там внутри сегодня ночью поселился святой – в сущности говоря, полная противоположность святому. Маленький человечек не из камня, как ты, и не одетый красиво в длинную мантию, – он деревянный и совершенно голый. Но он так же стар, как и ты, может быть, ещё старше. Говорят, он обладает чудодейственной силой. Так попробуй же, святой Непомук, покажи свою силу! Кто-нибудь из вас должен пасть, ты или тот человечек: пусть же решится, кто из вас будет господином над домом тен-Бринкенов. Покажи же, милый святой, на что ты способен.

Фрэнк Браун снял шляпу и перекрестился. Потом тихо, сухо рассмеялся и быстро зашагал по дороге. Вышел в поле и полной грудью стал вдыхать свежий ночной воздух. Дойдя до города, он пошел по улицам под цветущими каштанами и здесь замедлил шаг. Он шел задумавшись, слегка напевая про себя.

Но вдруг остановился. С минуту поколебался. Потом повернулся. Быстро свернул налево. Опять остановился и оглянулся по сторонам. Потом быстро взобрался на низкую стену и спрыгнул на другую сторону. Побежал по тихому саду к большой красной вилле. Там остановился и взглянул вверх. Его резкий короткий свист прорезал ночную тишину, два-три раза, быстро, один за другим.

Где-то залаяла собака. Но вверху тихо распахнулось окошко, и в белом ночном одеянии показалась белокурая женщина. Её голос прошептал в темноте: «Это ты?»

Он ответил: «Да, да!» Она скользнула в комнату, но тотчас же снова вернулась. Взяла носовой платок, что-то завернула в него и бросила вниз.

– Вот, мой дорогой, тебе ключ! Но будь потише, как можно потише, чтобы не проснулись родители!

Фрэнк Браун взял ключ и поднялся по маленькой мраморной лестнице, открыл дверь и вошёл в комнату.

Глава 4. Которая рассказывает, как они нашли мать Альрауне

Фрэнк Браун сидел на гауптвахте. Наверху в Эренбрейтштейне. Сидел уже около двух месяцев и должен был сидеть ещё три. Все лишь за то, что он выстрелил в воздух, так же как и его противник.

Сидел он наверху у колодца, с которого раскрывался далёкий вид на Рейн. Он болтал ногами, смотрел вдаль и зевал. То же самое делали и трое товарищей, сидевших вместе с ним.

Никто не говорил ни слова.

На них были жёлтые куртки, купленные у солдат. Денщики намалевали на их спинах огромные черные цифры, означавшие No камер. Тут сидели сейчас второй, четырнадцатый и шестой.

У Фрэнка Брауна был № 7.

На скалу к колодцу поднялась группа иностранцев, англичан и англичанок, в сопровождении сержанта гауптвахты. Он показал им несчастных арестантов с огромными цифрами, – которые сидели с таким печальным видом. В иностранцах зашевелилось чувство жалости, с ахами и охами они стали расспрашивать сержанта, нельзя ли дать что-нибудь несчастным. Это строго запрещено. Но в своем великодушии он повернулся и стал показывать туристам окрестности. Вот Кобленц, сказал он, а позади него Нейштадт. А там внизу у Рейна…

Между тем подошли дамы. Несчастные арестанты заложили руки за спину, держа их как раз под номерами. В протянутые ладони тотчас же посыпались золотые монеты, папиросы и табак. Нередко попадались и визитные карточки с адресами.

Игру выдумал Фрэнк Браун и к общему удовольствию ввёл её здесь.

– В сущности, это довольно-таки унизительно, – заметил № 14, ротмистр барон Флехтгейм.

– Ты идиот, – ответил Фрэнк Браун, – унизительно только то, что мы считаем себя такими аристократами, что отдаём все унтер-офицерам и ничего не оставляем себе. Если бы хоть по крайней мере эти проклятые английские папиросы не так пахли духами. – Он посмотрел на добычу. – Ага! Опять соверен. Сержант будет рад. Бог мой, мне бы и самому он пригодился!

– Сколько ты вчера проиграл? – спросил № 3.

Фрэнк Браун засмеялся: «Ах – всю свою вчерашнюю получку. И ещё вдобавок подписал векселей на несколько сотен, Черт бы побрал эту игру!»

№ 6 был юным поручиком, почти мальчиком, кровь с молоком. Он вздохнул глубоко: «Я тоже продулся».

– Ну а, по-твоему, мы не проигрались? – огрызнулся на него № 14.-И только подумать, что бродяги кутят теперь на наши деньги в Париже. Сколько, по-твоему, они там пробудут?

Доктор Клаверьян, морской врач, арестант № 12, заметил:

– По-моему, дня три. Дольше они не смогут остаться, а то отсутствие их будет замечено. Да и на более долгое время не хватило бы денег».

Те трое были-№ 4, № 5 и № 12. В последнюю ночь они много выиграли и тотчас же рано утром спустились вниз, стараясь не опоздать к парижскому поезду. Они отправились – немного развлечься, как это называлось в крепости.

– Что же мы предпримем сегодня? – спросил № 14.

– Напряги хоть раз свои пустые мозги, – сказал Фрэнк Браун ротмистру. Он спрыгнул со стены и пошел через казарменный двор в офицерский сад. Он был в дурном настроении и громко что-то насвистывал. Не из-за проигрыша – он проигрывал уже не в первый раз и это его мало трогало. Но жалкое пребывание здесь, невыносимое безделье!

Правда, крепостные правила были довольно свободны, и, во всяком случае, не существовало ни одного, которое бы оскорбляло хоть как-нибудь господ арестантов. У них было свое собственное собрание, в котором стоял рояль и большой гармониум; они получали десятка два газет. У каждого свой денщик. Камеры просторные, чуть ли не залы; они платили за них государству по пфеннигу в день. Обеды они брали из лучшей гостиницы города и держали обильный винный погреб. Было только одно неудобство: нельзя запирать свою камеру изнутри. Это единственный пункт, к которому комендант крепости относился невероятно строго. С тех пор как в крепости произошло самоубийство, каждая попытка приделать изнутри камеры задвижку или крючок подавлялась немедленно.

– Что за дураки они все! – подумал Фрэнк Браун. – Точно не может человек покончить с собою без всяких засовов! Это неудобство мучило его, отравляло радость существования. Быть в крепости одному было совершенно немыслимо. Он привязывал дверь верёвками и цепочками, ставил перед нею кровать и другую мебель, но ничего не помогало: после продолжительной борьбы все разрушалось и разбивалось вдребезги товарищи торжествующе врывались в его камеру.

О, эти товарищи! Каждый из них был превосходнейшим и симпатичнейшим малым. С каждым из них можно без скуки поболтать наедине полчаса. Но вместе они были невыносимы, они пели, пили, играли по целым дням и ночам в карты. А кое-когда принимали у себя женщин, которых приводили услужливые денщики. Или предпринимали продолжительные экскурсии – вот и все геройские подвиги! Ни о чем другом они никогда и не говорили. Те, что сидели в крепости дольше других, были ещё хуже. Они совсем погибали в этом бесконечном безделье. Доктор Бюрмеллер, застреливший своего шурина и сидевший здесь уже целых два года, и его сосед, драгунский лейтенант граф фон Валендар, на полгода больше наслаждавшийся прекрасным воздухом крепости.

А те, что поступали сюда вновь, уже через неделю уподоблялись другим. Кто был самым грубым и необузданным, тот пользовался наибольшим почетом. Почетом пользовался и Фрэнк Браун. На второй же день он запер рояль, потому что не захотел больше слушать несносной «Весенней песни» ротмистра. Забрал ключ и бросил потом с крепостного вала. Он привез сюда и ящики с пистолетами и часто подолгу стрелял. Что же касается выпивки и ругательств, то он мог соперничать с кем угодно.

А ведь он, собственно, радовался этим летним месяцам в крепости. Он привез с собою целую кипу книг, новые перья и массу бумаги. Он думал, что сумеет здесь работать. Радовался заранее вынужденному одиночеству. Но за все время он не раскрыл ни одной книги, не написал даже письма. Он сразу втянулся в дикий, ребяческий хаос, который, однако, был противен ему, но из которого он не мог ни за что вырваться; он ненавидел своих товарищей, любого из них…

В саду появился денщик и откозырял:

– Господин доктор, письмо.

Письмо в воскресенье? Он взял его из рук солдата. Письмо было адресовано ему домой и оттуда переслано сюда. Он узнал тонкий почерк своего дяди. От него? Что ему вдруг понадобилось? Он помахал письмом в воздухе, – ах, ему захотелось отправить его обратно. Что ему за дело до старого профессора?! Да, это было последнее, что он от него видел с тех пор, как приехал вместе с ним в Лендених, после того торжества у Гонтрамов. С тех пор, как он старался убедить его создать Альрауне, с тех пор – прошло больше двух лет.

О, как давно это было! Он перешел в другой университет, сдал все экзамены. А теперь сидел в этой лотарингской дыре-в качестве референдария. Работал ли он? Нет, он продолжал жизнь, которую вёл студентом. Его любили женщины и все те, которым нравилась свободная жизнь и дикие нравы. Начальство относилось к нему неодобрительно. Правда, он работал иногда, но работу его начальство всегда называло ерундой. Как только появлялась возможность, он уезжал, отправлялся в Париж. Был больше у себя дома на Butte Sacree, чем в суде. Но, в

сущности, он не знал, чем все это кончится. Несомненно только одно: никогда не выйдет из него юриста, адвоката, судьи, даже чиновника. Но что же ему предпринять? Он жил изо дня в день, делал новые и новые долги. Он все ещё держал в руках письмо: хотел открыть, но в то же время его тянуло что-то вернуть письмо нераспечатанным.

Это был бы известного рода ответ, – хотя и запоздалый, – на другое письмо, которое написал ему дядя два года назад вскоре после той ночи. С пятью другими студентами он в полночь проезжал через деревню, возвращаясь с пикника. Вдруг ему пришла в голову мысль пригласить их в дом тен-Бринкена. Они оборвали звонок, громко кричали и неистово ломились в железные ворота. Поднялся такой адский шум, что сбежалась вся деревня. Тайный советник был в отъезде, но лакей впустил их по приказанию племянника. Они отвели лошадей в конюшню. Фрэнк Браун велел разбудить прислугу, приготовить ужин и сам отправился за винами в дядюшкин погреб.

Они пировали, пили и пели, буйствовали в доме и в саду, шумели и ломали все, что только попадалось под руку. Только рано утром уехали они с тем же криком и шумом, повиснув на своих лошадях, точно дикие ковбои, и некоторые – словно мешки с мукой. Молодые люди вели себя, как свиньи, доложил Алоиз тайному советнику.

Тем не менее другое рассердило профессора, – про это он ни слова не сказал бы. Но на буфете лежали яблоки, свежие груши и персики из его оранжерей. Редкие плоды, взращённые с невероятными трудностями. Первые плоды новых деревьев, – они лежали там в вате на золотых тарелках и созревали. Но студенты не сочли нужным считаться со стараниями профессора и беспощадно набросились на добычу. Одни откусывали по кусочку, но, убедившись, что те ещё не поспели, кидали их на пол.

Профессор написал племяннику недовольное письмо и просил его не переступать больше порога его дома. Фрэнк Браун был глубоко оскорблён, проступок казался ему пустою безделицей. Ох, если бы письмо, которое он сейчас держал в руке, пришло туда, куда оно адресовано, в Мец или даже на Монмартр, – ни минуты не колеблясь, отослал бы его обратно нераспечатанным.

Но здесь – здесь, в этой невыносимой скуке?

Он решился.

– Во всяком случае, хоть какое-нибудь развлечение, – повторил он и распечатал письмо. Дядя сообщал ему, что при зрелом размышлении он решил последовать совету, данному племянником. У него имеется уже подходящий объект для отца: прошение о пересмотре дела убийцы Неррисена оставлено без последствий, и нужно думать, что и прошение о помиловании будет также отклонено. Он ищет теперь только мать. Он сделал несколько попыток, но они не привели ни к каким результатам. По-видимому, не так-то легко найти что-нибудь подходящее. Но время не ждёт, и он спрашивает племянника, не хочет ли тот помочь в этом деле.

Фрэнк Браун повернулся к денщику.

– Что, почтальон ещё здесь? – спросил он.

– Так точно, господин доктор, – ответил солдат.

– Скажи, чтобы подождал. Вот, дай ему на чай. Он пошарил в кармане и наконец нашёл монету. С письмом в руках он быстро пошел к крепости, но едва он достиг казарменного двора, как навстречу показалась жена фельдфебеля, а позади неё телеграфист.

– Для вас телеграмма, – сказала она.

Телеграмма была от доктора Петерсена, ассистента тайного советника. Она гласила: «Его превосходительство сейчас Берлине, гостинице «Рим». Ждём немедленного ответа, можете ли приехать».

Его превосходительство? Так, значит, дядюшка стал превосходительством! Поэтому-то, наверное, он и в Берлине-в Берлине – ах, жалко, лучше бы он поехал в Париж, там, наверное, легче найти что-нибудь, и, во всяком случае, более подходящее, нежели здесь…

Но безразлично, Берлин – так Берлин. Во всяком случае, хоть какая-то перемена. Он задумался на минуту. Он должен уехать, уехать сегодня же вечером. Но – у него нет ни гроша. У товарищей тоже.

Он посмотрел на жену фельдфебеля. «Послушайте… – начал он, но вовремя удержался: – Дайте ему на чай и запишите на мой счет».

Он отправился в свою комнату, упаковал чемодан и велел денщику отнести его тотчас же на вокзал и ждать там. Потом сошел вниз.

В дверях стоял фельдфебель, смотритель тюрьмы. Он ломал руки и, по-видимому, был страшно взволнован. «Вы тоже хотите уехать, господин доктор? – жалобно спросил он. – А тех трех господ уже нет, они в Париже-за границей! Господи, чем все это только кончится? Я попадусь, ведь я один – на мне вся ответственность».

– Ну, не так страшно, – ответил Фрэнк Браун, – я уезжаю всего на два дня. Тогда, наверное, уже вернутся и те. Фельдфебель начал опять: «Да ведь я не из-за себя только. Мне все равно, но другие мне завидуют. А сегодня как раз будет дежурить сержант Беккер. Он…»

– Он будет молчать, – возразил Фрэнк Браун, – он только что получил от нас больше тридцати марок – милосердное подаяние англичан. Впрочем, я зайду в Кобленце в комендантское управление и возьму отпуск. Ну, вы довольны?

Но смотритель вовсе не был доволен: «Как? В управление? Помилуйте, господин доктор! Ведь у вас нет пропуска в город. А вы ещё хотите в комендантское управление!»

Фрэнк Браун рассмеялся: «Именно туда-то я и пойду. Я хочу призанять деньжонок у коменданта».

Фельдфебель не произнес ни слова, – стоял неподвижно точно окаменев, с широко раскрытым ртом.

– Дай-ка мне десять пфеннигов, – крикнул Фрэнк Браун денщику, – мне надо заплатить у моста. Он взял монету и быстрыми шагами пошел к двери. Оттуда через офицерский сад, перелез через стену, нашарил на другой стороне сук огромного дуба и спустился по стволу. Потом пробрался к реке.

Через двадцать минут он был уже внизу. По этой дороге они обыкновенно прокрадывались во время ночных прогулок. Он пошел вдоль Рейна до моста, а потом направился в Кобленц. Явился в комендантское управление, узнал, где квартира генерала, и поспешил туда. Послал свою визитную карточку и велел сказать, что пришел по крайне важному делу.

– Чем могу служить?

Фрэнк Браун сказал: «Простите, ваше превосходительство, я арестованный с гауптвахты».

Старый генерал недовольно посмотрел на него, видимо, рассерженный неожиданным ответом.

– Что вам угодно? Да и как вы пришли в город? У вас есть пропуск?

– Есть, ваше превосходительство, – ответил Фрэнк Браун. – Пропуск в церковь. Он лгал, но знал хорошо, что генералу нужен только какой-нибудь ответ. «Я пришел просить ваше превосходительство дать мне отпуск на три дня в Берлин. Мой дядя умирает».

Комендант вспыхнул: «Какое мне дело до вашего дяди? Нет, невозможно! Вы сидите там наверху не для своего удовольствия, а потому, что нарушили законы государства, понимаете? Всякий может прийти и сказать – что у него умирает дядя или тетка. Если бы это, по крайней мере, были родители, я ещё понимаю! Я принципиально отказываю вам в отпуске!»

– Покорно благодарю, ваше превосходительство, – ответил Фрэнк Браун. – Тогда я немедленно телеграфирую своему дяде «Его превосходительству действительному тайному советнику профессору тен-Бринкену, что его единственному племяннику не разрешают приехать, чтобы закрыть его усталые глаза».

Он поклонился и направился к двери. Но генерал удержал его. Он этого ждал.

– Кто ваш дядя? – спросил он, колеблясь в нерешительности.

Фрэнк Браун повторил имя и громкий титул, вынул из кармана телеграмму и протянул коменданту: «Мой бедный дядюшка приехал в Берлин делать операцию, но она, к несчастью, прошла неудачно».

– Гм! – заметил комендант. – Поезжайте, молодой человек, поезжайте скорее. Быть может, его ещё удастся спасти.

Фрэнк Браун состроил плачевную мину и сказал: «Все зависит от Бога. Если моя молитва дойдёт до Него… – Он подавил глубокий вздох и продолжал: – Благодарю вас, ваше превосходительство. Но у меня есть ещё одна просьба».

Комендант вернул ему телеграмму.

– В чем дело? – спросил он.

Фрэнк Браун решился сказать прямо.

– У меня нет денег на дорогу. Я хочу просить ваше превосходительство одолжить мне триста марок.

Генерал недоверчиво посмотрел на него.

– Нет денег, гм – так, так – нет денег? Но ведь вчера было первое! Разве вы не получили?

– Нет, получил, ваше превосходительство, – ответил он поспешно. – Но ночью всё проиграл.

Старый комендант рассмеялся. «Так вам и нужно, злодей. Значит, вы хотите триста марок?»

– Да, ваше превосходительство. Мой дядюшка будет, конечно, очень обрадован, если я передам ему, что ваше превосходительство помогли мне выйти из затруднительного положения.

Генерал повернулся, подошел к несгораемому шкафу, открыл его и вынул три кредитных билета, подал Брауну перо и заставил написать расписку; потом дал деньги. Тот взял их, слегка поклонился:

– Крайне обязан, ваше превосходительство!

– Не стоит благодарности, – ответил комендант. – Поезжайте и возвращайтесь вовремя. Кроме того, передайте от меня сердечный привет его превосходительству.

Ещё раз «Крайне обязан, ваше превосходительство». Потом последний поклон – и Фрэнк Браун вышел из комнаты. Одним взмахом перескочил он шесть ступеней лестницы и еле удержался, чтобы не испустить радостный крик.

– Ну, пока все благополучно. – Он подозвал экипаж и поехал на вокзал в Эренбрейштейн. Посмотрел там расписание и увидел, что ждать ещё около грех часов. Он подозвал денщика, сторожившего чемодан, велел ему скорее сбегать наверх и позвать в «Красный петух» поручика фон Плессена.

– Смотри только, не спутай, – добавил он. – Того молодого господина, который приехал недавно, у него на спине № 6. Подожди-ка! Твои десять пфеннигов принесли уже проценты. – Он кинул ему десятимарковую монету.

Он отправился в ресторан, долго обдумывал меню и заказал наконец изысканный ужин. Сел у окна и стал смотреть на бесконечную толпу обывателей, гулявших по берегу Рейна.

Наконец появился поручик.

– Ну, в чем дело?

– Садись, – ответил Фрэнк Браун. – Но молчи и не спрашивай, ешь, пей и будь доволен. – Он дал ему стомарковый билет: – Вот, заплатишь за ужин. А сдачу возьми себе и скажи там наверху, что я уехал в Берлин – получил отпуск. По всей вероятности, я опоздаю и приеду не раньше конца недели.

Белобрысый поручик посмотрел на него с почтительным удивлением: «Скажи, пожалуйста, как тебе удалось все устроить?»

– Это тайна, – ответил Фрэнк Браун. – Но все равно вы бы ею не сумели воспользоваться, если бы я даже вам рассказал. Ещё раз его превосходительство надуть не удастся. Твое здоровье! Поручик проводил его на вокзал, помог внести чемодан и долго ещё махал ему шляпой и носовым платком. Фрэнк Браун отошёл от окна и забыл в ту же минуту и маленького поручика и своих товарищей, и крепость. Он разговорился с кондуктором и расположился в купе. Потом закрыл глаза и заснул.

Кондуктору пришлось его долго расталкивать, пока он проснулся.

– Сейчас вокзал Фридрихштрассе.

Он собрал вещи, вышел из вагона и поехал в отель. Велел дать комнату, принял ванну, переоделся. И сошел вниз, в ресторан.

В дверях его встретил доктор Петерсен.

– Ах, это вы, господин доктор, – воскликнул он. – Как обрадуется его превосходительство. Его превосходительство! Опять его превосходительство. Это слово резало слух.

– Как поживает дядюшка? – спросил он. – Ему лучше?

– Его превосходительство вовсе не болен.

– Ах, вот как, – заметил Фрэнк Браун. – Вовсе не болен?!

Жаль, – я думал, что дядюшка умирает. Доктор Петерсен посмотрел с изумлением:

– Я вас не понимаю…

Но он перебил: «Совсем и не нужно. Мне только жаль, что профессор не на смертном одре. Это было бы очень мило. Я бы похоронил его тут. Конечно, при условии, если бы он не лишил меня наследства. Хотя это очень возможно – и даже вполне вероятно. – Он увидел недоумевающее лицо врача и насладился его смущением. Потом продолжал: – Но скажите, доктор, с каких пор мой дядюшка стал его превосходительством?»

– Уже четыре дня, по случаю…

Он перебил:

– Уже четыре дня? А сколько лет вы у него в качестве – в качестве правой руки?

– Десять лет, – ответил доктор Петерсен.

– Целых десять лет вы его называли тайным советником, я теперь в четыре дня он успел настолько стать его превосходительством, что вы не можете его себе иначе представить?

– Простите, господин доктор, – возразил ассистент смущенно и робко, – что вы, собственно, хотите этим сказать?

Но Фрэнк Браун взял его под руку и повел к столу: «О, я хочу только сказать, что вы вполне светский человек. Вы любите всякие условности, у вас врождённый инстинкт к изысканной светскости. Вот что хотел я сказать. А теперь, доктор, давайте позавтракаем, и вы мне расскажете, что вам удалось уже сделать».

Вполне удовлетворенный, доктор Петерсен сел. Он примирился со странным тоном молодого человека. Ведь этот юный референдарий, которого он знал ещё мальчиком, такой ветрогон, сорвиголова. И к тому же он всё-таки племянник его превосходительства.

Ассистенту было тридцать шесть лет. Он был среднего роста. Фрэнку Брауну казалось, что все «средне» в этом человеке: не велик и не мал его нос, не уродливо, но и не красиво лицо. Он уже не молод, но и не стар, волосы не совсем темные, но и не совсем ещё седые. Сам он не глуп, но и не умен, не особенно скучен, но и не особенно интересен. Одет не элегантно, но и не так уж плохо. Во всем воплощал он золотую середину: он был именно таким человеком, какой нужен тайному советнику. Хороший работник, достаточно умный, чтобы понимать и делать, что от него требовали, и притом не настолько интеллигентный, чтобы выходить из отведённых ему рамок и проникать в суть той запутанной игры, которую вёл его патрон.

– Сколько вы получаете у дядюшки?-спросил Фрэнк Браун.

– Не очень-то много, но во всяком случае достаточно, – послышалось в ответ. – Я доволен. К новому году я получил опять четыреста марок прибавки. – Он заметил к своему удивлению, что Фрэнк Браун начал завтрак с десерта: съел яблоко и тарелку вишен.

– Какие сигары вы курите? – продолжал допытываться референдарий.

– Какие сигары? Средние, не слишком крепкие… – Он перебил себя. – Но почему вы об этом спрашиваете?

– Так, – ответил референдарий, – мне интересно… Но расскажите же, что вы, собственно, успели подготовить к нашему делу. Доверил ли вам профессор свой план? Конечно, – с гордостью сказал доктор Петерсен, – я единственный человек, который знает об этом, – кроме вас, разумеется. Опыт имеет огромное научное значение.

Фрэнк Браун закашлялся: «Гм, вы думаете?»

– Безусловно, – ответил врач. – Прямо-таки гениально, как его превосходительство все устроил и подавил возможность каких-либо нападок. Вы ведь знаете, как нужно остерегаться. Вообще на нас, врачей, всегда нападает публика за различные опыты, безусловно, необходимые. Вот, например, вивисекция. Господи, люди буквально не переносят этого слова. Эксперименты с возбудителями болезней, прививками и так далее словцо сучок в глазу для прессы. Тогда как мы производим опыты почти исключительно над животными. Что же было бы теперь, когда вопрос идёт об искусственном оплодотворении, и тем более человека? Его превосходительство нашёл единственную возможность: он берёт приговоренного к смерти преступника и проститутку, которой даёт за это вознаграждение. Посудите же сами: за такой материал не вступится самый гуманный пастор.

– Действительно, гениально, – подтвердил Фрэнк Браун. – Вы совершенно правы, преклоняюсь перед изобретательностью вашего патрона.

Доктор Петерсен рассказал, что его превосходительство с его помощью делал в Кёльне различные попытки найти подходящую женщину, но все они были безуспешны. Оказалось, что в тех слоях населения, из которых обычно выходят эти существа, господствуют совершенно своеобразные понятия об искусственном оплодотворении. Им не удалось толком объяснить женщинам сущность дела, – не говоря уже о том, чтобы побудить какую-либо из них заключить договор. А между тем его превосходительство пускал в ход все свое красноречие, доказывал самым очевидным образом, что, во-первых, нет ни малейшей опасности, во-вторых, что они могут заработать хорошие деньги и, наконец, в-третьих, могут оказать огромную услугу медицине.

– Одна даже закричала во все горло: на всю науку ей… – она употребила очень некрасивое выражение.

– Фу! – заметил Фрэнк Браун, – как она только могла!

– Но тут как раз подвернулся удобный случай, его превосходительство должен был поехать в Берлин на интернациональный гинекологический конгресс. Здесь, в столице, представится, несомненно, гораздо более богатый выбор. Кроме того, нужно полагать, что и понятия здесь не такие отсталые, как в провинции. Даже в этих кругах здесь, наверное, не такой суеверный страх перед всем новым и, вероятно, больше практического понимания материальных выгод и больше идеального интереса к науке.

– Особенно последнего, – подчеркнул Фрэнк Браун.

Доктор Петерсен согласился. Просто невероятно, с какими устарелыми воззрениями пришлось им столкнуться в Кёльне.

Любая морская свинка, любая обезьяна бесконечно разумнее и понятливее, чем все эти женщины. Он совершенно отчаялся в высоком интеллекте человечества. Но он надеется, его поколебленная вера снова укрепится здесь.

– Без всякого сомнения, – подтвердил Фрэнк Браун. – Действительно, было бы величайшим позором, если бы берлинские проститутки спасовали перед обезьянами и морскими свинками. Скажите, когда придет дядюшка? Он уже встал?

– Давно, – любезно ответил ассистент. – Его превосходительство уже вышел: у него в десять часов аудиенция в министерстве.

– Ну, а потом? – спросил Фрэнк Браун.

– Я не знаю, сколько он там пробудет, – ответил доктор Петерсен. – Во всяком случае, его превосходительство просил ждать его в два часа на заседании конгресса. В пять часов у него опять важное свидание здесь, в отеле, с несколькими берлинскими коллегами. А в семь часов его превосходительство будет обедать у директора. Быть может, вы в этот промежуток его повидаете…

Фрэнк Браун задумался. В сущности, очень приятно, что дядюшка занят весь день: не нужно было и думать о нем. «Будьте добры передать дядюшке, – сказал он, – что мы встретимся с ним в одиннадцать часов вечера здесь внизу, в отеле».

– В одиннадцать? – Ассистент сделал озабоченное лицо. – Не слишком ли поздно? Его превосходительство в это время уже ложится спать. И особенно после такого утомительного дня!

– Его превосходительству придется лечь сегодня немного позднее. Будьте добры передать ему это, – категорически заявил Фрэнк Браун. – Одиннадцать часов совсем не поздно для наших целей – скорее даже несколько рано. Назначим же лучше в двенадцать. Если бедный дядюшка слишком устанет, он может до тех пор немного поспать. А теперь, доктор, будьте здоровы – до вечера. – Он встал, поклонился и вышел. Он закусил губы и почувствовал вдруг, как глупо было все то, что он тут говорил добродушному доктору. Как мелочна была ирония, как дёшевы остроты. Ему стало стыдно. Нервы его требовали какого-нибудь дела – а он болтал чепуху; мозг его излучал искры – а он делал потуги на остроумие.

Доктор Петерсен долго смотрел ему вслед. «Какой он заносчивый, – сказал он сам себе. – Даже руки не подал». Он налил ещё кофе, подбавил молока и намазал аккуратно бутерброд. А потом подумал с искренним убеждением: заносчивость к добру не ведёт.

И, как нельзя более удовлетворенный своей обывательской мудростью, стал есть хлеб и поднес ложку к губам. Был почти час ночи, когда явился Фрэнк Браун.

– Прости, дядюшка, – сказал он небрежно.

– Да, племянничек, – заметил тайный советник, – долго заставляешь себя ждать.

Фрэнк Браун широко раскрыл глаза: «Я был очень занят, дядюшка. Впрочем, ведь ты тут ждал не из-за меня, а из-за своих собственных планов».

Профессор посмотрел на него недовольно.

– Послушай!.. – Начал было он. Но овладел собою. – Впрочем, оставим. Благодарю тебя во всяком случае, что приехал мне помочь. Ну, пойдем.

«Нет, – заявил Фрэнк Браун все с тем же ребяческим упрямством. – Мне хочется выпить сначала стакан виски, у нас ещё времени много». Доводить все до крайних пределов было в его натуре. Чувствительный к малейшему слову, к малейшему упреку, он все же любил быть упрямым до дерзости со всеми, с кем встречался. Он постоянно говорил самую грубую правду, а сам не мог переносить даже намёка на неё. Он чувствовал, что задевает старика. Но именно тот факт, что дядюшка рассердился, что он так серьезно и даже трагически относился к его ребяческим выходкам, – это именно и оскорбляло его. Ему казалось чуть ли не унизительным, что профессор не понимает его, что не может проникнуть в его белокурую упрямую голову, и он невольно должен был с этим бороться, должен был доводить до конца свои капризы. Ему пришлось ещё плотнее надвинуть на себя маску и идти по тому пути, который обрёл на Монмартре: «Epater les bourgeois!» Он медленно опорожнил стакан и поднялся небрежно, точно

меланхоличный принц, которому скучно. «Ну, если хотите! – Он сделал жест, точно говорил с кем-то, стоящим гораздо ниже его. – Кельнер, прикажите подать экипаж».

Они поехали. Тайный советник молчал; его нижняя губа свешивалась вниз, а на щеках под глазами виднелись большие мешки. Огромные уши выдавались в обе стороны; правый глаз отливал каким-то зеленоватым блеском. «Он похож на сову, – подумал Фрэнк Браун, – на старую уродливую сову, которая ждёт добычи».

Доктор Петерсен сидел напротив на скамеечке, широко раскрыв рот. Он не понимал всего этого, – этого непозволительного отношения племянника к его превосходительству.

Но молодой человек скоро обрёл обычное равновесие. «Ах, к чему сердиться на старого дядюшку? Ведь и у него есть свои хорошие стороны».

Он помог выйти профессору из экипажа.

– Приехали! – воскликнул он. – Пожалуйста.

На большой вывеске, освещённой дуговым фонарем», красовалось: «Кафе Штерн». Они вошли, прошли мимо длинных рядов маленьких мраморных столиков, через толпу кричавших и шумевших людей. Найдя наконец свободное место, они уселись.

Здесь был целый базар. Вокруг сидело множество проституток, разряженных в пух и прах, с огромными шляпами, в пестрых шелковых блузках. Исполинские груды мяса, ожидавшие покупателя, точно разложенные во всю ширь, как в окнах мясной.

– Это достойное заведение? – спросил тайный советник.

Племянник покачал головою. «Нет, дядюшка, далеко нет, мы едва ли даже найдём тут, что нам нужно. Здесь ещё все хорошо. Нам придется спуститься пониже».

У рояля сидел человек в засаленном потертом фраке и играл один танец за другим. По временам посетители были недовольны его игрой. Пьяные начинали кричать. Но явился директор и заявил, что ничего подобного не должно иметь места в приличном учреждении.

Тут было много приказчиков, несколько мирных обывателей из провинции, – они казались самим себе очень передовыми людьми и до крайности безнравственными в разговорах с проститутками. А между столами шныряли неряшливые кельнеры, подавали стаканы и чашки. А иногда и большие графины с водой. К столику подошли две женщины, попросили угостить их кофе. Бесцеремонно уселись и заказали.

– Быть может, блондинка, – шепнул доктор Петерсен.

Но Фрэнк Браун покачал головою: «Нет, нет-совсем не то, что нам нужно. Это только мясо. Тогда уж лучше остаться вам с обезьянами».

Он обратил внимание на одну маленькую женщину, сидевшую сзади, поодаль. Она была смуглая с черными волосами; глаза её горели огоньком сладострастия. Он встал и знаком позвал её в коридор. Она покинула своего собеседника и подошла к нему.

– Послушай-ка… – начал он.

Но она поспешно ответила: «На сегодня у меня уже есть кавалер. Завтра, если хочешь».

– Брось его, – настаивал он, – пойдем, возьмём кабинет.

Это было очень заманчиво.

– Завтра, – нельзя ли, миленький, завтра? – спросила она. – Право, я сегодня не могу, это старый клиент, он платит двадцать марок.

Фрэнк Браун взял её за руку: «Я заплачу больше, гораздо больше, – понимаешь? Ты можешь сделать карьеру? Это не для меня – а для старика, вот видишь, там. И дело совсем особенное».

Она замолчала и посмотрела на тайного советника.

– Вот этот? – спросила она разочарованно. – Чего же он хочет?

– Люси, – закричал её спутник.

– Иду, иду, – ответила она. – Ну, так ещё раз – сегодня я не могу. А завтра поговорим, если хочешь. Приходи сюда в это время.

– Глупая женщина, – пробормотал он.

– Не сердись. Он убьет меня, если я с ним не пойду. Он всегда такой, когда напивается. Приходи завтра, слышишь? И брось старика, приходи один. Тебе не нужно даже платить, если не можешь.

Она оставила его и подбежала к своему столику. Фрэнк Браун видел, как черный господин начал её упрекать. О да, она должна остаться верной ему-по крайней мере, на эту ночь.

Он медленно пошел по зале, разглядывая женщин. Но не нашёл ни одной, которая показалась бы ему более или менее подходящей. Повсюду были ещё видны следы буржуазной порядочности, какое-то воспоминание о принадлежности к обществу. Нет, нет, тут не было ни одной, которая освободилась бы от всего, которая дерзко, самоуверенно идёт своею дорогою: «Смотрите на меня – я проститутка». Он затруднялся даже определить точно, чего, в сущности, искал. Он только чувствовал. Она должна быть такой, думал он, должна принадлежать сюда и никуда больше. Не как все эти, которых привлекла какая-нибудь слепая случайность. С тем же успехом они могли бы стать порядочными женщинами, работницами, горничными, манекенщицами или даже телефонистками, если бы только ветер жизни подул в другую сторону. Все они были проститутками только потому, что их делала проститутками грубая животность мужчин.

Нет, нет, – та, которую он искал, должна быть проституткой потому, что не может быть никем другим. Потому что кровь её так устроена, потому что каждый кусочек тела её жаждет постоянно новых объятий, потому что в объятиях одного её душа уже жаждет поцелуев другого. Она должна быть проституткой так же, как он… Он задумался: кто же он, в сущности?

Утомленно и нехотя он подумал: «Ну, так же, как я, – фантазером».

Он повернулся к столу.

– Пойдем, дядюшка, здесь нет ничего!

Тайный советник запротестовал было, но племянник настаивал на своем.

– Пойдем, дядюшка, – повторил он, – я обещал найти, что тебе нужно, и найду.

Они встали, расплатились и пошли по улице по направлению к северу.

– Куда? – спросил доктор Петерсен. Фрэнк Браун не ответил, он шагал вперёд и рассматривал большие вывески кафе. Наконец остановился.

– Здесь, – сказал он.

В грязном кафе не было даже претензии на внешний лоск. Правда, стояли посредине маленькие белые мраморные столики, красные плюшевые диваны. Здесь тоже горели повсюду электрические лампы и тоже шныряли неряшливые кельнеры в засаленных фраках. Но все выглядело так, будто и не хочется быть иным, чем кажется.

Было накурено, душно, – но все чувствовали себя, однако, свободно и приятно в этой атмосфере. Не церемонились, держались так, как хотели.

За соседним столиком сидели студенты. Пили пиво, перекидывались циничными замечаниями с женщинами. Цинизм их не знал пределов: из уст лился целый поток грязи. Один из них, маленький, толстый, с бесчисленными шрамами на лице, казался неисчерпаемым. А женщины ржали, покатывались со смеху и громко визжали.

Вокруг у стен сидели сутенеры и играли в карты или же молча смотрели по сторонам и насвистывали в такт пьяным музыкантам, пили водку. По временам с улицы заходила какая-нибудь проститутка, подходила к одному из них, говорила пару слов и вновь исчезала.

– Вот тут хорошо, – заметил Фрэнк Браун. Он кивнул кельнеру, заказал вишнёвую воду и велел позвать к столу нескольких женщин.

Подошли четверо. Но только они сели, как он увидел ещё одну, выходившую как раз из кафе. Высокая, стройная женщина в белой шелковой блузе; из-под небольшой шляпы выбивались пряди огненно-рыжих волос. Он быстро вскочил и бросился за нею на улицу.

Она перешла дорогу, небрежно, медленно, слегка покачивая бёдрами. Повернула налево; зашла в ворота, над которыми красовался красный транспарант. Танцевальный зал «Северный полюс», прочел он.

Он последовал по грязному двору и почти одновременно с нею вошёл в закопчённый зал. Но она не обратила на него ни малейшего внимания, остановилась и посмотрела на пляшущую толпу.

Тут кричали, шумели, высоко поднимали ноги – и мужчины и женщины. Плясали с такой яростью, что подымали целые столбы пыли; кричали в такт музыке. Он стал смотреть на новые танцы, кракетт и ликетт, которые видел в Париже на Монмартре и в Латинском квартале. Но там все было как-то легче, грациознее, веселее и изящнее. А здесь грубо, ни следа того, что Мадинет называла «flou». Но в бешеной пляске чувствовалась разгоряченная кровь, дикая страсть, наполнявшая собою весь низкий зал…

Музыка замолкла, в грязные потные руки танцмейстер стал собирать деньги-с женщин, а не с мужчин. Потом этот герой предместья подал знак оркестру начинать снова.

Но они не хотели рейнлендера. Они кричали что-то капельмейстеру, хотели заставить его прекратить музыку. Но она не замолкала и точно боролась с залом, чувствуя себя в безопасности там наверху, за балюстрадой.

Они обрушились на танцмейстера. Тот знал этих женщин и мужчин, не испугался их пьяных криков и угрожающе поднятых кулаков. Но он знал всё-таки, что уступить не мешает.

– Эмиль! – закричал он наверх. – Играйте Эмиля!

Толстая женщина в огромной шляпе подняла руки и обвила их вокруг пыльного фрака танцмейстера:

– Браво, Густав, вот это так!

Его оклик тотчас же успокоил недовольную толпу. Они рассмеялись, закричали «браво» и стали похлопывать его снисходительно по плечу.

Начался вальс.

– Альма! – закричал кто-то посреди зала. – Альма, сюда! – Он оставил партнёршу, подбежал и схватил за руку рыжую проститутку. Это был маленький черный парень с гладко прилизанными на лбу волосами и с блестящими пронизывающими глазами.

– Идём же! – крикнул он и крепко обнял её за талию.

Проститутка начала танцевать. Ещё наглее, чем другие, закружилась она в быстром вальсе. Через несколько тактов она совсем оживилась, раскачивала бёдрами, опрокидывалась назад и вперёд. Выставляла тело, соприкасалась коленями с кавалером. Бесстыдно, грубо, чувственно.

Фрэнк Браун услышал возле себя чей-то голос и увидел танцмейстера, который со своего рода восхищением смотрел на танцующую пару: «Здорово она вертится!»

«Она не стесняется», – подумал Фрэнк Браун. Он не спускал с неё глаз. Когда музыка замолкла, он быстро подошел и положил ей на плечо руку.

– Сперва заплати! – закричал кавалер.

Он дал ему монету. Проститутка быстро оглядела его с ног до головы. «Я живу недалёко, – сказала она, – минуты три, не больше…»

Он перебил её: «Мне безразлично, где ты живёшь. Пойдем!»

Тем временем в кафе тайный советник угощал женщин. Они пили шерри-бренди и просили его заплатить за них по старому счету: за пиво, ещё за пиво, потом за пирожные и за чашку кофе. Тайный советник заплатил А затем начал пытать счастье. Он мог предложить им кое-что интересное; кто из них захочет, пусть скажет. Если же на его выгодное предложение согласятся две или три, или даже четыре, то пусть они кинут жребий.

Худощавая Женни положила руку ему на плечо: «Знаешь, старикашка, лучше уж мы кинем жребий сейчас. Это будет умнее. Потому что и я, и они – мы согласны на все, что бы

ты ни предложил». А Элли, маленькая блондинка с кукольной головкою, поддержала её: «Что сделает моя подруга, то сделаю и я. Нет ничего невозможного! Только бы получить деньжонок. – Она вскочила с места и принесла кости: – Ну, дети, кто хочет кидать жребий?»

Но толстая Анна, которую они называли «курицей», запротестовала. «Мне всегда не везёт, – сказала она. – Может, ты заплатишь и другим, тем, которые не вытянут?

– Хорошо, – согласился тайный советник, – по пяти марок каждой. – Он выложил на стол три монеты.

– Какой ты хороший! – похвалила его Женни и, чтобы подкрепить похвалу, заказала ещё шерри-бренди.

Как раз она и выиграла. Взяла три монеты и протянула подругам: «Вот вам в утешение, а ты, старикашка, выкладывай: впрочем, я заранее согласна на все!»

– Ну, так слушай, голубушка, – начал тайный советник – речь идёт о довольно-таки необычном деле…

– Не стесняйся, лысенький! – перебила его проститутка.

– Мы давно не девочки, и уж во всяком случае не я, длинная Женни! Разные, конечно, бывают мужчины, – но у кого есть опыт, того ничем не удивишь.

– Вы не понимаете меня, милая Женни, – сказал профессор, – я отнюдь не требую от вас ничего особенного, дело идёт просто-напросто о чисто научном эксперименте.

– Знаю, знаю! – взвизгнула Женни. – Знаю! Ты доктор, наверное. У меня уже был раз такой, – он всегда начинал с науки – это самые большие свиньи! Ну, за твое здоровье, старикашка, я не имею ничего против. Мною ты будешь доволен!

Тайный советник чокнулся с нею: «Я очень рад, что у тебя нет никаких предрассудков, – мы с тобою скоро сойдемся. Короче говоря, дело идёт об опыте искусственного оплодотворения».

– О чем? – перебила Женни. – Об искусственном – оплодотворении? Какое же тут особое искусство? Ведь это всегда очень просто!

А черная Клара захохотала: «Мне, во всяком случае, было бы приятнее искусственное бесплодие!»

Доктор Петерсен пришел на помощь своему патрону.

– Разрешите мне объяснить?

И когда профессор утвердительно кивнул головою, он прочел небольшую лекцию об их планах и достигнутых до сих пор результатах и о возможностях в будущем. Он подчеркнул особенно выразительно, что опыт совершенно безболезнен, и что все животные, над которыми до сих пор производились эти опыты, всегда чувствовали себя превосходно.

– Какие животные? – спросила Женни.

Ассистент ответил: «Ну, крысы, обезьяны, морские свинки».

Она вскочила: «Как? Морские свинки! Я, может быть, правда, свинья, – пожалуй и грязная! Но морской свиньей меня не называл ещё никто! А ты, плешивый, хочешь ещё обращаться со мною, как с морскою свиньею? Нет, дорогой мой, на это я не пойду!»

Тайный советник попробовал её успокоить и налил ей ещё рюмку. «Пойми же, дитя моё…»-начал он. Но она не дала ему говорить. «Прекрасно понимаю! – закричала она. – Чтобы я позволила с собою то, что вы делаете с грязными животными! Чтобы вы мне вспрыскивали всякую дрянь – а в конце концов сделали бы какую-нибудь вивисекцию? – Она не унималась и вся покраснела от злобы и возмущения. – Или чтобы я родила какое-нибудь чудовище, которое вы стали бы показывать людям за деньги?! Ребенка с двумя головами и крысиным хвостом? Или чтобы он походил на морскую свинью? Я знаю, знаю, откуда они берут этих чудовищ в паноптикуме, – вы, наверное, агенты от них?! И чтобы я согласилась на искусственное оплодотворение?! Вот тебе, старая свинья, – твое искусственное оплодотворение!» Она вскочила с места, перегнулась через стол и плюнула тайному советнику прямо в лицо.

Потом взяла рюмку, спокойно выпила коньяк, быстро повернулась и с гордым видом отошла.

В эту минуту в дверях показался Фрэнк Браун и подал знак следовать за ним.

– Подите-ка, господин доктор, подите-ка сюда поскорее! – взволнованно крикнул ему доктор Петерсен, помогая в то же время профессору вытереться.

– В чем дело? – спросил референдарий, подойдя к столу.

Профессор искоса посмотрел на него злым, как ему показалось, недовольным взглядом. Три проститутки стали кричать взапуски, между тем как доктор Петерсен объяснял ему, что без него произошло. «Что же теперь делать?» – заключил он. Фрэнк Браун пожал плечами:

– Делать? Ничего. Заплатить и уйти, – больше ничего. Да и к тому же я нашёл, что нам нужно.

Они вышли на улицу. Перед выходом стояла рыжая девушка и зонтиком подзывала экипаж. Фрэнк Браун подсадил её и помог сесть профессору и его ассистенту. Потом крикнул кучеру адрес и сел тоже.

– Позвольте, господа, представить вас друг другу, – сказал он. – Фрейлейн Альма – его превосходительство тайный советник тен-Бринкен – доктор Карл Петерсен.

– Ты с ума сошел? – закричал на него профессор.

– Нисколько, дядюшка, – спокойно ответил племянник. – ведь все равно, если фрейлейн Альма пробудет долгое время у тебя в доме или в клинике, она узнает твое имя, хочешь ты того или нет. – Он повернулся к девушке. – Простите, фрейлейн Альма, мой дядюшка действительно слишком состарился!

В темноте он не видел, но слышал, как в бессильной ярости сжимались толстые губы. Ему это было приятно, он ждал, чтобы дядюшка обрушился на него.

Он ошибся. Тайный советник ответил спокойно: «Ты, значит, уже рассказал ей, в чем дело?»

Фрэнк Браун рассмеялся ему прямо в лицо. «Ничего подобного! Я не говорил ни слова об этом. Я прошел с фрейлейн Альмой всего несколько шагов – и не сказал с нею больше десяти слов. А до того – я видел, как она танцевала…»

– Но, господин доктор, – прервал его ассистент, – ведь после того, чему мы сейчас были свидетелями…

– Дорогой Петерсен, – сказал Фрэнк Браун несколько свысока, – успокойтесь. Я убедился, что эта барышня – именно то, что нам нужно. По-моему, этого совершенно достаточно.

Экипаж остановился перед рестораном. Они вышли. Фрэнк Браун потребовал отдельный кабинет, и кельнер проводил их.

Он подал карточку вин, и Фрэнк Браун заказал две бутылки Роттегу и бутылку коньяку. «Только поскорее, пожалуйста!» – сказал он. Кельнер принес вино и удалился.

Фрэнк Браун закрыл двери. Потом подошел к девушке:

– Пожалуйста, фрейлейн, снимите шляпу.

Она сняла шляпу: дикие, освобождённые от шпилек волосы рассыпались по лбу и щекам. Её лицо было почти прозрачного цвета, как у всех рыжих женщин, – только кое-где виднелись небольшие веснушки. Глаза сверкали зеленоватым блеском, а небольшие блестящие зубы вырисовывались между тонкими синеватыми губами. На всем лежал отпечаток всепоглощающей, почти неестественной чувственности.

– Снимите блузу, – сказал он.

Она молча повиновалась. Он расстегнул пуговицы на плечах и спустил с неё сорочку.

Фрэнк Браун посмотрел на дядюшку. «Я думаю, достаточно, – сказал он. – Остальное вы и так видите. Бедра её не оставляют желать ничего лучшего. – Он повернулся снова к девушке: – Благодарю вас, Альма, можете одеться!»

Девушка повиновалась, взяла бокал, который он ей протянул, и опорожнила. И с этой минуты он стал следить за тем, чтобы её бокал ни на секунду не оставался пустым.

Он начал говорить. Рассказывал о Париже, говорил о красивых женщинах в «Moulin de Galette», «Elisee Monmarte», описывал подробно, как они выглядят, рассказывал об их ботинках, об их шляпах и платьях.

Потом обратился к Альме. «Знаете, Альма, просто безобразие, что вы тут бегаете. Только не обижайтесь на меня. Ведь вы же нигде не показываетесь. Были вы хоть в Унион-баре или в Аркадии?» Нет, она ещё не была. Она не была даже в залах Амура. Как-то один кавалер взял её с собою на бал, но когда на следующий вечер она пришла туда одна, её не впустили. Нужно иметь подходящий туалет…

_ Конечно, нужно! – подтвердил Фрэнк Браун. – Неужели она думает, что добьётся чего-нибудь здесь, в этих кафе? Она рассмеялась: «Ах, в конце концов, не все ли равно – мужчины всегда мужчины!»

Но он не унимался, принялся рассказывать о всяких чудесных историях, о женщинах, которые нашли свое счастье в больших бальных залах. Говорил ей о жемчужных нитях, об огромных бриллиантах, рассказывал об экипажах, о блестящих выездах. Потом вдруг спросил: «Скажите, вы уже давно так живёте?»

Она спокойно ответила: «Два года, с тех пор, как я ушла из дому».

Он принялся её расспрашивать и шаг за шагом выпытал все, что хотел знать. Чокался с нею, подливал ей беспрестанно вина и незаметно для неё добавлял в шампанское коньяк.

Ей ещё нет двадцати лет, она из Гальберштадта. Её отец – булочник, честный, порядочный, – также и мать, и шестеро братьев и сестер. Она, как только кончила школу, через несколько дней после конфирмации сошлась с одним человеком, с одним из подмастерьев отца. Любила ли она его? Ничуть не бывало – то есть почти нет – только разве когда… Да, а потом был ещё один, и ещё. Отец бил её и мать тоже, но она каждый день убегала и проводила ночи вне дома. Так продолжалось несколько лет – пока в один прекрасный день родители не выгнали её. Она заложила часы и уехала в Берлин. И вот теперь она здесь…

Фрэнк Браун заметил: «Да, да, такие-то дела. – Потом продолжал: – Но сегодня пробил для вас счастливый час!»

– Вот как? – спросила она. – Неужели? – Её голос звучал как-то хрипло. – Мне ничего не нужно – только мужчину, ничего больше!

Но он знал, как к ней подойти. «Но, Альма, вам ведь приходится довольствоваться всяким мужчиной, который вас хочет! Разве вам не хотелось, чтобы это было наоборот? Чтобы вы сами могли брать того, кто вам понравится?»

Её глаза засверкали: «Да, этого мне бы очень хотелось!»

Он засмеялся: «Разве вам никогда не встречался на улице кто-нибудь, кто бы вам очень нравился? Разве не было бы великолепно, если бы вы сами могли выбирать?»

Она засмеялась в свою очередь: «Тебя, милый, я уж наверняка бы выбрала…»

– И меня, – подтвердил он, – и всякого – кого бы захотела! Но это ты сможешь делать только тогда, когда у тебя будут деньги. Вот поэтому-то я и говорю, что сегодня для тебя счастливый день. Ты можешь, если захочешь, – заработать сегодня много денег.

– Сколько? – спросила она.

Он ответил: «Во всяком случае, достаточно, чтобы купить себе самые красивые платья, чтобы перед тобою открылись двери самых лучших и самых шикарных кафе. Сколько? Ну, скажем, тысяч десять – или даже двенадцать».

«Что?» – перебил его ассистент. А профессор, который даже и не помышлял о такой сумме, сказал: «По-моему, ты немного бесцеремонно распоряжаешься чужими деньгами!»

Фрэнк Браун весело рассмеялся: «Послушай, Альма, как господин тайный советник удивился, услышав про деньги, которые он должен тебе заплатить. Но я тебе говорю: дело не

в деньгах. Ты ему поможешь, – значит, и он тебе должен помочь. Ну, хочешь – пятнадцать тысяч?»

Она удивленно посмотрела на него:

– Да, но что я должна сделать?

– Тут-то и начинается самое смешное, – сказал он. – В сущности, делать ничего не нужно. Только немного молчать, вот и все. Твое здоровье!

Она выпила.

– Молчать? – весело вскричала она. – Молчать-то я не особенно люблю. Но если нужно – за пятнадцать тысяч. – Она выпила вино, и он снова наполнил бокал.

– Это очень интересная история, – начал он. – Есть один господин граф – или, вернее, даже князь. Красивый малый, – он, наверное, очень бы тебе понравился. Но, к сожалению, ты не сумеешь его увидеть – он сидит в тюрьме, и его скоро казнят. Бедный малый – он, в сущности, так же невинен, как ты или я. Он только вспыльчив немного. Вот поэтому-то и произошло несчастье. В пьяном виде он поссорился и застрелил своего лучшего друга. И теперь его скоро казнят.

– При чем же тут я? – спросила она поспешно. Её ноздри раздулись: в ней пробудился уже интерес к этому чудесному князю.

– Да – видишь ли, – продолжал он, – ты должна помочь исполнить его последнюю волю…

– Да, да, – быстро закричала она, – я понимаю! Он хочет ещё раз побыть с женщиной, не так ли? Я сделаю это, сделаю с удовольствием.

– Браво, Альма, – похвалил Фрэнк Браун, – ты добрая девушка. Но дело не так просто. Послушай, что я тебе расскажу. Итак, когда он заколол своего друг – то есть застрелил, хотел я сказать, – он бросился к своим близким, он думал найти у них защиту, думал, что они помогут бежать. Но они не сделали этого. Они знали, что он страшно богат, и поняли, что им представился удобный случай завладеть его состоянием. Они позвали полицию.

– Черт бы их побрал! – с негодованием вставила Альма.

– Да, не правда ли, – продолжал он, – это была страшная подлость?! Ну, так вот, его посадили в тюрьму – и что же, ты думаешь, хочет сделать теперь этот князь?

– Отомстить? – ответила она быстро.

– Правильно, Альма, ты недаром начиталась романов. Он решил отомстить, только лишив их наследства. Ты понимаешь?

– Конечно, понимаю, – сказала она. – Эти негодяи не должны получить ничего. И будет вполне справедливо.

– Но как это сделать, – продолжал он, – вот в чем вопрос! После долгого размышления он нашёл единственное средство: он только тогда может лишить родственников своих миллионов, если у него самого будет ребенок!

– Разве у князя есть уже ребенок? – спросила она.

– Нет, – ответил он, – пока нет. Но ведь он ещё жив. Он может ещё…

Она задумалась, её грудь порывисто подымалась и опускалась. «Я понимаю, – сказала она, – я должна иметь ребенка от князя».

– Именно! – подтвердил он. – Ты согласна?

Она закричала: «Да, да!» Она откинулась в кресле, вытянула ноги и широко раскрыла объятия: из прически её выбился тяжелый красный локон и упал на затылок. Она вскочила с места и снова опорожнила бокал. «Как здесь жарко, – сказала она. – Страшно жарко!» Она расстегнула блузку и стала обмахиваться носовым платком. Потом протянула свой стакан. «У тебя ещё есть? Выпьем же за здоровье князя!»

Он чокнулся.

– Недурную историю наболтал ты ей тут, – шепнул профессор племяннику, – мне хотелось бы знать, как ты выпутаешься.

«Не бойся, дядюшка, – ответил тот, – впереди ещё целая глава». Он снова обратился к девушке: «Так, значит, по рукам, Альма, – ты нам поможешь? Но есть одна маленькая загвоздка. Дело в том, что, как ты знаешь, барон в тюрьме…»

Она перебила: «Барон – я думала, он князь».

– Князь, – поправился Фрэнк Браун. – Но когда он инкогнито, он именует себя только бароном: такова уж мода у князей. Итак, его высочество…

Она прошептала: «Он даже высочество?»

– Ну да, – ответил он, – императорское и королевское высочество! Но ты должна дать клятву, что никому не скажешь ни слова – ни одному человеку. Так вот, значит, князь сидит в тюрьме, его сторожат очень строго. К нему никого не пускают – только его адвокат. Совершенно немыслимо ввести к нему женщину…

– Ах! – вздохнула она. Её интерес к несчастному князю, видимо, упал.

Но Фрэнк Браун не обратил внимания. «Но, – продолжал он, не смущаясь, декламировать с повышенным пафосом, – в страшном горе, в бесконечном отчаянии и в своей неутолимой жажде мести он вспомнил вдруг о чудесных опытах его превосходительства действительного тайного советника, профессора доктора тен-Бринкена, этого светила науки. Молодой, красивый князь, который в расцвете лет должен сказать «прости» всему миру, помнил ещё с детства доброго старого господина, тот ухаживал за ним, когда у него был коклюш, и приносил тогда много раз конфеты. Вот он сидит, Альма. Взгляните на него: он – орудие мести несчастного князя!» И великолепным жестом он указал на своего дядю.

– Этот достопочтенный господин, – продолжал он, – опередил на много миль свое время. Как появляются дети на свет, ты, Альма, знаешь, конечно. Но ты не знаешь тайны, которую открыл этот благодетель рода человеческого. Тайны рождать детей без того, чтобы мать и отец даже виделись друг с другом. Благородный князь будет спокойно сидеть в тюрьме – или покоиться в холодном гробу, а между тем при благосклонном содействии этого почтенного господина и при участии уважаемого доктора Петерсена ты станешь матерью его ребенка.

Альма взглянула на тайного советника-внезапная перемена фронта, неприятная смена красивого, благородного, обречённого на смерть, юного князя на старого и безобразного профессора ей не понравилась.

Фрэнк Браун заметил это, но постарался тотчас же рассеять её сомнения. «Ребенок князя, Альма, и твой ребенок – должен будет появиться на свет в полнейшей тайне. Его необходимо строго спрятать, пока он не вырастет, чтобы защитить его от интриг и нападок злых родственников. Он будет, конечно, тоже князь – как и его отец».

– Мой ребенок – князь? – прошептала она.

– Да, разумеется, – подтвердил он. – Или, быть может, княжна. Предсказать очень трудно. У него будут дворцы и огромные земли и много миллионов. Но ты не должна становиться потом у него на пути, не должна навязывать своего материнства, не должна его компрометировать.

Это подействовало: по щекам девушки катились крупные слезы. Она вошла уже в новую роль, и теперь испытывала мучительную тихую скорбь по любимому ребенку. Она была проституткой – но её ребенок будет князем! Разве посмеет она приблизиться к нему? Она будет молча терпеть – она будет только молиться за ребенка. Он никогда не узнает, кто его мать…

Она громко зарыдала; все тело её сотрясалось. Она бросилась на стол, закрыла лицо руками и горько заплакала. Ласково, почти нежно, отвёл он от лица её руки и погладил дикие, растрепавшиеся локоны. Он сам почувствовал вкус того сентиментального лимонада, который тут развел. На минуту все показалось ему совершенно реальным. «Магдалина, – прошептал он, – Магдалина…»

Она выпрямилась и протянула ему руку: «Я обещаю вам – что не буду ему навязываться, никогда не подам признака жизни. Но-но…»

– В чем дело? – тихо спросил он.

Она взяла его за руки, упала перед ним на колени.

– Только одно – только одно! – закричала она. – Сумею ли я когда-нибудь посмотреть на него? Хоть издали, чтобы он не заметил?

– Ну, скоро ли ты кончишь, наконец, эту комедию? – шепнул ему тайный советник.

Фрэнк Браун недовольно посмотрел на него. Именно потому, что он чувствовал, как прав его дядя, именно поэтому его кровь так возмутилась. Он прошипел: «Молчи, старый дурак! Разве не чувствуешь, как это красиво?» Он нагнулся к девушке: «Ты увидишь его, увидишь своего юного князя. Я буду брать тебя с собою, когда он пойдет со своими гусарами. Или в театр, когда он будет сидеть в своей ложе, – ты увидишь его…»

Она не ответила ничего, но стиснула его руки и со слезами принялась их целовать…

Потом он медленно поднял её, осторожно посадил в кресло и снова налил ей вина. Целый бокал шампанского пополам с коньяком.

– Ну, ты согласна? – спросил он.

– Да, – тихо ответила она. – Я согласна – но что же всё-таки должна я делать?

Он засмеялся. «Сперва мы составим маленький договор. – Он обратился к ассистенту: – Доктор, у вас найдётся бумага? И перо? Превосходно. Ну, так пишите. Пишите в двух экземплярах».

Он начал диктовать. «Нижеподписавшаяся добровольно отдаёт себя в распоряжение для опыта, который намеревается произвести его превосходительство профессор тен-Бринкен. Она твердо обещает следовать в точности приказаниям этого господина. После родов она отказывается от всех притязаний на ребенка. За это его превосходительство обязывается внести на книжку нижеподписавшейся тотчас же пятнадцать тысяч марок и вручить ей книжку после разрешения от бремени. Он обязуется, далее, нести издержки по её содержанию и до родов выплачивать ей ежемесячно по сто марок карманных денег».

Он взял написанное и ещё раз громко прочел.

– Но тут ведь ничего нет о князе? – заметила она.

– Конечно, нет, – ответил он. – Ни звука. Это должно быть строжайшей тайной.

Она понимала. Но было нечто, что её беспокоило. «Почему – спросила она, – почему вы выбрали именно меня? Для бедного князя, наверное, всякая женщина сделала бы все что в её силах».

Он не знал, что ответить. Вопрос застал его врасплох своею неожиданностью. Но он все же скоро нашёлся. – Да, знаешь ли, – начал он, – дело в следующем: князь в юности любил одну красавицу графиню. Любил её так сильно, как может любить настоящий князь. И она тоже любила прекрасного благородного юношу. Но она умерла.

– Отчего она умерла? – спросила Альма.

– Она умерла-от кори. И у этой прекрасной возлюбленной благородного князя были такие же золотисто-красные локоны, как у тебя. Вообще, она очень на тебя похожа, и вот последняя воля князя – чтобы мать его ребенка напоминала возлюбленную юных дней. Он дал нам портрет и, кроме того, подробно описал её: мы искали по всей Европе, но ничего подходящего не находили. И вот сегодня мы увидели тебя.

Она рассмеялась, польщенная: «Неужели, правда, я так похожа на эту графиню?»

– Как две капли воды! – ответил он. – Вы могли бы быть сестрами. Впрочем, мы и тебя снимем. Вот обрадуется князь, когда увидит твой портрет.

Он подал ей перо: «Ну, подпиши!»

Она взяла перо и бумагу… «Ал… «, – начала она. Что-то попало на перо. Она взяла салфетку и обтёрла перо.

– Черт побери… – пробормотал Фрэнк Браун. – Мне только сейчас пришло в голову, что она несовершеннолетняя. В сущности, нам следовало бы ещё иметь подпись и её отца. А

впрочем – для нас и этого договора будет достаточно. Пиши же, – громко сказал он, – как фамилия твоего отца?

Она ответила:

– Мой отец – булочник Рауне в Гальберштадте.

И она подписала свою фамилию. Фрэнк Браун взял из её рук бумагу. Опустил и снова поднял, пристально посмотрел.

– Господи, – вскричал он. – Это же – это…

«В чем дело?» – спросил ассистент. Тот протянул договор: «Посмотрите – посмотрите – прочтите-ка подпись».

Доктор Петерсен посмотрел на бумагу. «Ну? – удивленно спросил он. – В чем дело? Я не нахожу ничего странного».

– Нет, нет, вы, конечно, этого не поймете, – воскликнул Фрэнк Браун. – Передайте-ка договор профессору. Прочтите-ка, дядюшка.

Профессор прочел подпись. Девушка забыла дописать до конца свое имя. На бумаге стояло – «Ал Рауне».

– Да-да-замечательная случайность, – заметил профессор. Он аккуратно сложил бумагу и положил в боковой карман.

Но племянник воскликнул: «Случайность! Прекрасно – пусть будет случайность. Все, что удивительно и таинственно, – для вас только случайность?» Он позвал кельнера. «Вина, ещё вина, – закричал он. – Дайте мне выпить. Альма Рауне, Ал Рауне, за твое здоровье.

Он сел за стол и перегнулся к профессору.

– Ты помнишь, дядюшка, старого коммерции советника Бруннера из Кёльна? И его сына, которого он назвал Марко? Он учился со мною в одном классе. Хотя и был на два года старше меня. Назвав его Марко, отец просто хотел сострить: его сын назывался теперь Марко Бруннер – так же как известная марка рейнвейна. Ну, а теперь начинается случайность. Старый коммерции советник – самый трезвый человек во всем мире, его жена тоже, то же и все его дети. По-моему, в их доме никогда не пили ничего, кроме воды, молока, чаю и кофе. Пил один только Марко. Начал пить, когда был ещё в школе, – мы часто приносили его домой пьяным. Потом он стал поручиком и лейтенантом. Тогда началось уж как следует. Он пил, пил все больше и больше, натворил глупостей, его прогнали из полка. Трижды помещал его старик в санаторий, – но через несколько недель он становился ещё более горьким пьяницей, нежели раньше. А вот две случайности: он, Марко Бруннер, пил – Маркобруннер. Это стало для него idee fixe, он бегал по всем ресторанам, искал эту марку, ездил по Рейну и выпивал все, что находил в ресторанах. Он мог себе это позволить, – у него были деньги от бабушки. «Алло! – кричал он очень часто. – Маркобруннер поглотит Марко Бруннера! Почему? Потому что Марко Бруннер поглощает Маркобруннер». И люди смеялись над его остротами. Все только одно остроумие, все только случайность, – как и вся жизнь – она сплошная случайность! Но я знаю, что старый коммерции советник отдал бы много сотен тысяч, лишь бы вернуть свою неудачную остроту, – знаю также, что он себе никогда не простит, что назвал своего бедного сына Марко, а не Гансом или Петером. А тем не менее – это случай, глупый, причудливый случай, – все равно как подпись этой невесты князя.

Девушка встала и, шатаясь, облокотилась на стул. «Я – невеста князя, – повторила она, – дайте-ка мне сюда князя!»

Она взяла бутылку коньяка и налила себе полный стакан:

«Я хочу князя, слышите? За твое здоровье, дорогой князь!»

– Его, к сожалению, нет, – сказал доктор Петерсен.

– Нет? – рассмеялась она. – Нет! Так пусть будет другой! Да! Ты – или ты – или даже ты, старикашка! Безразлично – лишь бы мужчина! – Она сорвала блузку, спустила юбку, расстегнула корсаж и бросила его в зеркало: -Мужчину…

– Постыдись, – заметил доктор Петерсен, – разве делает так невеста? – Но взгляд его с жадностью был устремлен на её полную грудь.

Она захохотала: «Ах, что там-князь или не князь! Меня может взять всякий, кто только захочет! Мои дети, публичные дети – их может родить кто угодно-нищий и князь!»

Её тело дрожало от страсти, грудь подымалась, возбуждённая чувственность гнала её кровь по синеватым жилам, а взгляд, и дрожащие губы, и жаждущее тело-все кричало, полное страсти: «Сюда-ко мне!» Она не была уже проституткой – она, освобождённая от всех оболочек, свободная от всех пут и оков, была могучим прообразом женщины: пол с ног до головы.

– О, она действительно то, что нам нужно! – прошептал Фрэнк Браун. – Земля-мать…

Ею овладела дрожь. Ей стало холодно. Еле волоча ноги, она шатнулась к дивану.

– Не знаю, что со мною, – пробормотала она, – все вертится.

– Выпила лишнее, – поспешно объяснил Фрэнк Браун. – Выпей ещё и постарайся заснуть. – Он поднес ей опять полный стакан коньяку.

– Да, я засну… – пробормотала она.

Она бросилась на диван и подняла в воздух обе ноги. Громко захохотала, потом зарыдала и наконец тихо заплакала. Легла на бок и закрыла глаза.

Фрэнк Браун накрыл её и подсунул ей под голову большую подушку.

Заказал кофе, подошел к окну и распахнул его настежь.

Но тотчас же снова закрыл, как только в комнату ворвался свет раннего утра.

Он отвернулся:

– Ну, господа, вы довольны этим объектом?

Доктор Петерсен восторженным взглядом смотрел на проститутку. «По-моему, она подойдет как нельзя больше, – сказал он. – Ваше превосходительство, обратите внимание на её телосложение… Оно как бы предназначено для безукоризненных родов».

Вошёл кельнер и подал кофе. Фрэнк Браун сказал:

– Протелефонируйте на станцию медицинской помощи. Пусть пришлют носилки. Наша дама тяжело захворала.

Тайный советник удивленно посмотрел на него:

– Что должно это означать?

– Это должно означать, – засмеялся племянник, – что я кую гвозди с головками, дядюшка. Должно означать, что я думало за тебя, и я, по-моему, думаю умнее тебя. Неужели ты воображаешь, что эта девушка, когда протрезвеет, согласится поехать с тобою? Пока я опьянял её словами и вином, не давал ей даже опомниться, до тех пор она соглашалась со всем. Но от вас она убежит через несколько шагов, – несмотря на все деньги и на всех князей. Поэтому-то и нужно её теперь взять. Как только принесут носилки, вы, доктор Петерсен, должны не медля ни минуты, отправиться с нею на вокзал! Первый поезд, если не ошибаюсь, идёт в шесть часов, вы поедете им. Возьмите отдельное купе и уложите там пациентку, я думаю, она не проснется, а если и проснется, то дайте ей ещё коньяку. Вы можете даже влить в него несколько капель морфия. А вечером вы уже приедете в Бонн вместе с добычей. Телеграфируйте, чтобы вас ждал на вокзале экипаж профессора, отнесите девушку в карету и отвезите прямо в клинику. Когда она окажется там, уйти ей будет не так-то легко, – у вас есть всевозможные средства.

– Но простите, – вставил ассистент, – ведь это же напоминает насильственный увоз.

– Хоть бы и так, – заметил Фрэнк Браун. – Впрочем, ведь ваша буржуазная совесть спокойна: у вас имеется договор. А теперь не теряйте времени попусту – делайте, что вам говорят.

Доктор Петерсен обернулся к патрону, который молча, задумчиво стоял посреди комнаты. Взять ему купе первого класса? И какую комнату отвести девушке? Не лучше ли нанять особого служителя для неё? И может быть…

Между тем Фрэнк Браун подошел к спящей.

– Красивая девушка, – прошептал он. – Как золотые змейки, ползут твои локоны!

Он снял с пальца тонкое золотое кольцо с маленькой жемчужиной. Взял её руку и надел кольцо: «Возьми. Эмми Стенгоб дала его мне, когда меня отравили её дивные чары. Она была красива, сильна, была, как ты, странная женщина! Спи, дитя, – пусть тебе снится твой князь и твой ребенок от князя!» Он нагнулся и тихо поцеловал её в лоб…

Принесли носилки. Носильщики уложили спящую, одели её, закрыли шерстяным одеялом и вынесли.

«Как труп», – подумал Фрэнк Браун.

Доктор Петерсен простился и тоже вышел. Они остались вдвоём. Прошло несколько минут, оба молчали. Потом тайный советник подошел к племяннику.

– Благодарю тебя, – сухо сказал он.

– Не стоит, – ответил племянник. – Я сделал это только потому, что мне самому доставило это удовольствие, – было для меня хоть каким-нибудь развлечением. Я должен был бы солгать, если бы сказал, что сделал это для тебя.

– Я так и думал. Между прочим, могу сообщить новость, которая тебя, вероятно, заинтересует. Когда ты болтал тут о ребенке, мне пришла в голову одна мысль. Когда ребенок родится, я усыновлю его. – Он зло улыбнулся: – Вот видишь, мой дорогой племянник, твоя теория не совсем уж неправильна: маленькое существо Альрауне, ещё не рожденное, даже ещё не зачатое, отнимает у тебя состояние. Я сделаю его своим наследником. Тебе я сейчас говорю об этом только для того, чтобы ты не строил излишних иллюзий.

Фрэнк Браун почувствовал удар. Но посмотрел профессору прямо в лицо.

– Хорошо, дядюшка, – сказал он спокойно, – ведь все равно в конце концов ты бы лишил меня наследства, не правда ли?

Но профессор выдержал взгляд и ничего не ответил.

Фрэнк Браун продолжал: «Ну, так было бы недурно, если бы мы сейчас свели наши счеты, я часто сердил тебя, огорчал-за это ты лишил меня наследства: мы квиты. Но, согласись, ведь эту мысль подал тебе я. И в том, что ты получил теперь возможность её осуществить, ты тоже целиком обязан мне. Значит, ты должен теперь меня отблагодарить. У меня есть долги…»

Профессор насторожился. По его лицу пробежала лёгкая тень. «Сколько?» – спросил он.

Фрэнк Браун ответил: «Не так уж много! Тысяч двадцать наберётся, пожалуй».

Он ждал, но профессор упорно молчал.

– Ну? – нетерпеливо спросил он.

Старик ответил: «То есть как это – ну? Неужели ты серьезно думаешь, что я заплачу твои долги?»

Фрэнк Браун смотрел на него, в висках его стучало. Но он овладел собою.

– Дядюшка, – сказал он, и голос его слегка задрожал, – я бы тебя не просил, если бы мне не было нужно. Некоторые из моих долгов необходимо погасить теперь же. Среди них есть карточные долги, долги чести.

Профессор пожал плечами: «К чему же ты играл…»

– Я сам это знаю, – ответил Фрэнк Браун. Он все ещё одерживался, напрягая все свои нервы. – Конечно, я не должен был этого делать. Но раз сделано-я должен теперь заплатить. Ещё одно – я не могу больше просить у матери. Ты знаешь так же хорошо, как и я, что она делает для меня больше, чем в её силах. К тому же она только недавно привела в порядок мои дела. В довершение всего она больна – словом, я не могу просить её и не стану.

Тайный советник злорадно улыбнулся: «Мне очень жаль твою бедную мать, но это отнюдь не заставляет меня изменить решение».

– Дядюшка! – вскричал он, вне себя от этого холодного иронического голоса. – Дядюшка, ты не знаешь, что делаешь. В крепости я задолжал товарищам несколько тысяч и должен их заплатить ещё на этой неделе. У меня также есть целый ряд мелких долгов разным людям,

которые мне одолжили на честное слово, – я не могу их обмануть. Я взял взаймы даже у коменданта, чтобы поехать сюда.

– И у него? – перебил профессор.

– Да, и у него! – повторил он. – Я наврал, что ты при смерти и что я должен быть возле тебя. Он согласился дать мне денег.

Тайный советник покачал головой.

– Ах, вот что ты ему рассказал? Ты истинный гений в надувательстве и обмане! Этому необходимо положить конец.

– Господи, – вскричал племянник, – будь же благоразумен, дядюшка. Мне нужны деньги: я погиб, если ты не поможешь.

Тайный советник ответил: «Ну, особой разницы я тут не вижу. Ты и так погиб – порядочный человек из тебя никогда уже не выйдет».

Фрэнк Браун схватился руками за голову:

– И это говоришь мне ты, ты?

– Конечно, – ответил профессор. – Куда ты девал все свои деньги? Ты тратишь их самым бессовестным образом.

Он не выдержал: «Может быть, дядюшка, но я никогда ещё не брал их бессовестным образом – как ты, например…»

Он закричал, ему показалось, будто он поднял хлыст и опустил прямо на уродливое лицо старикашки. Он почувствовал, как попал в цель; он почувствовал также, как хлыст просвистел насквозь, не встретив преград, словно сквозь клейкую грязь…

Спокойно, почти дружелюбно тайный советник ответил: «Я вижу, ты все ещё не поумнел. Позволь же твоему старому дяде дать тебе добрый совет, – быть может, он принесет пользу. Если чего-нибудь хочешь от людей, то нужно уступать некоторым их слабостям, – заметь себе это. И воспользуйся. Ты соглашаешься со мною, что я много приобрел. Я добился того, чего хотел. Теперь же наоборот-ты просишь меня, но и не думаешь идти нужным путем. Не воображай, однако, мой дорогой, что это могло бы помочь тебе в чем-нибудь у меня. Нет, нет! Но, быть может, это поможет тебе у других, – ты поблагодаришь меня за добрый совет».

Фрэнк Браун заметил: «Дядя, я пошел путем унижения. Сделал это-первый раз в жизни; сделал, когда попросил тебя – попросил! Но ещё раз этим путем я не пойду. Неужели ты хочешь, чтобы я ещё больше перед тобою унижался? Будет, довольно – дай мне денег».

Тайный советник ответил: «Я тебе предложу кое-что, дорогой. Только обещай меня выслушать и не приходи в бешенство, – что бы ни было!»

Он сказал спокойно: «Хорошо, дядюшка».

– Ну, слушай. Я тебе дам денег, столько, сколько тебе понадобится, чтобы привести в порядок дела. Дам даже больше, – относительно цифры мы уж сойдемся. Но мне ты нужен-нужен у меня в доме. Я постараюсь устроить так, чтобы тебя перевели ко мне в город, – устрою так, чтобы тебя выпустили из крепости.

– С удовольствием! – ответил Фрэнк Браун. – Мне безразлично, здесь я или там. Но сколько будет это длиться?

– Около года, пожалуй, даже меньше, – ответил профессор.

– Согласен. Что же я должен делать?

– Почти ничего. Это просто маленькое побочное занятие – ты привык к нему, оно тебе не покажется трудным.

– В чем же дело? – настаивал Фрэнк Браун.

– Видишь ли, мой дорогой, – продолжал тайный советник, – понадобится маленькая помощь девушке, которую ты раздобыл. Ты прав: она от нас убежит. Ей будет невыносимо скучно, и она, конечно, постарается сократить время ожидания. Ты преувеличиваешь средства, которыми мы сумеем её удержать. В частной психиатрической лечебнице очень легко удержать

человека, гораздо легче, чем в тюрьме или в остроге. К сожалению, наше учреждение не так хорошо приспособлено. Не могу же я запереть её в террариум вместе с лягушками или в клетку с обезьянами или морскими свинками, правда?

– Конечно, дядюшка, – ответил племянник, – надо изобрести что-нибудь. Старик кивнул: «Я уже придумал, что сделать. Мы должны иметь что-нибудь, что бы её там удерживало. Но доктор Петерсен не представляется мне подходящим человеком для того, чтобы приковать на продолжительное время её интерес, по-моему, его будет мало и на одну ночь. Но это должен быть, конечно, мужчина; поэтому-то я и подумал о тебе…»

Фрэнк Браун сжал с такой силой спинку кресла, точно хотел сломать. Он тяжело дышал. «Обо мне… – повторил он.

– Да, о тебе, – продолжал тайный советник, – по-видимому, это одна из немногих вещей, к которым ты способен. Ты сумеешь её удержать. Будешь болтать ей всякий вздор-по крайней мере, твоя фантазия получит какую-то разумную цель. А за неимением князя она влюбится в тебя – ты сумеешь, значит, удовлетворить и её чувственные потребности. Если же ей будет мало, у тебя найдётся достаточно друзей и знакомых, которые с удовольствием воспользуются случаем провести несколько часов в обществе прелестного создания.

Фрэнк Браун задыхался, голос его звучал глухо и хрипло;

«Дядюшка, ты знаешь, что ты от меня требуешь? Я должен быть любовником этой проститутки, в то время как она будет носить в себе ребенка убийцы?»

– Да, да, – спокойно прервал его профессор. – Ты прав. Но это, по-видимому, единственное, на что ты пригоден ещё, мой дорогой.

Он ничего не ответил. Он испытывал жгучее оскорбление, чувствовал, как щеки покрываются багровым румянцем, как в висках стучит от волнения. Казалось, будто по всему лицу его горят длинные полосы, которые оставил хлыст профессора. Он понимал: да-да-старик наслаждается своею местью.

Тайный советник заметил это, и довольная, злорадная улыбка легла на его отвислые губы. «Подумаем как следует, – произнес он размеренным тоном, – нам не в чем упрекать друг друга и нечего скрывать. Мы можем называть вещи своими именами: я намерен пригласить тебя в качестве сутенера этой проститутки».

Фрэнк Браун почувствовал: он низвергнут. Он беспомощен, безоружен. Он не может пошевельнуть даже пальцем. А безобразный старик топчет его своими грязными ногами и плюет в его раскрытые раны своею ядовитою слюною… Он ничего не ответил. Он шатался, ему было дурно. Не помнил он, как спустился, очутился на улице и увидел ясное утреннее солнце. Он почти не создавал, что идёт. У него было чувство, будто он лежит, растянувшись на грязной мостовой, поверженный глухим страшным ударом в голову…

Он шел долго. Прошел много улиц. Останавливался перед афишными столбами, читал большие плакаты. Но видел только слова – не понимая их. Потом попал на вокзал. Подошел к кассе и попросил билет.

– Куда? – спросил кассир.

Куда? Да – куда же? И он сам удивился, когда его голос ответил: «В Кобленц». Он стал шарить в карманах, отыскивая деньги.

– Билет третьего класса, – крикнул он. На это денег ещё хватало.

Он поднялся по лестнице на перрон и только тут заметил, что он без шляпы.

Сел на скамейку и стал ждать. Потом увидел, как пронесли носилки, позади них шел доктор Петерсен. Он не двинулся с места. У него было чувство, точно он тут совсем не при чем, он видел, как подъехал поезд, заметил, как врач вошёл в купе первого класса и как носильщики осторожно внесли свою ношу. Он сел в последний вагон.

По губам его пробежала странная улыбка. «Правильно, правильно… – подумал он. – В третьем классе – как раз для слуги, для – сутенера».

Но тотчас же забыл обо всем, забился в угол и стал смотреть пристально в пол. Глухое чувство не оставляло его. Он слышал, как выкрикивают названия станций; временами казалось, будто они следуют непрерывно одна за другой, точно мчатся, как искры по проволоке. А потом снова вечность стала отделять один город от другого…

В Кёльне ему пришлось пересесть и ждать поезда, который шел вверх по Рейну. Но он не заметил никакой перемены, не почувствовал, сидит он на скамейке перрона или в вагоне.

Потом он очутился вдруг в Кобленце, вышел из вагона и пошел снова по улице. Наступила ночь; он вдруг вспомнил, что ему ведь нужно в крепость. Он перешел через мост, взобрался в темноте на скалу по узкой тропинке.

Неожиданно очутился он наверху – на казарменном дворе, в своей камере, на постели. Кто-то шел по коридору. Вошёл к нему в камеру со свечой в руке. Это был морской врач, доктор Клаверьян.

– Вот как! – послышалось на пороге. – Значит, фельдфебель был всё-таки прав! Ты вернулся! Ну, так пойдем же скорее – ротмистр держит банк.

Фрэнк Браун не шевелился, он почти не слышал слов товарища. Тот взял его за плечо и встряхнул.

– Ты уже спишь? Соня! Не глупи, пойдем!

Фрэнк Браун вскочил точно ужаленный. Схватил стул, поднял его, подошел ближе.

– Убирайся вон, – прохрипел он, – вон, негодяй!

Доктор Клаверьян застыл, как вкопанный, посмотрел на его бледные, искажённые черты лица с тупыми угрожающими глазами. В нем проснулось вдруг все, что оставалось ещё от врача, и он моментально понял, в чем тут дело.

– Вот как? – сказал он спокойно. – Тогда извини… – он вышел из камеры.

Фрэнк Браун постоял минуту со стулом в руках. Холодная улыбка играла на его губах. Но он не думал ни о чем, решительно ни о чем.

Он услышал стук в дверь – точно откуда-то издали, поднял глаза – перед ним стоял маленький поручик.

«Ты уже вернулся? – спросил он. – Что с тобой?» Он испугался, выбежал из камеры, когда тот ничего не ответил, и вернулся со стаканом и бутылкой Бордо: «Выпей, тебе станет лучше».

Фрэнк Браун выпил вина. Он чувствовал, как проникало оно в его кровь, чувствовал, как ноги дрожат, точно грозят подломиться. Он тяжело опустился на постель.

Поручик помог ему лечь. «Пей, пей», – настаивал он. Но Фрэнк Браун отстранил стакан. «Нет, нет, – прошептал он. – Я опьянён. – Он слабо улыбнулся. – Кажется, я ещё сегодня не ел…»

Откуда-то послышался шум, громкий смех и крики.

– Что они там делают? – спросил он равнодушно.

Поручик ответил: «Играют. Вчера приехало двое новых, – он опустил руку в карман. – Да, кстати, чтобы не забыть, я получил за тебя телеграфный перевод на сто марок, только что, вечером. Вот!»

Фрэнк Браун взял бланк, но должен был прочесть его дважды, прежде чем понял. Дядюшка посылал сто марок и телеграфировал: «Посылаю в виде аванса».

Он вскочил. Туман разорвался, и красный кровавый дождь хлынул перед глазами… Аванс! Аванс? За то, что предложил ему старик?! Поручик протянул деньги. Он взял их, он чувствовал, как они жгут ему пальцы, и эта боль, которую он испытывал чисто физически, принесла какое-то странное облегчение. Он закрыл глаза и стал наслаждаться этой жгучей болью, та пронизывала все тело. Сжигала чувство последнего страшного оскорбления…

– Давай сюда! – закричал он. – Давай вина! – Он пил, выпил много; ему казалось, вино заглушает это жгучее пламя.

– Они играют? – спросил он и взял поручика за руку. – Пойдем-пойдем к ним!

Они пошли в собрание.

– Вот и я! – вскричал он. – Сто марок на восьмёрку. – Он положил деньги на стол. Ротмистр вынул семерку.

Глава 5. Повествующая о том, кого они выбрали отцом и как смерть была восприемницей Альрауне.

Доктор Карл Петерсен подал тайному советнику большую красиво переплетенную книгу, которую заказал по специальному его распоряжению: на красной коже в верхнем левом углу красовался старинный герб тен-Бринкенов, а в середине сияли большие золотые инициалы: А.т.-Б. Первые страницы были пусты: профессор оставил их для того, чтобы записать всю предварительную историю. Рукопись начиналась рукою доктора Петерсена и содержала краткое и простое жизнеописание матери того существа, которому посвящена была книга. Ассистент заставил девушку рассказать ещё раз свою жизнь и тотчас же записал в эту книгу. Здесь были перечислены даже те наказания, которым она подвергалась: дважды осуждена за бродяжничество, пять или шесть раз за нарушение полицейских правил, касающихся её профессии, и один раз даже за воровство, – но она утверждала, что в этом совершенно неповинна: ей просто подарили бриллиантовую булавку.

Далее шло – опять рукою доктора Петерсена – жизнеописание отца, безработного горняка Петера Вейнанда Нерриссена, осуждённого на смертную казнь по приговору суда присяжных. Прокуратура любезно предоставила в распоряжение доктора все документы, и с помощью их он и составил биографию.

Судя по ней, Нерриссен ещё с детства был предназначен самою судьбою к тому, что его теперь ожидало. Мать – закоренелая алкоголичка, отец – поденщик, судился несколько раз за жестокое обращение. Один из братьев сидел уже десять лет в тюрьме. Сам Петер Вейнанд Нерриссен после окончания школы поступил в учение к кузнецу, который засвидетельствовал затем на суде его искусную работу, а также невероятную силу. Тем не менее кузнец его скоро прогнал, потому что тот не позволял говорить себе ни единого слова, да и кроме того на него жаловались все женщины. После этого он служил на многих фабриках и поступил наконец на завод «Феникс» в Руре. От военной службы его освободили по физическим недостаткам: на левой руке не хватало двух пальцев. В профессиональных союзах он никогда не участвовал: ни в старых социалистических, ни в христианских, ни даже в гирш-дункеровских, – это обстоятельство старался использовать в его защиту адвокат на суде. С завода его прогнали, когда он в драке тяжело ранил ножом обер-штейгера. Его судили и приговорили к году тюрьмы. С момента выхода из тюрьмы точных сведений о нем не имеется: тут приходится полагаться всецело на его собственные показания. Судя по ним, он начал бродяжничать, дошёл до Амстердама. По временам работал и несколько раз сидел за бродяжничество и мелкие кражи. Но, по-видимому, – так утверждал, по крайней мере, прокурор – он и за те семь-восемь лет совершил несколько более тяжелых преступлений. Преступление, за которое его осудили теперь, было не совсем ясно, – остался нерешённым вопрос, было ли то убийство с целью грабежа или на половой почве. Защита старалась изобразить его в следующем виде: обвиняемый однажды вечером встретил в поле девятнадцатилетнюю, хорошо одетую помещичью дочь Анну Сивиллу Траутвейн и сделал попытку её изнасиловать. Но встретил сопротивление и, главным образом затем, чтобы заглушить её дикие крики, выхватил нож и убил её. Вполне естественно, что желая скрыться, он украл затем бывшие при ней деньги и снял некоторые драгоценные вещи. Объяснение противоречило, однако, данным вскрытия трупа, которое установило страшное надругательство над жертвой: преступник изрезал её ножом, причем удары были нанесены с изумительной правильностью. Документ заканчивался так, что пересмотр дела был отклонён, что корона не воспользовалась последним своим правом помилования и что казнь назначена была на следующий день в шесть часов утра. В заключение ещё значилось, что преступник согласился на предложение доктора Петерсена, потребовав за это две бутылки водки, которые

он получил сегодня в восемь часов вечера. Тайный советник прочел описание и возвратил доктору книгу"

– Отец дешевле матери! – рассмеялся он. Потом обратился к ассистенту: – Так, значит, вы будете присутствовать на казни. Не забудьте взять с собою физиологический раствор соли и торопитесь по возможности – дорога каждая минута. Особых распоряжений на этот счет я вам не даю. Сиделки приглашать не нужно; нам поможет княгиня.

– Княгиня Волконская, вероятно? – спросил доктор Петерсен.

– Да, да, – кивнул профессор, – у меня есть основание привлечь её к операции – да и она сама очень интересуется. Да, кстати, как сегодня наша пациентка?

Ассистент ответил: «Ах, ваше превосходительство, старая песня, одна и та же все три недели, что она здесь. Плачет, кричит и буянит, – требует, чтобы её выпустили. Сегодня опять она разбила два таза.

– Пробовали вы её уговаривать? – спросил профессор.

– Конечно, пробовал, но она не даёт говорить, – ответил доктор Петерсен. – Поистине счастье, что завтра все будет кончено. Но как сумеем мы удержать её до рождения ребенка, для меня загадка.

– Вам не придется её разрешать, Петерсен. – Тайный советник снисходительно потрепал его по плечу. – Мы уже найдём средство, делайте только свое дело.

Ассистент почтительно ответил: «Можете во всем на меня положиться, ваше превосходительство».

Раннее утреннее солнце поцеловало густую листву чистенького садика, в котором была расположена женская клиника тайного советника. Оно скользнуло лучами по пестрым, ещё влажным от росы клумбам георгинов и приласкало высокий, вьющийся, кудрявый хмель на стене. Пестрые чижики и большие дрозды прыгали по гладким дорожкам, по скошенной траве. Проворно взлетели они в воздух, когда восемь железных копыт загремели по каменной мостовой улицы.

Княгиня вышла из экипажа и быстрыми шагами прошла через сад. Щеки её горели, высокая грудь подымалась, когда она взошла по лестнице в дом.

Навстречу ей вышел тайный советник и сам отворил дверь: «Да, ваше сиятельство, вот это я называю пунктуальностью! Войдите, пожалуйста. Я приготовил для вас чаю».

Она сказала – голос едва повиновался ей, она задыхалась от волнения: «Я – прямо – оттуда. Я видела все. Это – это – меня так – взволновало!»

Он провел её в комнату:

– Откуда, ваше сиятельство? С-казни?

– Да, – ответила она. – Доктор Петерсен тоже сейчас будет здесь. Получила билет – ещё вчера вечером… Это было – так – страшно – так…

Тайный советник подал ей стул: «Может, налить вам чаю?»

Она кивнула: «Пожалуйста, ваше превосходительство, будьте добры! Как жаль, что вас не было там! Какой он красивый – здоровый – сильный – высокий…»

– Кто? – спросил профессор. – Преступник?

Она начала пить чай: «Ну да, убийца! Сильный, стройный – могучая грудь – как у атлета. Огромные мускулы – будто у быка…»

– Вы, ваше сиятельство, видели всю процедуру? – спросил тайный советник.

– Превосходно видела! Я стояла у окна, как раз передо мной был эшафот. Когда его выводили, он немного шатался – его должны были поддерживать. Будьте добры ещё кусок сахару.

Тайный советник подал сахар: «Он что-нибудь говорил?»

– Да, – ответила княгиня. – Даже дважды. Но всякий раз по одному слову. Первое, когда прокурор прочел приговор. Он закричал вполголоса – но, право, я не могу повторить этого слова…

– Но – ваше сиятельство! – тайный советник ухмыльнулся и слегка погладил её по руке. – Передо мною вам, во всяком случае, стесняться нечего.

Она рассмеялась: «Конечно, конечно, нет. Ну, так вот – дайте мне, пожалуйста, кусочек лимона, мерси, положите прямо в чашку – ну, так вот, он сказал – нет, я не могу повторить…»

– Ваше сиятельство! – тоном лёгкого упрека заметил профессор.

– Тогда закройте глаза.

Тайный советник подумал: «Старая обезьяна!» Но все же закрыл глаза. «Ну?» – спросил он.

Она все ещё жеманилась: «Я – я скажу по-французски».

– Ну – хоть по-французски! – воскликнул он с нетерпением.

Она сложила губы, нагнулась к нему и шепнула что-то на ухо.

Профессор откинулся немного назад, крепкие духи княгини были ему неприятны: «Так вот, значит, что он сказал!»

– Да, – и произнес это так, точно хотел сказать, что ему все безразлично. Мне в нем это понравилось.

– Ещё бы, – согласился тайный советник. – Жаль только, что он не сказал этого – по-французски. Ну, а другое слово?

– Ах, оно было уж неинтересно. – Княгиня пила чай и ела кекс. – Второе слово испортило хорошее впечатление, которое он на меня произвел. Подумайте только, ваше превосходительство: когда палач взял его, он начал вдруг кричать, плакать, как ребенок.

– Ах, – воскликнул профессор. – Ещё чашечку чаю, ваше сиятельство? Что же он закричал?

– Сначала он сопротивлялся молча, но изо всех сил, хотя руки были у него связаны за спиною. Помощники палача кинулись на него, а сам палач во фраке и белых перчатках стоял спокойно и только смотрел. Мне понравилось, как преступник стряхнул с себя троих молодцов, – они опять бросились на него, но он не давался. О, как это взволновало меня, ваше превосходительство!

– Могу себе представить, ваше сиятельство, – заметил он.

– А потом один из помощников палача подставил ему ногу и быстро поднял сзади за связанные руки. Он упал. И, наверное, понял, что сопротивление не приведет ни к чему, что его песенка спета. Быть может – он был пьян – а потом вдруг протрезвился. Да – и вдруг закричал… Тайный советник улыбнулся: «Что же он закричал? Не закрыть ли мне снова глаза?»

– Нет, вы можете спокойно открыть их. Он стал сразу каким-то робким, жалким, беспомощным и закричал: «Мама – мама – мама». Много раз. Наконец они поставили его на колени и впихнули голову в круглое отверстие доски.

– Так, значит, до последней минуты он звал свою мать? – переспросил тайный советник.

– Нет, – ответила она, – не до последней. Когда доска обхватила шею и голова показалась с другой стороны, он сразу вдруг замолчал, в нем что-то, наверное, произошло.

Профессор стал слушать со вниманием: «Вы хорошо видели его лицо, ваше сиятельство?»

Княгиня ответила: «Видела я превосходно, но что было с ним – я не знаю. Да ведь это продолжалось всего одно мгновение: палач посмотрел вокруг, все ли в порядке, а рука уже искала кнопку, чтобы опустить нож. Я увидела глаза убийцы, они были широко раскрыты в какой-то безумной страсти, увидела широко раскрытый рот и жадные, искажённые черты лица…»

Она замолчала. «Это все?» – спросил профессор.

– Да, потом нож упал, и голова скатилась в мешок, который держал тут же помощник. Дайте мне ещё мармеладу. Раздался стук в дверь; вошёл доктор Петерсен. В руках у него была длинная пробирка, тщательно закрытая и закутанная ватой.

– С добрым утром, ваше превосходительство! – сказал он. – С добрым утром, ваше сиятельство, вот-здесь все.

Княгиня вскочила с места: «Дайте мне посмотреть…»

Но тайный советник удержал её: «Подождите, ваше сиятельство, вы ещё успеете увидеть. Если ничего не имеете против, то мы немедленно приступим к работе. – Он обратился к ассистенту: – Я не знаю, нужно ли это, но на всякий случай позаботьтесь…» Его голос понизился, и он шепнул что-то на ухо доктору.

Тот кивнул: «Хорошо, ваше превосходительство, я сейчас же распоряжусь».

Они прошли по коридору и остановились в конце его перед № 17.

– Она здесь, – сказал тайный советник и осторожно открыл дверь.

Комната была вся белая и сияла от яркого солнца. Девушка крепко спала на постели. Светлый луч сквозь решетку окна дрожал на полу, вползал по золотой лестнице, крался по белью, ласкал нежно её щеки и зажигал ярким пламенем красные волосы. Губы были полураскрыты и шевелились – казалось, будто она тихо шепчет слова любви.

«Ей что-то снится, – заметил тайный советник, – наверное, князь!» Он положил свою большую холодную руку ей на плечо и встряхнул: «Проснитесь, Альма!» Она испуганно задрожала, приподнялась немного.

– Что? В чем дело? – пробормотала она в полусне. Потом узнала профессора и откинулась на подушку. – Оставьте меня!

– Бросьте, Альма, не делайте глупостей, – сказал тайный советник. – Все готово. Будьте же благоразумны и не мешайте нам.

Быстрым движением он сорвал с неё одеяло и бросил на пол. Глаза княгини широко раскрылись. «Очень хороша! – сказала она. – Девушка прекрасно сложена».

Но Альма спустила сорочку и закрылась, насколько могла, подушкой. «Прочь! прочь! – закричала она. – Не хочу».

Тайный советник кивнул ассистенту: «Давайте! Поторопитесь, нам нельзя терять времени». Доктор Петерсен быстро вышел из комнаты.

Княгиня села на постель и начала уговаривать девушку: «Малютка моя, не глупите, ведь вам совсем не будет больно». Она начала ласкать её и своими толстыми пальцами, унизанными кольцами, стала гладить. Альма оттолкнула её: «Что вам нужно? Уйдите, уйдите, я не хочу».

Но княгиня не отводила: «Я желаю тебе только добра, я подарю тебе кольцо и новое платье…»

– Не хочу я кольца, – закричала Альма, – не нужно мне платья. Пустите меня, оставьте меня в покое!

Тайный советник спокойно, с улыбкой открыл пробирку;

«Вас скоро оставят в покое и скоро отпустят. Пока вы должны исполнить взятое на себя обязательство. Вот и доктор. – Он обернулся к ассистенту, который вошёл с хлороформом: – Давайте скорее!» Проститутка посмотрела на него широко раскрытыми испуганными глазами. «Нет! – закричала она, – нет, нет». Она сделала движение, чтобы выскочить из постели и толкнула ассистента, который попытался её удержать, толкнула обеими руками в грудь так, что он зашатался и едва не упал. Но княгиня бросилась на девушку и повалила её огромным весом своего тела на постель. Обвила её руками, впилась пальцами в тело и схватила зубами длинные красные волосы. Альма продолжала кричать, била ногами, но не могла подняться под этой невероятной тяжестью. Она почувствовала, как врач опустил ей на лицо маску и услышала, как он тихо считает: «Раз – два – три…» Она неистово закричала: «Нет, нет, не хочу! Не хочу! Ах – ах – я задыхаюсь…»

Крик её замер и сменился жалким, еле слышным рыданием. «Мама – мама – мама…»

Две недели спустя проститутка Альма Рауне была арестована и посажена в тюрьму. Арест последовал на основании донесения его превосходительства действительного тайного советника тен-Бринкена, по подозрению в краже со взломом.

В первые дни профессор несколько раз осведомлялся у своего ассистента о той или другой вещи, которые у него пропадали. Пропало старинное кольцо с печатью – он снял его, когда мыл руки, и оставил на умывальнике; пропал и маленький кошелёк, который, как он перкрасно помнит, оставался у него в палате. Он попросил доктора Петерсена последить за прислугой. В один прекрасный день из запертого ящика письменного стола ассистента исчезли золотые часы. Ящик был взломан. Но тщательный обыск клиники, произведенный тотчас же по просьбе самих же служащих, дал отрицательный результат.

– Это, наверное, кто-нибудь из пациенток, – заметил тайный советник и распорядился произвести обыск в палатах.

Но и тот не дал никаких результатов.

– Вы обыскали все палаты? – спросил Петерсена патрон.

– Все, ваше превосходительство! – ответил ассистент. – Кроме комнаты Альмы.

– Почему же вы там не посмотрели? – спросил опять профессор.

– Но, ваше превосходительство! – возразил доктор Петерсен. – Этого совершенно не может быть. Её охраняют день и ночь. Она ни разу не выходила из палаты, и, кроме того, с тех пор как она знает, что наш опыт удался, она совершенно обезумела. Она кричит и вопит целыми днями, сводит нас всех с ума, – она думает только о том, как бы ей выйти отсюда и как бы устроить, чтобы разрушить наш план; кстати сказать, ваше превосходительство, я считаю абсолютно невозможным удержать её здесь все время.

– Вот как? – Тайный советник рассмеялся: – Ну, Петерсен, прежде всего поищите-ка в № 17. Я вовсе не считаю этого совсем невозможным.

Через несколько минут ассистент вернулся, неся что-то в носовом платке.

– Вещи, – сказал он. – Я нашёл их спрятанными у неё в мешке с бельём.

– Вот видите! – обрадовался тайный советник. – Протелефонируйте же скорее в полицию.

Ассистент медлил: «Простите, ваше превосходительство, позволю себе возразить. Девушка, безусловно, невиновна, хотя, конечно, улики и против неё. Нужно было посмотреть на неё, когда я со старой сиделкой обыскивал комнату и нашёл эти вещи. Она была совершенно апатична, все это её нисколько не трогало. Она, безусловно, невиновна в краже. Кто-нибудь из персонала украл вещи и, боясь, что его накроют, спрятал у неё в комнате». Профессор улыбнулся: «Вы большой рыцарь, Петерсен, но – безразлично!»

– Ваше превосходительство, – не унимался ассистент. – Может быть, ещё немного подождем? Не лучше ли сперва подвергнуть допросу персонал…

– Послушайте, Петерсен, – сказал тайный советник. – Вы должны немного больше думать. Украла она вещи или нет, нам, в сущности, безразлично. Главное то, что мы избавимся от неё и в то же время поместим в надёжное место. В тюрьме она будет в сохранности. Гораздо больше, чем здесь. Вы знаете, как хорошо я ей плачу, – я даже согласен прибавить немного за причиненные неприятности – конечно, если все пройдет благополучно. В тюрьме ей не будет хуже, чем у нас: комната, правда, поменьше, постель потверже и еда не такая хорошая, но зато ведь у неё появится общество – а это кое-что значит.

Доктор Петерсен посмотрел на него, все ещё немного колеблясь: «Вы совершенно правы, ваше превосходительство, но – не станет ли она там болтать? Ведь будет очень неприятно, если…»

Тайный советник улыбнулся: «Почему? Пускай болтает сколько заблагорассудится. Histeria mendax – вы же знаете, она истеричка, а истерички имеют полное право лгать! Никто ей не поверит. Просто-напросто истерическая беременная женщина. А что может она там рас-

сказать? Историю с князем, которую наврал мой милый племянничек? Неужели вы думаете, что судья, прокурор, смотритель тюрьмы, пастор или вообще какой-нибудь разумный человек обратит внимание на то, что эта проститутка будет болтать? Кроме того, я сам поговорю с тюремным врачом – кто там сейчас?»

– Мой коллега, доктор Першейт, – ответил ассистент.

– Ах, ваш приятель, маленький Першейт, – продолжал профессор. – Я тоже знаю его. Я его попрошу особенно следить за нашей пациенткой. Скажу, что она прислана в клинику моим знакомым, имевшим с нею связь; скажу, что этот господин готов позаботиться об ожидаемом ребенке. Обращу внимание на болезненную склонность её ко лжи и даже передам то, о чем она, по всей вероятности, будет говорить. Кроме того, мы за наш счет поручим её защиту советнику юстиции Гонтраму и тоже расскажем ему все так, чтобы он ни на секунду не поверил словам проститутки. Ну, у вас есть ещё какие-нибудь опасения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.